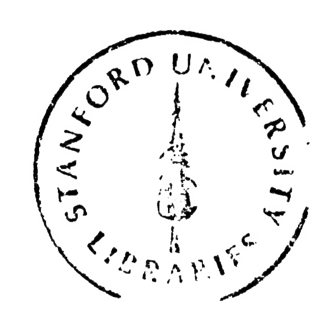

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Оглавленіе.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

...го Общества.

Отдѣл

Памятники языка и на

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

II. Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Граница его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно [1]): если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье, — къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губ. [2])

[1]) Смотри карты Риттиха и Кояловича (при «Лекціяхъ по исторіи западной Руси»). Микуцкій въ своемъ «Отчетѣ» говоритъ: «Границы бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ его извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только прибавить, что часть Смоленской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губ., а именно уѣзды Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губ., принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому говору. Извѣстія Ак. Н., IV, 110 слѣд.

[2]) «Малороссіяне, составляя почти ²/₃ всего населенія губерніи, сплошною массою заселяютъ уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій, Козелецкій, юго-восточную часть Остерскаго, степную Сосницкаго и наконецъ южныя части Черниговскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго... За рубежемъ черноземной полосы, къ сѣверу, поселенія Малороссіянъ встрѣчаются лишь какъ весьма рѣдкія исключенія». Малоруссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ нея (р. Десны) вообще называютъ Задесенцами и считаютъ ихъ Литвинами, не смотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ часто южнорусскій типъ».—«Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слобожане поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ.. и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII в. раскольниковъ». Календарь Черниговской губ. на 1887 г., стр. 679—680, 688—689.—«Чистый типъ Бѣлорусса въ полной силѣ является только въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городненскомъ». Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Черниговская губ., стр. 533. — «Уже около Глухова и Кролевца попадаются то небѣленыя избы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ запряженный товарищемъ съ лошаденкой...; но нарѣчіе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губ. принадлежатъ къ ней только административно: въ нихъ начинаетъ развертываться передъ нами Литва». Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 192, ст. Ковальскаго.

и по теченію Припети въ предѣлахъ Минской губ., то южнѣе Припети (въ Мозырскомъ уѣздѣ), то сѣвернѣе (въ Пинскомъ) [1]), а западная — почти по серединѣ Гродненской губ. [2]).

Бѣлорусское нарѣчіе — не болѣе, какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго поднарѣчія слѣдующимъ.

Неударяемое *у* можетъ не составлять слога: ўдàрыць (два слога), и приближаться къ *в*, даже переходить въ *в*: *в*дàрыць.

Древнее (=ороографическое) *в*, какъ твердое, такъ и мягкое, передъ огласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ обыкновенно (не всегда) звучитъ какъ *у* не составляющее слога: ў томъ, дзèўка, здарòўя (=здоровье), кръ̀ўю (=кровью), Пятрòў; это ў, находясь послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить въ *у* составляющее слогъ: *у* томъ (два слога), или даже въ *ув*, *уво*: *ув* аўсè (=въ овсѣ), *ува* снè (во снѣ). Еще отмѣтимъ: *ув*èсь (=весь), ўсѧ̀ и *у*сѧ̀ (=вся).

Древнее (=ороографическое) твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [3]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени обыкновенно звучитъ также какъ *у* не составляющее слога, образуя вмѣстѣ съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: воўкъ (=волкъ), тоўстъ, каўнà, спаў (=спалъ), ишоў (=шолъ), быў.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ латинское *h*. Звукъ *g* — только въ полонизмахъ и германизмахъ.

---

[1]) «Сѣверо-восточная часть Пинскаго уѣзда, гдѣ на географическихъ картахъ обозначены деревни Хотыничи, Бобрикъ, Малковичи, Лупинъ, Богдановка и друг., есть едва ли не самая скудная и мало населенная мѣстность Минской губ... Жители составляютъ переходъ отъ бѣлорусскаго племени къ малорусскому. Этимъ они отличаются отъ своихъ сосѣдей. Переходъ этотъ замѣчается явнѣе всего въ выговорѣ, который почти въ каждой деревнѣ особый». Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ *ходэили*, въ слѣдующей деревнѣ, Бобрикѣ, — *ходили*, еще далѣе, въ Плоскиняхъ,—ходылы. Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г., Спб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго.

[2]) «Заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ... живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова, — рѣзко отличается.. отсутствіемъ измѣненія буквы *о* на *а*. Это какъ-бы переходный типъ отъ бѣлорусскаго къ малороссійскому. За рѣкою Наревъ уже нѣтъ измѣненія буквы *д* на *дз*, свойственнаго бѣлорусскому языку, и вообще въ Бѣльскомъ уѣздѣ языкъ замѣтно отклоняется отъ бѣлорусскаго, переходя въ малороссійскій, которымъ говорятъ Надбужане». Бобровскій, «Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія Славянъ западной Россіи»? (изъ Русскаго Инвалида 1864 г.), стр. 31—32,

[3]) Немало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи): пчолка, кабылка, маhилка, hаралка.

Древнія мягкія *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ словъ въ большей части говоровъ звучатъ какъ очень мягкія *дз* и *ц*, изъ которыхъ *дз*—одинъ звукъ-дифтонгъ: *дзѣдзя*, *дзетъ* (=дѣдъ), *ци*хо, би*ць* (=бить). Древнія *д* и *т* звучатъ какъ *дз* и *ц* также передъ мягкимъ *в*: *дз*ве, *дз*верь (=двѣ, дверь), *ц*вярдзіць, ча*ц*вёртый (=четвертый). Группа *ждз* обыкновенно переходитъ въ *жж*: *жжи* (= жди), *жж*ець (= ждетъ), бар*жжéй* (=борзѣе) [1].

Древнее мягкое *р* въ значительной части говоровъ звучитъ твердо: за*рá*, һа*рý*, һа*рэ*ць, һа*ры*ць (=заря, горю, горѣть, горитъ), ца*р*ъ.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышатся двойные мягкіе согласные: вясé*лля* (=веселье), со*лл*ю (=солью, твор. ед.), сви*нн*я́, су*дзьдз*я или су*дьдз*я́, плá*цьц*я или плá*тц*я (=платье), даже иногда пе*рр*я (=перье), откуда могутъ быть простые мягкіе согласные: вясé*л*я, сви*н*я́. Но: *бъ*ю, *пъ*ю и т. п., при *л*лю.

Шипящія *ж* и *ш* звучатъ всегда твердо. Шипящее *ч* также, повидимому, звучитъ тверже, чѣмъ у насъ: *чы*, рэ*чы*нька и т. п. Мѣсто нашего двойнаго мягкаго *ж* въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ занято двойнымъ твердымъ *ж*, часто изображаемымъ—по-польски—*ждж*: пая*жж*áй.

Свистящее *ц* изъ древняго *ц* и изъ *ч* звучитъ твердо: *ц*эпъ, и рѣзко отличается отъ *ц* изъ древняго *т*.

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ нѣтъ; его мѣсто въ заимствованныхъ словахъ занято или *х*, *хв*, или *п*: *Х*ранцусъ, *Хв*ёдаръ, *хв*ӧртка, тра*п*лю, *п*ляшка, *П*илипъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (кромѣ *в*): дру*х*ъ, мядзвé*ць* (=другъ, медвѣдь); при этомъ наши мягкіе губные звучатъ твердо: карá*б*ъ, се*м*ъ (=семь).

Нѣкоторые древніе (=орѳографическіе) согласные (особенно *д* и *т*) при стеченіи согласныхъ въ серединѣ и въ концѣ словъ могутъ опускаться: если= есть ли, ёсь (при ёсць)=есть, ўласъ=власть, мйлась.

Изъ формъ мы должны отмѣтить: формы имен.-вин. ед. муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *ый* или *ы*, на *ій* или *и*, на *эй*: сляпы*й* или сляпы̀ или сляпэ*й*, друһи*й* или друһи̇̀ или друһ*éй* (=другой): но той (=тотъ, рядомъ съ тэй), сей. Рядомъ формы им. ед. и род. мн. существительныхъ на *ей*: салав*éй*, аһн*éй*.

---

[1]) Бѣлорусское *ц* (изъ *т* мягкаго) по своему звуку нѣсколько отличается отъ великорусскаго: тогда какъ въ великорусскомъ *ц* обѣ его части—*т* и *с*—протягиваются равномѣрно, въ бѣлорусскомъ вторая часть *ц*—*с*—протягивается больше первой». Журн. М. Н. Пр. 1890 г. № 11, стр. 178, ст. Карскаго.

Формы мѣстн. ед. муж. и ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть съ древними свистящими: на паро́зи, назѐ, руцѐ, сасѐ (=ногѣ, рукѣ, сохѣ), до̀чцы или до̀цы, хазяюсцы; рядомъ (въ сѣверныхъ говорахъ): на паро́ћи, наћѐ, рукѐ, сахѐ, до̀чки.

Формы дат. и мѣстн. мн. на ёмъ, ёхъ: людзёмъ, ћасьцёмъ, касьцёмъ, людзёхъ и т. д. (рядомъ: на ямъ, яхъ).

Формы род.-вин. мянѐ, цябѐ, сябѐ, дат. табѐ, сабѐ, мѣстн. цябѐ, сябѐ и—рѣже—табѐ, сабѐ.

Формы род.-вин. на ћо́, о́ћа, аћа: яћо́, сляпо́ћа, до̀браћа; вмѣсто маяћо̀, тваяћо̀—обыкновенно маӣћо̀ (вмѣсто маяму̀—маӣму̀).

Формы род. ед. женск. мѣстоименій и прилагательныхъ могутъ быть на е́, ыя: яѐ (=её), маѐ (изъ моеѐ), тыѐ, до̀брыя, друћӣя; рядомъ: мае́й (или—въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ говорахъ—маёй) и т. п. Форма яѐ—также вин. п.

Формы дат.-твор.-мѣстн. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на эй: сляпэ̀й, тэ̀й; рядомъ: сляпо̀й, то̀й, маёй и т. п.

Формы твор. ед. кимъ, чимъ, ўсимъ, тымъ, им. мн. ўси, тыя, род. ўсихъ, тыхъ, дат. ўсимъ, тымъ и т. д. (рядомъ: ўсе, ўсехъ и т. д.).

Формы мѣстн. ед. канӣ, и т. п., маӣмъ и т. п., тымъ (рядомъ: кане́, маёмъ, томъ).

Формы им.-вин. мн. мае́, твае́ и т. п., род. мае́хъ, дат. мае́мъ (рядомъ: маӣ, маӣхъ и т. д.).

Формы 3 л. ед. и мн. на ць: вядзе́ць (съ е, не ё) [1], будзиць; формы ед. ч. могутъ быть безъ ць: вядзе́, бу̀дзя (но обыкновенно: лю̀биць и т. п., вядзе́тца и т. п.); рядомъ: ёсць и ё или е (=есть).

Формы 1 л. мн. могутъ быть на мо: будзямо̀, ёжма (отъ ѣсть, повел. н.).

Формы настоящ. вр. мы̀ю, ры̀ю и т. д. (=мою, рою), повелит. н. мы́й, мы́йця, бі́й и би, бі́йця и бі́ця.

Формы повелит. накл. съ шипящими на мѣстѣ нашихъ гортанныхъ: испячы, памажы̀ (=помоги) и т. п. Формы неопредѣленн. накл. на ць и—рѣже—на ци: рабі́ць, рабі́ци.

Формы возвратн. зал. на ся и сь: кажу̀ся, кажу̀сь (но: кажытца), даже на си.

Большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣетъ формы зват. п. на е и у: по̀пя, Ива̀ня (=попе), сва̀тку, сы̀нку, карава̀ю.

---

[1]) Формы 2 л. ед. и мн. изъявит. н. и 1 и 2 л. мн. повел. н. также съ е: вядзе́шъ, вядзе́ця (=ведёте), вядзе́мъ, вядзе́ця (=водите). Нерѣдко впрочемъ и вядзёмъ, вядзиця.

Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ древнія формы им.-вин. двойств. ч. женск. р.: дзве *жане́*, руцѐ, *сасе́* (=двѣ жены, руки, сохи); большая часть ихъ утратили древнія формы двойств. ч. муж. р.: два вóўк*и*, дварцы̀. Форма род.-мѣстн. отъ *два—двохъ*; рядомъ: *двухъ*.

Сверхъ того, отмѣтимъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ нашего *о* (=древне-русск. *ъ*) послѣ *р* и *л* какъ подъ удареніемъ, такъ—чаще—безъ ударенія можетъ быть *ы*: ў крывѝ, трысцѝнка, глытàць (=глотать), блыхà, блыхъ (род. мн.); что на мѣстѣ нашего *и* въ началѣ словъ можетъ слышаться *й* не составляющее слога (не *j*): *й*шовъ, *й*грацъ, *й*дзе; что предлоги-префиксы *изъ* и *съ* могутъ звучать какъ *зъ* передъ гласными, передъ ј, *в*, *л*, *м*, *н*, *р*: *зъ* аднаhò, *зъ* аднòю, *зь* ёю (=изъ одного, съ одною, съ нею), зварыць, зняць; что предлогъ-префиксъ *съ* можетъ также звучать *изъ*, *исъ*: *изъ* аднòю, *изд*зèлаць; что мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ ё*нъ*, *янà*, *янó*, *яны* (рядомъ: *в*онъ, *в*онà, *в*онò, *в*оны̀); что формы 2 л. ед. звучатъ дасѝ, ясѝ (=дашь, ѣшь); что согласный передъ суффиксомъ *ск* обыкновенно мягокъ: жэ*нь*ській, жэ*нь*ськая.

Мѣстоименіе этотъ звучитъ или *е̇*тотъ, или *h*ѐтотъ.

Словарный матеріалъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ лишь немногимъ отличается отъ словарнаго матеріала сосѣднихъ говоровъ великорусскихъ (*якъ* = какъ, полонизмы); въ южныхъ и юго-западныхъ говорахъ онъ близокъ къ словарному матеріалу малорусскаго нарѣчія [1]).

Бѣлорусскіе говоры дѣлятся на двѣ группы: на говоры 1) цокающіе и 2) не цокающіе.

I. Цокающіе говоры очень немногочисленны. Они слышатся въ сѣверной полосѣ и въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи — въ Витебской, Смоленской и Тверской губ.

Въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у., кромѣ *дз* и *ц* изъ *д* и *т*, отмѣчены частое *я* изъ *е*: *ляж*ỳ, вядзè, пякè, вмѐ*я* (=умѣетъ), *ня* мò*жа*, формы род.-вин. ед. цябѐ и цябя̀,

1) Лучшій трудъ по бѣлорусскому нарѣчію — «Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Карскаго, М. 1886. Краткая, но недурная характеристика бр. нарѣчія въ «Календарѣ сѣверо-западнаго края на 1889 г.», изд. Запольскимъ, М. 1889. Единственный, очень неполный словарь—«Словарь бѣлорусскаго нарѣчія», Носовича, Спб. 1870. О звукахъ бѣлорусскаго нарѣчія писали: Чечотъ во введеніи къ «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny», Wilno, 1846, Безсоновъ во введеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», М. 1871, и Шейнъ въ приложеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ народнымъ пѣснямъ», Спб. 1874.

Указатель матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію—статья Ельскаго: Słówko o materyałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej», въ варшавской газетѣ Chwila 1886 г., №№ 17—23.

род. на *во*: ницаво̀, рядомъ съ ф. на *го*: майго̀, 3 л. ед. безъ *ть*: вядзé (съ *е*), плàша, хòдзя, лю̀бя, вàря, рядомъ съ формами на *ць*: вядзѐць, настоящ. врем. нòя (= ноетъ), повелит. накл. пéйця. Замѣна *ч* через *ц* постоянна, такъ что звука *ч* нѣтъ: цы̀мъ, круцы̀на [1]); встрѣчаются формы твор. мн. на *мъ*: съ падру̀шкамъ, зъ гарацымъ слязàмъ. На употребленіе въ этомъ говорѣ ў изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* въ вгàсяць, вмѐя), также какъ на употребленіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ, одного твердаго *р* (отмѣчено рядомъ: храсцѝцель и цяпѐрь) и *зъ* вмѣсто *съ* (отмѣчено: свядзѐ, снѝмя = снимеmъ) [2]).

Въ говорѣ другой мѣстности того же уѣзда (имѣніе Горoватки), кромѣ *дз* и *ц*, частаго *я* изъ *е* (яму̀, дзяцѐй, сябѐ, ня бьѐць, рядомъ съ *и*: цвитѝ, пирастàну), отмѣчены частое глухое *ы* изъ *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: сыбàка, зыдàли (= задали), пынàтка (=повадка), рыбытáць, пымыгàць, быя̀лись, гòлысъ, рядомъ съ *а*: харашò, карòва, маладзѐць, двойные мягкіе согласные: абражэння, абличча, жыццё, силлю (= силью, силою), частое твердое *р*: прàмо, грабу̀ (= гребу), звярѝ, цяперъ (рядомъ: бярёза, цяпѐрь и т. п.), формы им. ед. на *ей*: якей, такéй, другéй (рядомъ: лихóй), род.-вин. цябé и цибѧ̀, мянé и минѧ̀, род. на *во*: цавó, рядомъ съ ф. на *го*: ягò, майгò, дòбрыга и т. п., дат. мн. людзёмъ, 3 л. ед. идзёць (рядомъ: вядзѐць и т. п.), повел. накл. бей, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): малѝлиси. Мѣна *ч* черезъ *ц* часта, но непостоянна: цы̀ста, вяцэ̀рня, рушницòкъ и т. п. На употребленіе ў изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* изъ *у* и *л*); *зъ* вмѣсто *съ*, повидимому, рѣдко. Можно отмѣтить еще: булò, бувàла [3]).

Говоръ одной мѣстности Велижскаго у. отличается не очень сильнымъ аканьемъ. Въ немъ *я* вмѣсто *е*: ляжы̀ть, гряхѝ, мянé, ня пòйдить, рядомъ съ *и*: нислá, грихѝ, свитáя, јинá (= она), даже цытѝри, дянёцыкъ; глухое *ы* вмѣсто неударяемаго *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ въ серединѣ словъ (очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ): пыхáть (= пахать), сыслáть

---

[1]) «Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ отсутствіе буквы *ч* и замѣну ея буквою *ц*. Эта особенность говора—причина названія цвикуновъ»... Пам. книжка Витебской губ. на 1865 г., Спб. 1865 г., стр. 88.

[2]) Матеріалы, плохо записанные, въ двухъ Памятн. книжкахъ Витебской губ. на 1865 и на 1866 гг., Спб. 1865—1866, ст. Серебренникова.

[3]) Матеріалы, плохо записанные, въ рукописномъ трудѣ П. Ѳ. Альхимовича къ этимъ матеріаламъ очень близки по языку тексты у Шейна, Бѣлорусскія народныя пѣсни (Спб. 1874), стр. 482 слѣд.; въ нихъ только *ц* вм. *ч* (рядомъ съ древнимъ *ч*), формы им. ед. бòжы свéтъ, твор. мн. гарацымъ слязáмъ, повел. накл. пиця (=пейте), пайдзéмъ. Эти тексты, какъ всѣ вообще матеріалы, изданные Шейномъ, записаны не вполнѣ удовлетворительно.

(=сослать), рысплакатца, ў гôрыди, Иванывa, ангелывъ (ангеловъ), сыгряшила; сверхъ того: дôбрыю (вин. ед.); ў изъ *в* и *в* (?) изъ *л*: даважны, сыславъ; двойные мягкіе согласные: Илья, збавлéнья (но Марья); *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: зъядать, *зъ* мéртвыхъ; мѣна *ц* и *ч*: цагô, цасдыкъ, сéрча, черьква. Мягкія *д* и *т* сохраняются: сядить, дянёцыкъ (однáко отмѣчено: адзёжа); мягкое *р*—также: хряститиль, трёхъ, чéрьква; формы 3 л. ед. обыкновенно съ *ть*. Еще: двойное мягкое *с* вмѣсто мягкихъ *ст*: милысьси (=милости) [1]).

Говоръ другой мѣстности того же уѣзда (с. Узкое)—съ такимъ же аканьемъ (нясỳ, мянé, зямлю, сымá=сама, пышлà, мый=моя, кынà, дыцкà=дочка), съ мѣною *ц* и *ч* (мàцыха, жанитча), съ мягкимъ *р* (пряжа), съ формами 3 л. ед. на *ць*, но безъ мягкихъ *д* и *т*: придзéць. Въ этомъ говорѣ можно еще отмѣтить спорадическое *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *ы*: пувялà (=повела), пумаґлà, мужукѝ, и сыйцасъ=сейчасъ [2]).

Говоръ мѣстечка Усвяты, Витебскаго у., отличается частымъ употребленіемъ *я* вмѣсто *е*: тябé, пярѝна (но: лижàть), и глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ: мыхàю, нышлà, у стыгàхъ, у гыспыдàхъ, мягкое *р* сохраняется. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: рукавôцыкъ, пцôлка. Отмѣчено рядомъ: давѝца, пытàть и т. п. (часто) и мылыдзéцъ [3]).

Въ говорѣ деревень Васьковичи и Козловичи того же у. отмѣчены *дз* и *ц*, всегда твердое *р*, двойные мягкіе согласные (даже перря), формы имен. ед. на *ы*: дôбры. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна (цôрный и чамỳ [4]).

Говоръ неизвѣстной мѣстности того же у., кромѣ *дз* и *ц*, имѣетъ сильное аканье (глухаго *ы* нѣтъ): панасѝць, пàнамъ (твор. ед.), зялёный, нядзѣля, па нàшаму, бѐлая (=бѣлое); но *и* изъ неударяемаго *е* обычно: дзисятникъ, нихàй, jинà (=она), висялỳха, дỳринь, па мôрдзи, дôбри (=добрѣ), пазвôльци (=позвольте), скажѝци; двойные мягкіе согласные (даже: смѐрцю, твор.). Мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта, но не постоянна: ўцôра (=вчера), при: ув-аччỳ (=въ очью); рядомъ съ нею, вмѣсто *щ*, слышится *шц*: яшцô (=еще), прашцàлась. Формы род. ед. ницôхъ (=ничего), твор. мн. (изрѣдка) на *мъ*, 3 л. на *е* (нерѣдко): нясѐ, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): павитàлиси [5]).

Цокающій говоръ Дубокрайской волости, Городокскаго у., имѣетъ, кромѣ *дз* и *ц*, менѣе сильное аканье: бярёмъ, уставàйця (2 л. мн.), рядомъ

---

[1]) Бѣлорусскій Сборникъ, Романова, V (Витебскъ, 1891).

[2]) Тамъ же, IV, № 49.

[3]) Матеріалы у Шейна, Пѣсни, стр. 74, 146, 166, 177, 216.

[4]) Матеріалы тамъ же, стр. 71, 152, 163. Изъ неизвѣстной мѣстности, съ частымъ *ц* вм. *ч*,—стр. 153.

[5]) Москвитянинъ 1843 г., ч. IV, разсказъ «Гецыки».

съ пыказа̀ць, кы Христу̀, мѝлысцина. Двойные мягкіе согласные. Мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц*: *ц*ы̀стъ, жэ̀мицухъ, и на оборотъ: *ч*а̀рства. Формы дат.-мѣстн. на *ы*: старан*ы*. Отмѣчено *у* вмѣсто *о*: п*у*бряду̀, Б*у*г*у*рòдзица [1]).

О цокающемъ говорѣ с. Рибшева и другихъ мѣстъ Порѣцкаго у. наши свѣдѣнія очень скудны. Отмѣчено, кромѣ *дз* и *ц*: бярѝ, мяня, сястрà, *ня* дòлга, *я*гò, т*ы*гò; ў вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; мягкое *р*; *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* мàцирью. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта: но*ць*. Группа *во* замѣнена дифтонгомъ *ўо* въ д*ўо*ръ; группы *ов*, *ев*—звукомъ *у* въ крус*у*àлася, кук*у*àла, нац*у*àла (=красовалася); группа *ву* утратила *в* въ дзè*у*шка; группа *дн* перешла въ *нн*: ра*нн*òй, а*нн*ѝ (=одни). Формы им. ед. на *òй* (варан*òй*) и на *ый*, род. на *во* (варанò*ва*, та*вò*) и на *го*, род.-вин. мян*я*, цаб*я*, мѣстн. ед. на тэй, 3 л. ед. только на *ть* (ёсь). Сверхъ того, въ этомъ говорѣ важная черта—спорадическія *з* и *с* вмѣсто *ж* и *ш*: *з*алко=жалко, за*з*ги=зажги, ва цу*з*ыхъ людзёхъ, лò*з*ыцка=ложечка, *с*ацёръ=шатеръ, сярдзèцу*с*ько [2]).

Цокающій говоръ Поникольской волости Бѣльскаго у., повидимому, почти тожественъ съ говоромъ рибшевскимъ. Отмѣчено: *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные, аканье (нясѝ, нясу̀, нядỳжа, *жа*нà; но: кр*ы*вàть=кровать), ў вмѣсто *в* и *л* (шоўкъ, даже стоў=столъ) [3]), *ўо* вм. *во*: д*ўо*ръ, *у* вм. *ов*: ск*у*àць=сковать, кук*у*àла, *у* вм. *ву*: дзè*у*шка, *нн* вм. *дн*: галò*нн*ая, а*нн*ò, формы им. ед. на *ы* и на *ой*: ѝры воскъ, свят*óй*, друг*óй*, род. мянà, цябà, твор. мн. на *мъ*: за драв*áмъ*, 3 л. ед. на *ець*, возвр. зал. на *ця* (не *ца*): поклòнюц*ця* (3 л. мн.). Замѣна *ч* черезъ *ц*: рў*ц*ка, *ц*ўю, и изрѣдка *ж* черезъ *з*: лò*з*а*ц*ка (=ложечка) [4]).

О цокающемъ говорѣ д. Буланиной, Духовщинскаго у., свѣдѣнія очень скудны. Частое *я* изъ *е*: пялянà, рябàта, при: гул*я*ить; *дз* и *ц* (рядомъ: гуля*ть* и т. п.); двойные мягкіе согласные; мягкое *р*; ў вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; *у* вм. *ов*, *ыв*: дѣ*у*àлась, цал*у*àла, укр*у*àла; *нн* вмѣсто *дн*: рò*нн*ая, а*нн*à; формы им. ед. на *ой*: дарагòй, род. ма*вò* (=моего), при я*вò*, мѣст. на дарò*ги*, 1 мн. изъявит. н. аддадзёмъ. Замѣна *ч* черезъ *ц*: клю*ц*ы, крылè*ц*ка [5]).

---

[1]) Бѣлорусскій Сборникъ, V, стр. 398.

[2]) Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ I, часть I (Спб. 1887), №№ 184, 195, 198, 403, 450, 562, 563, 593, 596, 656; часть II (Спб. 1890), стр. 419 слѣд.

[3]) Матеріалы такъ дурно записаны, что трудно сказать что-либо о произношеніи *р*.

[4]) Шейнъ, Мат., ч. I, №№ 113, 118—120, 143, 454, 479, 557; ч. II, стр. 392 сл. Изъ неизвѣстной мѣстности Бѣльскаго у.: ч. I, № 284.

[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 425 сл.

О говорѣ села Пречистаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что въ немъ обычно *ц* вмѣсто *ч* [1]).

Говоръ с. Бобровки, въ юго-западной части Ржевскаго у., имѣетъ очень сильное аканье (*ы* изъ *а*, *о* нѣтъ), съ «грубымъ», т. е. очень открытымъ *а*: *абарацѝ*ўся, вòр*а*нъ, *я*гò, вязў, н*я*дзѐля, з*я*мля, так*оя*, пòл*я* (рядомъ *и* изъ *е*: дз*и*рѐвня, дзѐр*и*во, мòладз*и*цъ, гавòрьц*и*, 2 л. повелит. н.). *Дз* и *ц*; двойные мягкіе согласные (даже Ма*рр*я = Марья); мягкое *р*. Употребленіе ў вмѣсто *у*, *в* и (лишь въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*. Частое *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: зматрю, звидàння, *зъ* бàни, *зъ* лѐсу, даже звиннѝ, змѐлась (= свинья, смѣлость). Мѣна *ц* и *ч* часта и взаимна: до*цъ*, *ц*асъ и *ч*àрства, вули*ч*а. Формы им.-вин. ед. на *ый*, *ой* и *эй*: вўмный, ўтарòй, любѐзн*ай* и рябѐ*й*, худѐ*й*, бальшѐ*й*; род.-вин. мян*é* и минѝ, цяб*é* и цибѝ, ма*й*гò; дат.-мѣстн. на ру*к*ѐ, на рўцки; род.-дат.-мѣстн. маладѐ*й*, сляпѐ*й*; дат. мн. людзёмъ; 3 л. ед. всегда на *ть*; настоящ. вр. рыю, и т. д.; повел. н. идзѐмъ (съ *е*). Сверхъ того: формы род. ницò*хъ* (= ничего), дат.-мѣстн. на *ы*: на галавы̀, твор. мн. «всегда» на *мъ*, твор. ед. как*и*мъ рòдамъ. Мѣстоименіе *що* [2]).

II. Не цокающіе говоры. Говоры Виленской губ. представляютъ одно цѣлое, имѣя ў вмѣсто *в* и *л*, *дз* и *ц*, постоянно твердое *р*, *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*. Аканье очень сильно: глухое *ы* или совсѣмъ не слышится, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *е*, *я* очень рѣдко (м*и*нé, ц*и*бé, н*и*хàй). Двойные мягкіе согласные слышатся очень часто, но не постоянно; въ Ошмянскомъ у. отмѣчено: зѐ*лья*, застò*лья* (рядомъ: щàс*ця* и т. п.), въ Трокскомъ: баярзё; они иногда замѣняются простыми согласными: трокск. заручà*ня*. Формы им. ед. обыкновенно на *ы*: малады̀, дат.-мѣстн. могутъ быть на *эй*: ошмянск. ў тэ*й* карчòмца, 3 л. ед. въ Дисненскомъ уѣздѣ обыкновенно на *ець*, въ Трокскомъ— и на *ець*, и на *е*, въ Вилейскомъ и Лидскомъ—обыкновенно на *е*: дае́, пытàя, шы̀я (= шьетъ), повелит. накл. *би* (= бей, Трокск. у.). Сверхъ того, можно отмѣтить: спорадическое *у* вмѣсто *о* безъ ударенія: вилейск. ў чòрн*у*мъ, трокск. калѝн*у*нька, лидск. на чирвòн*уй* калини, па харòш*уй*, вòбр*у*ць (= оброть), спорадическое *дж* вмѣсто *ж* изъ *д*: вилейск. нинавѝ*дж*у, трокск. ви*дж*у, ра*дж*ў, спорадическое твердое *с* вмѣсто мягкаго: ошмянск. *сы*дзй, ошмянск. и трокск. *сэ*рца; префиксъ *от* иногда звучитъ *од*: дисненск. и лидск. *од*мыкàць, *од*ъéхаць и т. п.; формы им.-вин. мн. трокск. дварѐ, галубѐ, лидск.

---

[1]) Смоленскій Этнографич. Сборникъ, Добровольскаго, Спб. 1891, стр. 43.

[2]) Этнографич. Сборн., I.—«Сказки» Афанасьева.

караблé; род. ед. трокск., лидск. *магò*, рядомъ съ майгò, *маяг*ò; род. мн. иногда сястрòў (= сестеръ) и т. п.; формы повел. накл. ошмянск. памалéмся, лидск. глядзéця (2 л.). Начальное *а* часто имѣетъ передъ собою придыханіе *г*: *г*арòхъ, *г*арàць (= орать) [1]).

Не цокающіе говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (южная половина [2]) Люцынскаго, Дриссенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу.) отличается, кромѣ *дз* и *ц*, постоянно или почти постоянно твердаго *р*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, *зъ* вмѣсто *съ*,—довольно сильнымъ аканьемъ (глухое *ы* очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ), при частомъ употребленіи *и*: *ми*нé (и *мя*нé), *і*é (и *я*é), ў жыц*и* (но: жнiця, 2 мн.), сл*и*зà (и сл*я*зà), п*и*тўшòкъ (и пятушòкъ), ж*ы*нà (и ж*а*нà), сè*и*ць (и сéяць), рàннія, им. ед. (и рàнняя). Формы им. ед. на *ы* и *ый* (малады и —ы*й*), 3 л. ед. обыкновенно на *ець*. Еще отмѣчено: *у* вм. *о* безъ ударенія: с*у* вéчара, зъ гарэлк*ую*, *дж* вмѣсто *ж*: гля*дж*у (Лепел. у., с. Дубровка). Формы им. ед. вотъ шэрэй (Полоцк. и Город. у.), им. мн. ўс*е*, род. ўс*е*хъ и т. д., дат.-мѣстн. ед. маладэй (Лепел. и Город. у.), творит. мн. на *мъ*: надъ звяздà*мъ* (Городокск. у.), мѣстн. ед. па синёхъ (Леп. у.), 1 л. ед. на *ая*: высыл*ая* (Город. и Люц. у.), возвратн. зал. на *си* (*ци*): астану*си*, астàц*ци* (Леп. у.) [3]).

Къ этой группѣ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда (с. Вороново и др.) [4]).

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Велшиковская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое *ы* вмѣсто *о*, *а* является очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: м*ы*я (= моя), к*ы*нà, к*ы*пàць, м*ы*л*ы*дà, ш*ы*р*ы*кà, кр*ы*с*ы*тà и т. под., дзèв*ы*ч*и*къ (род.), б*ы*гàт*ы*га, рядомъ съ *я* и *и* вмѣсто *е*: мянé, вядзéць.

[1]) Тексты въ Русск. Филол. Вѣстн. 1889 г., № 2 (Трокск. у.), въ Виленск. Вѣстн. 1888 г., №№ 101—122, ст. Карскаго (Ошмянскій у.), у Вериги, Podania białoruskie, Lwów, 1889 г. (Лидск. у.), въ Этнографич. Сборникѣ, I, ст. Юркевича (Лидскій у.), въ Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, Вильна, 1866 г. (Дисненск. и Вилейскій у.), у Дмитріева. Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильна, 1869 г. (Дисн. у.), и у Шейна, Матеріалы, ч. I.

[2]) Въ сѣверной части Люцынскаго у. (Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 638)—мягкія *д* и *т*, формы твор. мн. на *мъ* (съ малы*мъ* дéтушка*мъ* и т. п.).

[3]) Тексты у Чечота, Piosnki, 1846 г. (см. также введеніе), у Шейна, Пѣсни, Мат., чч. I и II, и въ Бѣлорусск. Сб., т. V.

[4]) Тексты у Шейна и въ Бѣл. Сб., V (отмѣчены ф. дат.-мѣстн. па тэй рэцэ, ў бу*й*нэй галавé, повел. н. *ни*, неопред. н. на *ць* и на *ци*: хадз*ици*).

сястрà и т. п., *би*рэ̀ць, *си*стра, *си*лò, в*и*сялỳха, ч*и*рназёмъ, жылудỳ (даже: запрыгàць = запрягать). Еще отмѣчено: *у* вм. *о*: сух*у*тà, ф. им. ед. на *ы*, повел. н. *би* [1]).

Группа не цокающихъ говоровъ Смоленской губ., уѣздовъ Смоленскаго (сс. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Ельнинскаго (сс. Бердибяки, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣцкаго (с. Иньково), Духовщинскаго (с. Пречистое), Бѣльскаго (с. Шоптово) и Рославльскаго (с. Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ *дз* и *ц*, сохраняется мягкое *р*; но двойные мягкіе согласные; ў вмѣсто *в* и *л* (однако *л* въ серединѣ словъ нерѣдко сохраняется: паўзў и далблю, а мѣстами даже въ концѣ формъ прошедш. вр.); *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* вами, *зн*àли. Аканье сильнѣе нашего: *а* вмѣсто *о* послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: х*а*рашò, пр*а*даю, г*а*лавà; глухое *ы* передъ удареніемъ рѣдко: пывядỳ, мыя̀ = моя, стыю̀, кызà, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: катòрыму, дарòгый (твор.), чѝстыга (род.), плàкыть; *я* и *и* изъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: мяне́ и мине́, сястрà и систрà, но: п*и*ряскòчить, ч*и*рипàха, стòйт*я*, стайт*я* (2 л.), мор*я* (им.), бывà*и*ть, дѣ́ла*и*ть, ў гòрыд*и*, ў астрòз*и*; встрѣчается *и* изъ *я*: *и*нà (= яна, она). Сверхъ того, неударяемыя *о* и *ы* послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ *у*, а *о* и *а* въ началѣ словъ—черезъ *и*: п*у*л*у*мàть, нач*у*вàть, х*у*вàю, п*у*пà (= попа), пàлк*уй*, муж*у*кà, б*у*ваю; *и*пя̀ть (при *а*пять), *и*ўсà (= овсà) *и*днàча, *и*мбàръ, на *и*гнѝ (на огни). Сверхъ того, есть случаи *е* изъ ударяемаго *я*: кричѐть, гле́дючи. Двойное мягкое *с* замѣняется черезъ мягкія *ст*: байсьт*я*, задỳмысьт*я* (2 л. возвр. з.), валòст*я* (= волосья), *ст*ешъ (= ссешъ, сосёшь). Изъ формъ отмѣчено: им. ед. на *эй* и *ой*: тэй, кривэ̀й, такé*й*, бальшэ̀*й* и крив*óй*, малад*óй*, род. на *го* и *во*: *я*гò и *я*вò, чагò, начò*га* и ча*вò*, майго, мая*го* и мае*во*, дòбры*га* и дòбры*ва*, род., дат., твор., мѣстн. ед. женск. на *эй*: аднэ̀й, якéй, святэ̀й и т. п. (рядомъ на *ой*), род.-вин. мяне́, тябе́, *я*е́, дат. ед. т*я*бе́, с*я*бе́, (рядомъ съ болѣе обычными т*а*бе́, с*а*бе́), им. мн. на *эя*, *эи*: маладэ̀я, дамавэ̀я, чужэ̀я, такé*я* (рядомъ на *ыя*, *ыи*), им. мн. ўс*и*, род. ўс*и*хъ и т. д., дат. мн. дитёмъ, гасьтёмъ, мѣстн. дитёхъ, гасьтёхъ, 3 л. ед. на *ть* (ёс*ть*; на *е* очень рѣдко: мò*жа*), 3 л. мн. на *ють* вмѣсто *ять*: хòд*ють*, 2 л. повел. накл. п*ий*, п*и* (Смол. у.), пе*й*. Сверхъ того: *с* звучитъ иногда твердо: сыйчасъ, сасòнка (= сосёнка. Смол. у.), *л* тоже твердо передъ твердымъ *н*: си*л*но (Смол. у.), *жд* переходитъ въ *жж* въ *жж*и (= *жд*и), *жж*ешъ. Формы дат.-мѣстн. ед. съ свистящими рѣдки:

[1]) Шойнъ, Мат., ч. I.

на пароэи (Смол. у.; обыкновенно съ гортанными); ф. дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть на *ы*, а ф. твор. мн.—на *мъ* (Бѣльск. у.): на галавы̀, падъ нага̀*мъ*; ф. имен. мн. могутъ быть—по-великорусски—на *а* (Бѣл. у.): галаса̀. Формы зват. на *е* и на *у* (кромѣ Бож*а*) неизвѣстны [1]).

Говоръ Рославльскаго у., с. Красназаборья, отличается отъ предыдущаго говора только болѣе частымъ употребленіемъ глухаго *ы*: п*ы*ха̀ть (=паха̀ть), р*ы*б*ы*та̀ть, г*ы*в*ы*ря̀ть, пр*ы* на̀съ (=про насъ), к*ы*гда̀, ма̀тушк*ы*й (твор.). Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія *д* и *т*, мягкое *р*, двойные мягкіе согласные, ў вм. *в* и *л*, частое *я* вмѣсто *е* рядомъ съ *и*: мяне́, яму̀, пустi̇тя и ўзила̀, ни влавi̇ли, *у* вм. *о*: п*у*вила̀, п*у*пла̀чъ; формы род. на *го* и *во*: таго̀ и *яво̀*, хыласто̀*га* и пріятны*ва*, им. мн. на *эя*: зылатэ̀я, 2 л. ед. возвр. з. кида̀*исътя* (рядомъ: даку̀*писься* [2]).

О другихъ бѣлорусскихъ не цокающихъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ приднѣпровскихъ селеніяхъ Красненскаго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и *зъ* вмѣсто *съ*, слышатся *дз* и *ц* и встрѣчаются формы род. на *во*: сва*во* [3]).

Говоры сѣверной (большей) половины Могилевской губ., кромѣ *дз* и *ц*, ў вм. *у*, *в*, *л*, *зъ* вм. *изъ*, *съ* и *изъ*, *исъ* вм. *съ*, имѣютъ всѣ, болѣе или менѣе часто, *у* вм. *а*, *о*, *ы*: паѐх*у*ў, п*у*х*у*ва̀ю, п*у*па̀ (= попа), муж*у*кi̇, *бу*ло̀, *е* вм. *я* подъ удареніемъ въ глѐдзючи, дрѐнно, *дж* вм. *ж* изъ *д*: вi̇*дж*у, твердое *л* передъ твердыми *н* и *ц*: сi̇*л*ный, во̀*л*ный, па̀*л*цы и т. п., твердое *с* въ *сы*ча̀съ, *с*ѐрца и т. п., формы им. ед. тэ̀*й* и то*й*, малад*э̀й* и малад*ы̀й* (на *ы* нѣтъ), род. ед. женск. р. ма*е́*, т*ые́* и т*ы̀я*, сляп*ы̀я*, до̀бр*ыя*, ва̀ш*ыя*, друг*i̇я*, так*е́я* (рядомъ съ мае̇*й*, до̀бр*ай*, так*е́й*), дат.-твор.-мѣстн. ед. тэ*й*, адн*эй*, мѣстн. ед. на канi̇, на канцы̀, род. мн. (изрѣдка) сястр*о́ў* (= сестеръ), дат. мн. людзё*мъ*, 3 л. ед. ѐс*ць*, 3 л. мн. во̀зюць, 2 л. повелит. н. *би*, п*и*, неопр. н. на *цъ* и (изрѣдка) на *ци*: ѐс*ци* (= ѣсть), данѐс*ци*, возвр. зал. (изрѣдка) на *си*: сабра̀ли*си*. Формы зват. н. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Сѣнненскаго у. имѣетъ въ однихъ мѣстахъ мягкое *р* (трёмъ и т. п.; рядомъ, нерѣдко: ца*ръ*, мор*а*=море и т. п.), въ другихъ только твердое *р*. Глухое *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто *а*, *о* безъ ударенія—какъ въ сосѣднихъ говорахъ Витебской и Смоленской губ., т. е.

---

[1]) Смоленскій Этногр. Сб.

[2]) Русск. Фил. Вѣстн. 1884 г. № 3.

[3]) Смоленскій Вѣстникъ 1892 г. №№ 14, 45. Текстъ изъ того же уѣзда—у Безсонова, Калѣки, стр. 118.

даже въ слогѣ передъ удареніемъ: аддыла́, дыста̀ць, скыка́ць, кыня̀, аста́лыся пяро, рызыйшлйси; *я* вм. *е* вполнѣ обычно: бярй, вялйкій, ямỳ, идзйця, вывяў (рядомъ: *би*да̀, *и*на̀, ў ле́*си*, пòисъ и т. п.). Предлогъ-префиксъ *отъ* изрѣдка звучитъ *одъ* въ *од*ымкнỳць и. т. п. Формы вин. ед. дòбр*аю*, дòбр*ыю*, мѣстн. ед. ны вакòшк*у*, им. мн. тэ*я*, 3 л. ед. на *ець* (ёсь=есть).

Другой говоръ того-же у. (с. Ульяновичи и др.)—отличается отъ предъидущаго постоянно твердымъ *р* и рѣдкимъ употребленіемъ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (но: пла̀кыць, кòзычка). Формы им. мн. яке́*я* дзярэвъя [1]).

Говоръ Оршанскаго у. близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у., но имѣетъ только твердое *р*. Глухое *ы* даже передъ удареніемъ: мыя̀, кыза̀ць и т. п.; *у* вмѣсто *о*, *а*, *ы*: п*у*мага̀ць, пр*у*гожый и т. п. [2]).

Одинъ говоръ Горецкаго у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у.: глухое *ы* даже передъ удареніемъ: дыса̀да, рыдня̀, *у* вм. *о*: аб*у*бра̀ть; но отличается отъ него сохраненіемъ мягкихъ *д* и *т*: *д*ѣтки, *т*яперь; *р* въ немъ мягко: пи*ря*мѣнить [3]).

Въ другомъ говорѣ (с. Любиничи съ его волостью и др.) глухое *ы*, повидимому, очень рѣдко; *и* вм. *е*, *я* не такъ часто, какъ *я*: аб*и*ла̀, сè*и*ць, *и*на̀ (но: мянè, цябè, нясѝ, цярпèць, па зямлѐ и т. п.). Другія черты: мягкое *р* (даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—вмѣсто твердаго: адбаря̀ниваць), формы твор. мн. на *мы*: рука̀*мы*, ва̀*мы*, людзьмы̀, мѣстн. мн. на ляс*óхъ* (=лѣсахъ) и т. п., 3 л. ед. на *ець* (на *е*—рѣдко; ё*сиь* и ё [4]).

Прочіе говоры этого уѣзда—переходные отъ перваго говора ко второму. Напримѣръ, говоръ г. Копыся имѣетъ *дз* и *ц* при твердомъ *р* и сильномъ аканьѣ; говоръ с. Святошицъ—*дз* и *ц* при мягкомъ *р* и *ы* изъ *о*: дыста̀лысь и т. п. [5]).

Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у.) близокъ къ говору Оршанскаго у.: *дз* и *ц* (спорадически *д* и *т*: *т*ябè), мягкое *р*, глухое *ы* изъ *о*, *а* даже въ слогѣ передъ удареніемъ: быра̀мъ (=борамъ), танцыва̀ць, пады мнòю (не часто), кылыхнѝся, скрыпычка, жòныкъ (род.), *и* изъ *е*, *я*: н*и*ха̀й, вѐч*и*ръ, в*и*сяла̀ (рядомъ съ *я*). Формы 3 л. ед. всегда на *ць* [6]).

---

[1]) Бѣлор. Сборн. (особенно в. III).
[2]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 9 и 15.
[3]) Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 641, 665, 669.
[4]) Бѣл. Сб., IV, №№ 10, 23 и др.
[5]) Шейнъ, Мат., ч. I. Въ копысьскомъ говорѣ отмѣчено: ви*джу*, дó*жжы*къ, *од*амкну, формы им. ед. дòбр*ы*.
[6]) Тамъ же.

Другой говоръ того же у. (Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у.) отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго *р*, даже вмѣсто твердаго: пряжы̀ць (=прожить), дряць (=драть), рябѣ̀ць (=робѣть), кy̌черя (=кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *о, а* (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко). Формы мѣстн. ед. на купцу̀, на то̀м*у* свѐци, тв. мн. на *мы*: слава̀*мы*, го̀рькамы слязмы̀, 3 л. ед. всегда на *ць* [1]).

Съ этимъ говоромъ очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Полыковичи, на сѣверо-востокѣ отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое *р*. Глухое *ы* изъ *о*, *а* въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣв.-западъ отъ Могилева, не далеко отъ с. Полыковичей, сс. Нѣжково, Браково) имѣетъ твердое *р* и формы 3 л. ед. на *е*: идзѐ, закy̌суя (=закусываетъ), про̀ся (=проситъ), хо̀дзя и т. п. (ф. на *ець* и *иць* гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но: *и*на̀, рядомъ съ яна̀ и йна̀, ра̀зви, на даро̀зи). Формы род. ед. зъ ѐтыя маѐ дачкѝ, твор. мн. свата̀*мы*, ѝ*мы*, касця̀*мы* [2]).

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое *р*, сильное аканье (*ы* вмѣсто *о, а* очень рѣдко, *и* вмѣсто *е, я*—чаще); формы им. мн. тѐ*я* гро̀шы, 3 л. ед. на *ець* (ѐ*сь*=есть) и—рѣже—на *е* [3]).

Говоръ Чериковскаго у. почти тожественъ съ говоромъ Мстиславскаго. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое *ы* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: н*ы* кани̇̀, д*ы*гада̀тца, рабо̀т*ы*иць, изрѣдка встрѣчающееся мягкое *р* вмѣсто твердаго: старятца, формы им. мн. такѐ*я*, бальшѐ*я*, мѣстн. п. мн. на лясо̀*хъ*, махо̀*хъ*, 3 л. ед. одинаково часто на *ець* и на *е* (даже: гавòря, вѝдзя [4]).

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близь границы Рославльскаго у.) отличается, кромѣ мягкаго *р* (даже: стыряцелный = старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о*, иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ: н*ы* за̀y̌трага, п*ы*ста̀виць, укл*ы*няйся, и *и* вмѣсто *е, я*: пл*и*са̀ць, сѐ*и*ць. Формы 3 ед. на *ець* [5]).

Другой говоръ того же у. (с. Тимоново, близь г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ *р* мяг-

---

[1]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 2, 29, 33, 34, 41.

[2]) Тамъ же, № 7 (Полыковичи), 38, 42, 76.

[3]) Тамъ же, дополненія, №№ 8, 11, 43, 44, 45, 47. У Шейна, Мат., ч. II, стр. 355, нѣсколько пѣсенъ будто-бы изъ с. Монастырщины. Мст. у., съ мягкими *д* и *т* и съ нерѣдкимъ твердымъ *р* вмѣсто мягкаго. Сравни въ Бѣл. Сб. (№ 43) сказку изъ того же села.

[4]) Бѣл. Сб., III, стр. 254; IV, №№ 75, дополн. 2,13, 18, 46, 53, 58.

[5]) Тамъ же, IV, дополн., №№ 1, 16, 52.

кимъ (даже: старятца) встрѣчается *р* твердое: ў го́расци (= въ горести), падгавà*ру*иць; употребленіе глухаго *ы* очень ограничено (изрѣдка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацько́мъ, кавалёмъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забычанье, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отмѣчены, рядомъ съ формами 3 л. на *иць*, формы на *е*, даже: гавòр*а* и т. п. [1]).

Одинъ говоръ Быховскаго у. (сс. Городище, Чигринка, м. Пропойскъ и друг.) [2]) имѣетъ твердое *р* и очень сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* неизвѣстно, *и* вм. *е*, *я* рѣдко: мяне́, нясѝ, змяѝ, вядро, но: у дарози, *и*на́): формы мѣстн. на ўсёмъ маймъ цàрству, дат. мн. брат*о́мъ*, атц*о́мъ*, куча*ро́мъ*, твор. мн. на *мы* и на *ма*: харо́шымы напѝткамы, сваймы рукàмы, дзяцьмы, ѝмы, нагàма, кнутàма, слязàма, мѣстн. на твят*о́хъ*, 3 л. ед. на *еиь* и на *е*: идзе́*иь* и ѝдзя, пу̀сцниць и пу̀сця, бъё, е́*съ* (=есть), *есъ* (=ѣстъ). 1 л. мн. дадзёмъ, повелит. н. упякàйма.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое *р*, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. женск. р. и 3 л. ед. передъ *а* иногда отсутствуетъ *j*: тà*а* дòбра*а* баба, знà*а*, дума*а*, гоня*а*, скàзу*а* (=сказываетъ), завиду*а* (рядомъ: тая, зная и т. п.). Формы дат. пятух*о́мъ*, твор. ногàмы, 3 ед. на *еиь* и — чаще — на *е*, 1 мн. маго́мъ (=можемъ) [3]).

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки къ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ обще-могилевскихъ чертъ, мягкія *д* и *т*, твердое *р*, сильное аканье (зямлѝ, гулàяшъ, пасѐямъ, 1 л. мн., пайдѝтя), предлогъ-префиксъ одъ (рядомъ съ отъ), формы им. ед. на *ый* (но той), мѣстн. ед. на *охъ*: на мужык*о́хъ*, балат*о́хъ*, 3 л. ед. на *е* (хо̀дя и т. п.) и на *ить*, 1 л. мн. на *омъ*: ид*о́мъ*, запраг*омъ*, сатк*о́мъ*, заграб*о́мъ*, неопр.

---

[1]) Тамъ же, III.

[2]) Этотъ говоръ Романовъ называетъ друтскимъ: онъ употребляется на р. Друти и въ треугольникѣ между сю и Днѣпромъ, какъ въ Быховскомъ, такъ и въ Рогачевскомъ у. Бѣл. Сб., III, стр. XV.

[3]) Бѣлор. Сб., III. — У Шейна, Мат., ч. I, тексты изъ с. Бовки, Быховск. у., на востокъ отъ Ст. Быхова. Въ нихъ *ы* вм. *о*, *а* очень часто, даже передъ удареніемъ: кыня, зыгыда́ю, стыйть, пы сыда́хъ; то *дз* и *ц*, то мягкія *т* и *д*; то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое *р*.

н. на *ти* (часто; мѣстами[1]) «почти совершенно оставлено окончаніе *ть*»): бѐк*ти* (=бѣчь) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе *ути*: скàч*ути* (мѣстами «окончанія *уть* избѣгаютъ»). Сверхъ того, въ нихъ, то чаще, то рѣже, слоги *вя*, *мя*, *вѐ* и т. п. замѣняются —по-малорусски— черезъ *вья, мья, вьѐ* и т. п.: ўрэ*мья* (=время), за*вь*ясь (=завязъ), и употребляются формы им.-вин ср. и нарѣчія на *э*: харашѐ, и мѣстоименіе *шо* (иногда рядомъ съ *шо*), при *што*. Формы им. ед. муж. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ тэ*й*, сляпэ*й* и им. мн. въ родѣ тэ*я*, сляпэ*я* на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Перерость и близкихъ къ нему мѣстъ Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у., близь границы Новозыбковскаго у.) имѣетъ, кромѣ указанныхъ особенностей, также формы 3 л. мн. на *ять* вмѣсто *ють* (при отсутствіи ударенія): лятà*ять*, летà*яти*, дабегà*ять* и т.п. [2])

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это—одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близь г. Рогачева, на юго-востокѣ отъ него, с. Нисимковичи). Онъ, имѣя большую часть чертъ общихъ ему съ сѣверными говорами Могилевской губ., между прочими очень сильное аканье, мягкія *д* и *т*, рядомъ съ *дз* и *ц*, твердое *р*, *дж*, твердое *л* въ сѝлна, пàлца и т. п., формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е*, неопр. накл. на *ти*), отличается отъ нихъ частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто неударяемыхъ *а*, *о*: заплàк*у*ў, г*у*вòрань, св*у*ёй (дат.), частымъ опущеніемъ *j* передъ *а* и *у*: залата*а* уздэчка, сéна тò*а* (=тòе), трò*а* сýтакъ, чужы*а* кòни, прасты*а*, разýмны*а* (им.-вин. мн.), ты*а* рàдасци (род. ед.), жыв*а* вады̀, гнò*э*мъ (тв. ед.,=гноемъ), дабягà*а*, спрàшу*а* (=спрашиваетъ), паймà*э*мъ (1 л. мн.), сва*у*, тý*у* часъ, збру*у* (вин.). Сверхъ того: слоги *вя*, *мя* и т. п. могутъ замѣняться черезъ *вья, мья*: ўрэ*мья*, да*вьѐ*сь, формы 1 л. мн. на *омъ*: паед*òмъ* (=поѣдемъ), вя*дòмъ*, маг*òмъ* (при вòзьмямъ), формы 3 л. мн. на *ти* (изрѣдка): падòхну*ти*. Наконецъ, твердое двойное *ш*: магý*шшы*, вé*шшы* (=вещи), пу*шшу*ў; *ы* послѣ *г* въ нагы (род.); *ф* вм. *хв*: у*ф*ачý [3]).

[1]) Въ Дятловицкой волости. Г-жа Радченко, Гомельскія народныя пѣсни, Спб. 1888 (введеніе).—«Въ Гомельскомъ уѣздѣ . . . свой говоръ, нѣсколько отличающійся отъ бѣлорусскаго языка всего сѣв.-западнаго края. . . Рогачевскій уѣздъ (къ сѣверу отъ Гомельскаго) есть уже настоящая Бѣлоруссія. Эта разница отчасти находитъ себѣ объясненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ Гомельскаго уѣзда. Съ сѣверомъ они не имѣютъ никакихъ связей, и потому постепенно забывается бѣлорусскій яз.; а на югъ часто отправляются на заработки, и тамъ заимствуютъ малорусскія слова и пѣсни. Тамъ же, стр. IX.

[2]) Этотъ говоръ названъ у Романова перероcтовскимъ («юго-восточная часть Гом. у.»). Бѣл. Сб., III., IV.

[3]) Бѣл. Сб., III. Говоръ мѣст. Жлобина отличается отъ говора с. Нисимковичей менѣе частымъ опущеніемъ j и употребленіемъ мѣстоименія *шо*, рядомъ съ *што*.

Это—другой говоръ того же уѣзда (с. Озераны). Въ немъ [1]) обращаютъ на себя вниманіе очень закрытыя *а* и *о*, которыя наблюдателемъ были приняты за *о* и *у* [2]), или—быть можетъ—уже вполнѣ развившіяся *о* и *у* на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ *а* и *о*: ск*о́*ска (=сказка), к*о́*жа (=каже), д*о́*й (=дай), дув*о́*й, ступ*о́*й, н*о*мъ (=намъ), кр*о́*дзешъ, ч*о*съ, ж*о́*ли (=жали), слядо́ми (=слѣдами), пе́ць (=пять), у́зе́ли, ме́са, у́се́кій и т. п., пу́сли (=послѣ), хлу́пцы, дару́гай (твор.), пру́ся (=проситъ), ву́ко (=око), пл*у*тъ, хв*у*стъ, *ю*нъ (=ёнъ), *ю*й (=ёй), *ю*, *ю*сь (=ё, ёсть), л*ю*хъ (=лёгъ), н*ю*съ, кул*ю*сы (=колёса), ц*ю*плый, жыв*ю*мъ (1 л. мн.), бъяц*ю*сь (=бьетесь), у́с*ю* сва*ю* сяло (=всё) и т. п. Употребленіе *у* на мѣстѣ не ударяемыхъ *о* и *а* очень часто, такъ что *о* замѣняется черезъ *у* чаще, чѣмъ черезъ *а*: г*у*л*у*ва̀, п*у*р*у*сла̀, ч*у*л*у*вѝча (зв.), зд*у*рòва, нав*у*рѝли (=варили), вѝд*у*ю (=вѣдаю), чар*у*вѝки. Затѣмъ, *ѣ* звучитъ какъ долгое *и*: хл*и*пъ («какъ бы хл*іи*пъ», =хлѣбъ), мядзвѝць, ѝхаць, зусѝкъ (=засѣкъ), пувѝшу, дзѝлаць, цы̀лый, ры̀заць. Сверхъ того: *дз* и *ц*, твердое *р* и другія черты общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго *е* безъ ударенія, отсутствіе *j* въ *а*къ (=якъ), здурòва*а*, бу́жа*а* мòцеръ (=божья матерь), зна̀*а*, умоля̀*а*, папыта̀*а*мъ (не часто), формы 3 л. ед. на *е* (хòдзя), 1 л. мн. на *омъ*: начн*о́мъ*, пападу́*мъ*, повел. н. худз*е́*мъ. Глухое *ы* очень рѣдко; *я* вм. *е* обычно: мянѐ, пер*а*вяду̀, бѐга*я*; формъ твор. на *мы* не отмѣчено [3]).

Это—говоръ южной полосы Гомельскаго у. (с. Марковичи и с. Старо-Юрковичи съ волостью послѣдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, именно иногда *и* (какое?) вмѣсто *ѣ*: ѝхали, дѝло, цы̀лая нядѝля, ры̀зать (=рѣзать), и отсутствіе *j*: дòбра*а*, дòбру*у*. Сверхъ того: мягкія *д* и *т*, твердое *р*, спорадическое неударяемое *о*, частое *я* вмѣсто *е*: *я*на, м*я*ла̀, *я*ѐ, в*я*сельля, н*я*сли, б*я*ры̀, запр*а*га̀йт*я*, рад*о*мъ съ *и*: *ли*теть, н*и*вѐхна, з*и*лёная, н*и*ма̀, вòз*и*ра; изрѣдка твердые согласные (по-малорусски): у́сэ (=всё), мэтъ (=медъ; Юрковичи); изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ) *и* вм. *ы*: вѝшла, карòв*и* (им. мн.), в*и* (=вы), вис*и*ха̀ть, с*и*нòчки (при нявѐск*ы*, им. мн.); *вя*, *мя* и т. п. вм. *вя*, *мя*: *вя*ть, *вёс* (=везъ), сто *вё*рстъ; формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е* (хòдя), бу́ў, б*у*ла́, 3 л. мн. на *ять* вм. *ють*: гуля̀*ть*, мѣстоименіе *що* [4]).

---

[1]) Романовъ, называющій этотъ говоръ озеранскимъ, говоритъ, что онъ распространенъ въ западной части Рогач. у., на границѣ съ Минской губ., и наиболѣе рѣзкимъ является въ Озоранскомъ приходѣ.

[2]) По Романову, «звукъ *о* произносится почти какъ *у*: *муй*, *гулува́*».

[3]) Бѣл. Сб., III.

[4]) Бѣл. Сб., IV, № 60, 102. Шейнъ, Мат., ч. I (здѣсь еще: им. ед. *сизой*, род. *табя*, вин. *яѐ*, что сомнительно).

Романовъ сводитъ говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, чистому бѣлорусскому, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевскаго, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *ть*. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей чистотѣ въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.;

2) восточному, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ *р*, формами 3 л. ед. на *ть*. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ наполняетъ Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Велижскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ цокающимъ;

3) южному, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевскаго (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовицкомъ у.,—рѣка Бесѣдь, на западѣ—граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *е*. Онъ переходитъ въ Минскую губ. [1]) и имѣетъ въ ней значительное распространеніе, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе переростовскій, озеранскій и друтскій [2]).

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и южную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской и Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ *дз* и *ц*, ў вм. *у*, *в*, *л*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго *р*, твердыхъ шипящихъ (даже двойныхъ: цѐ*шша* = тёща, да*жж*ы̀=дожди) и *с* въ *с*ѐрца, *сы*ножа̀ць и т. п., *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*, формъ дат.-мѣстн. съ свистящими, дат. и мѣстн. гасцё*мъ*, гасцё*хъ*.

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравн. говоры виленскій и витебскій) нерѣдко употребленіе *и* вм. *е*: *ли*та́ла, пл*и*ла̀, у наббр*ы*=въ наборѣ и т. п. (рядомъ: мядо̀къ, ляц*и*̀ць, нясѐць, сѐйц*я*; с. Волосовичи); формы им. ед. на *ы*, дат.-мѣстн. ед. т*эй*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (сс. Волосовичи, Лотыголичи), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ, обыкновенно на *е* (м. Холопеничи; даже: хо̀дз*я*), повел. н. б*и*, п*и*. Формы зват. н. обычны: му̀ж*у*, нягадзя̀*ю*; рядомъ съ формою *цябé* — форма *це* (род. - вин.): ў *це* (= у тебя).

---

[1]) По г-жѣ Радченко, гомельскій говоръ также слышится въ Рѣчицкомъ у. Минской губ.

[2]) Бѣл. Сб., III, введеніе.

Въ говорѣ сѣверной, большей [1]) части Минскаго у. (сравн. говоръ виленскій) употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, очень рѣдко (въ концѣ формъ дат.-мѣстн.); двойные мягкіе согласные иногда замѣняются простыми: свинѧ̀; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (рѣдко на *е*; с. Лусково), въ другихъ обыкновенно на *е* (но хо̀дзя и т. п. неизвѣстны; м. Койданово, д. Грычино), 3 л. мн. хо̀дз*юць* (с. Лусково), возвратн. зал. на *ця*: гадзѝц*ця* (с. Лусково).

Говоръ части Игуменскаго у.: употребленіе *и* вм. *е* рѣдко (дз*и*ся̀тникъ, м*и*нѐ, н*и*хай, у камо̀р*ы*, но: на маро̀з*я*, на стрэ̀с*я*, на чужой старо̀нушщ*а*, новыя сѐн*я*=сѣни), встрѣчается *у* вм. *о*: шшы̀р*у*я=щирое, на крупѐньк*у*мъ бярашку̀ (с. Микуличи), на жо̀ўт*у*мъ пясо̀чку (м. Узды); изрѣдка *дж*; формы им. ед. на *ы*, им. мн. валѐ (=волы, м. Узды), 3 л. ед. на *е*, повелит. н. *жжы* (= жди) [2]).

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѣнія крайне скудны Употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, рѣдко (дат. - мѣстн. даро̀з*и*, сва̀с*и* и т. п. но: куса̀яшъ, ра́дуятца, ед.; д. Михалево); двойные твердые шипящіе иногда замѣняются простыми: ѧ̀*ш*эръ (= ящеръ, д. Михалево); нерѣдко *дж*; формы им. мн. на *ы* и на *ый*, мѣстн. ед. на хво̀стик*у*, зват. рабо̀тничк*у* (с. Жилинцы), дат.-мѣстн. ед. т*эй*, им. мн. стральцѐ (с. Жилинцы), каралькѐ, павадке́, касничке́ (= поводки, коснички; д. Михалево), твор мн. плячы̀*ма*, свячы̀*ма* (= свѣчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на *е* (д. Михалево; даже: хо̀дз*я*, с. Жилинцы), 1 л. мн. бу̀д*амъ* (д. Михалево), повел. н. сварэ̀цеся, памирэ̀цеся (= сваритесь, миритесь; Городокъ). Сверхъ того, употребляется j передъ начальнымъ *а* въ началѣ рѣчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные: *я* (= а, союзъ), *я*го̀нь (с. Жилинцы), и два *е* сливаются въ одно: см*е*шъ, ум*е*шъ (д. Михалево) [3]).

Извѣстные намъ говоры Рѣчицкаго у. всѣ съ *дз* и *ц* (рядомъ съ которыми изрѣдка мягкія *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е* и *ець*. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности,—вѣроятно, Дерновической волости) имѣетъ очень сильное аканье (лѝчиньк*а*, мѝлаг*а*), частое *я* вм. *е* (*и* рѣдко: на во̀страв*и*

---

[1]) Съ м. Ко́йдановымъ включительно (на юго-западѣ, въ 10 верстахъ отъ Минска) На основаніи сообщенія В. З. Завитневича.

[2]) Въ текстахъ изъ Борисовскаго и Игуменскаго уу. у Шейна встрѣчаются формы им. ед. на *ой*: залато̀й, дараго̀й (сомнительныя).

[3]) Тексты изъ разныхъ мѣстъ этихъ уѣздовъ Минской губ.—у Шейна, «Пѣсни» и «Мат.», чч. I и II.—Вполнѣ возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ, нами здѣсь описанныхъ, слышатся дифтонги *уо*, *ie*, не отмѣченные въ текстахъ Шейна (особенно въ говорѣ м. Узды, въ юго-зап. части Игуменскаго у., не въ далекѣ отъ м. Столбцы, Минск. губ., гдѣ дифтонги).

и т. п.), предлоги-префиксы *изъ*, *исъ* вмѣсто *съ* и рядомъ съ *съ* и *одъ* рядомъ съ *отъ* и форму род. ед. маго́ [1]). Въ другомъ говорѣ, м. Горволи, можно отмѣтить только частое *я* вм. *е* (но: на явдры, мѣстн.) и форму 1 л. мн. пойд*амъ*. Въ третьемъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ *я* изъ *е*, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются *о* и *е*. Сверхъ того, въ немъ *у* вм. *ы* (спорадически): п*у*тали (пытали), нав*у*ми, нав*у*хъ (= новыми, новыхъ), кап*у*цики (= копытики), им. мн. малдтцэ, твор. мн. тры*мі* (= тремя), повел. н. на *мо*, 2 л. мн. повел. н. кладзе́ця, неопр. накл. на *ци* (рядомъ на *ць*), возвр. зал. на *са*. Формы зват. п. [2]).

О говорахъ Мозырскаго у., тоже съ *дз* и *ц* (спорадически также *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е*, мы знаемъ еще меньше. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности)—съ сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ *я* вм. *е*: залато́г*а*, варано́г*а*, далёк*а*, бож*а*, зват. (но: на пародз*и*, на хац*и*, на рэ́чц*ы*). Формы им. ед. на *ы*, 1 л. мн. пайдо́*мъ*, сядзь*ма*, павячара́й*ма* [3]). Въ другомъ говорѣ, дер. Кочищи, Скородинской волости, къ югу отъ Припети, неударяемыя *о* и *е*, повидимому, послѣ ударенія спорадически сохраняются (записано: т*а*бе́, цябе́, мяне́, вяр*а*цёна = веретёна и рядомъ: панн*о*, ба́б*о*, зват., гэта*е* се́н*о*). Формы им. ед. муж. на *ый*, средн. (и нарѣчія) на *э*, *эе*: харо́шэ, тэе акно́, род.-дат.-мѣстн. ед. на *эй*, 1 л. мн. на *мо*, неопр. н. пякци, возвр. зал. на *са*: нясци́*са*, би́ли*са*, и *ця*: вярну́ц*ця* (неопр. накл.). Формы звательн. пад. [4]).

Говоры западной группы отличаются соединеніемъ аканья съ оканьемъ, т. е. сохраненіемъ болѣе или менѣе часто неударяемыхъ *о* и *е*, при *дз* и *ц*, твердомъ *р*, *дж*, *зъ* вмѣсто *съ* и рядомъ съ *съ*, *одъ* вм. *отъ*, формахъ им. ед. на *ы*: до́бр*ы*. Формъ им. ед. на *эй*, дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новогрудскаго у. (Щорсовская волость) [5])

---

[1]) Тексты у Запольскаго, Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, Кіевъ, 1888, и въ статьѣ: «Крестьянскія игры въ Минской губ.», въ Жив. Старинѣ, 1891 г., № 4.

[2]) Шейнъ, Мат., I.—Янчукъ говоритъ какъ объ особенности рѣчицкихъ говоровъ—о замѣнѣ *ы* черезъ *у*: *му* = мы, *с*унъ, б*у*къ, б*у*йстрый = быстрый. Сборникъ свѣдѣній...

[3]) Тексты у Запольскаго, Бѣл. свадьба.

[4]) Шейнъ, Мат., ч. I, стр. 44. Дер. Кочищи—къ югу отъ с. Мелешковичей, въ говорѣ котораго слышатся дифтонги, и потому, можетъ быть, говоръ Кочищъ принадлежитъ къ говорамъ южной группы.—По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ Князь-озера не слышно малорусскихъ дифтонговъ.

[5]) «Piosnki wieśniacze z nad Niemna ... są zebrane w Nowogródzkiem we włości Szczorsowskiej (на границѣ Виленской губ.), najbardziej w Prześliczce, i kilka w Dałmatowszczyźnie».

сохраняетъ неударяемое *о* послѣ ударенія и неударяемое *е* какъ послѣ ударенія, такъ часто и передъ нимъ [1]): старо́*га*, пі́во*мъ* (твор.), кита́йко*ю* (тв.). сэрц*о*, со́нц*о*, пагуля́нь*е́*, зл*ь*та́*е*ць, прылега́*е*ць, *че*цвёрты, ў се*лѐ*, залаты́*е*, любы́*е* (им. мн.), стрэча́*е*; рядомъ: *та*бѐ, *зала*ты̀, ў *да*ро̀зе, *мя*докъ, у вянкў. При этомъ неударяемое *о* послѣ ударенія можетъ звучать какъ *у*: на цих*у*мъ Дунаю, на бѐленьк*у*мъ ка́мени, у трэ̀ц*ю*мъ поли (рядомъ: цих*о*мъ), неударяемое *а* съ предъидущимъ j или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія—какъ *е*: по̀*е*сь, хо̀дз*е*ць, прасі́лас*е*, смею̀ц*це* (рядомъ:—*ся*, *ца*), а неударяемое *е* передъ удареніемъ—какъ *и*: *ни*ма̀, *ми*нѐ, *ци*пѐръ (рядомъ: *не*ма̀, *ме*нѐ, *це*пѐръ). Сверхъ того: группа: согласный j сохраняется: ку*цьѐ*, вѐ*цье*, га*лье́*, пагуля́*нье*ё. (но: весе́ле); формы имен.-винит. мн. жэньцѐ, касьцѐ (=жнецы, косцы), сватѐ дамѐ (=сваты), пастушк*е́*, дварэ̀, дзеўк*е́*, лю̀дз*е*; 3 л. ед. обыкновенно на *е* (рѣдко: ска̀*чець*), но: *есиь*, *ёсиь*, *естъ* (=есть), *есиь* и даже *есии* (=ѣстъ); 1 л. мн. иногда на *мо*: ро̀би*мо*, седзи*мо̀*; повелит. накл. съ *ѣ*: жне́це, пазне́це (=поздните); неопр. накл. на *иь* и на *ии*; возвр. зал. на *ся* и *ца* (нѣтъ на *съ*). Сверхъ того: формы дв. ч. дзве шко̀дз*е* и дзве шко̀д*ы*, им., вин. ед. ср. р. сэрцо ма*ё* и ма*е́*, мѣстн. ед. па бары̀ и па барў; придыханіе *г* (=*h*): *г*ара̀ць при *а*ра̀ць (=орать), рядомъ съ болѣе обычнымъ *в*: *в*о̀ко, *в*акно̀ (при *о*ко, акно) [2]).

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовецъ) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія: м*о*лады́й, с*о*кала̀, *о*тступися, до́бр*о*га, жо̀нк*о* (зват.), се́рц*о*, зе́ллё, застѐллё; въ другихъ слогахъ неударяемое *о*=*а*. *ба*лі́ць, м*а*ё. Неударяемое *е* сохраняется въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и *о*, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ *я* или черезъ *и*: сястра̀, вязі́, ляце́ць, ё*дя*, *ми*не́, ц*и*бе́, засмі̀*я*ўся, нихто н*и* злапа́я. Въ этомъ говорѣ удвояются мягкіе согласные: зе́*лл*ё; формы мѣстн. ед. на *и*, *ы*: ў сяльцы̀на гары̀ (= горѣ); формы 3 л. ед. только на *е*: вязе́, пляцё (= плететъ) ка̀ж*а*; формы повел. накл. жне́ця. Формы зват. п. [3]).

Третій говоръ того же уѣзда (мѣстности неизвѣстны) сохраняетъ неударяемыя *о* и *е* во второмъ слогѣ послѣ ударенія: вялі́кага*о*, це́лаг*о*, ме́ран*о* (= мѣряно), дзе́рав*о*, за па̀зух*о*й, далёкаё, блі́скаё, са̀мы*е*, ме́ньшы*е*, на пе́-

---

[1]) «Porównywając dialekt nadniemnowy z naddźwińskim ... w pierwszym ma przewagę samogłoska *e*, a w drugim *a*».

[2]) Матеріалы въ двухъ книжкахъ Чечота: Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1844; Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1846.

[3]) Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г., № 2 и 3. С. Березовецъ—на юго-западѣ отъ Щорсовъ, недалеко отъ послѣднихъ.

радз*е*; а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: пȍл*е*, здарȍвъ*е*; въ другихъ слогахъ *о* и *е* замѣняются черезъ *я* или *и*: *а*днȁ к*а*зá, мя̀хк*а*, вязé, лéз*я*, ў лéс*я*, н*и*мȁ, *и*щé. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣняются простыми: сви*н*ѝ, вясéл*я* (но: здарóвъе). Формы им. ед. на *ы* (т*ой*), мѣстн. на канцы̀, твор. плячы*ма*, 3 л. ед. на *е*, но: *е*сць = ѣстъ, повел. н. дарэ̀це, нап*и*ся, возвр. зал. всегда на *ся* [1]).

О четвертомъ говорѣ того же уѣзда (дер. Крутовицы) мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что неударяемое *о* въ немъ иногда въ концѣ словъ сохраняется; записано: другóё, суджоноё, перъё, сняданьнё, даўсё (= дался), рядомъ съ цвятокъ, цябе, глядая, пъеця, бѣлоя лицо, на болоц*и*, на рыб*и*, жына, сусѣдочыкъ (род.), даже: у валик*уй* дарози. Въ этомъ говорѣ двойные мягкіе согласные: зе*льле*, сняда*ньн*ё, формы вин. ед. бе*лаю* руку, им. - вин. мн. гужэ̀, паслэ̀ (= послы), мядэ̀, бые́, дзяўкé, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. валичая*мо*, повел. Нидзéце, возвр. зал. на *сё* (рядомъ на *ся*). Сверхъ того, *ящэ* (двойные твердые согласные?) [2]).

Какъ далеко на востокъ заходятъ говоры западной группы, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменскаго уу., позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ *уо*, *іе*, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемыя *о* и *е*. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ: хороша*е*, дастаўс*е*, налетаўс*е* (минск.), скажыс*е*, падзелис*е* (иг.), рядомъ съ формами абрус*е* (вин. мн., = убрусы, иг.), у сянёхъ (минск.), збира*иць* (минск.), ходз*е*, пасяк*омъ* (иг.) [3]).

Тексты изъ сс. Побережья и Скуплины (на р. Березинѣ), Борисовскаго уѣзда, изданные графомъ Тышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несомнѣнно дифтонговъ *уо*, *іе* не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенія неударяемыя *о* и *е*. Записано: т*а*бé, з*а*л*а*ты̀, г*а*л*а*вȁ, *я*ѐ, м*я*нé, дзéл*а* (= дѣло), цéст*а* (= тѣсто), л*я*ж*а* (3 л. ед.), застȍль*я*, падвȍрь*я* (им. - вин. ед.), дубȍв*ай* (твор.), и рядомъ: далéк*о*, нȁшаг*о*, дȍбраг*о*, у дȍўг*ой* дарȍз*е*, крынѝц*ой* (твор.), у гарȍдз*е*, на частакȍл*е*, дȍбры*е*, угадȁ*е* (3 л.), ржы̀ц*е* (повел.), раёч*е*къ, вéч*е*ръ, застȁнус*е*. Другія особенности: *дз* и *ц*, твер-

---

[1]) Тексты изъ Новогрудскаго у., Дыбовскаго, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, тт. V, X, Kraków, 1881—86, и у Шейна, Мат., II, 221 сл.

[2]) Тексты у Шейна, Мат., II, 235 сл. Еще тексты изъ Новогрудскаго у.—у Дмитріева въ «Собраніи пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», Вильна, 1869 (пѣсни перепечатаны у Шейна), и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, вып. 3-й, №№ 2—10 (сообщенные Дмитріевымъ). Здѣсь: сви*ня*, та*лшы*на, пи*шы* (род.), формы зват. кумк*о* (ж. р.), дурачк*у*, возвр. з. сашлис*е*, схватилис*е*.

[3]) Памятная книжка Гродненской губ. на 1869 г. Гродно, 1869 г.

дое *р*, сохраненіе мягкихъ согласныхъ+j: засто*лля* (рядомъ: кахà*не*=коханье), формы им. ед. на *ы*, род. майгò, мѣстн. пры таточк*у*, твор. мн. ручками бяленьк*ами*, 3 л. ед. на *ець* и на *е*, возвратн. зал. на *се* и на *ся*; формы зват. п. [1]).

Говоры южной группы—переходные отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію—слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверо-малорусскими дифтонгами *уо* и *іе* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, ё и *е* (= древн. *е* и *ѣ*) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, причемъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука: в*уó*лъ, м*ю́о*дъ, с*іé*мъ (= семь), с*іé*но, а въ прочихъ мѣстахъ—первая: в*ỳо*лъ, м*ю̀о*дъ, с*ѝе*мъ, с*ѝе*но [2]). Сверхъ того: *р* звучитъ обыкновенно лишь твердо; двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключеніями); *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*; *дж*; твердое *л* въ сѝлно, бòлно, пàлцы, что «не составляетъ однако общаго правила» (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды) [3]). Формы им. ед. на *ы*, род. ма*й*гò и м*а*гò и т. п., 3 л. ед. на *е* и *иць* (но: ёсць и *есць* = есть, *есць* = ѣстъ); формы зват. пад. на *е* и на *у*. Формъ им. ед., дат. - мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древніе звонкіе какъ глухіе, или сохраняются, т. е. произносится ли мюо*д*ъ, или мюо*т*ъ, сало̀*д*кій, или сало*т*кій [4]).

Объ степени аканья въ говорѣ южной окраины Минскаго уѣзда (дер. Ячонка, близь м. Столбцы) мы не можемъ ничего сказать; отмѣчено: п*ясò*ч*а*къ, пч*алà*, поглядà*я* и т. п.; несомнѣнно, неударяемыя *о* и *е* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ *іе* (онъ одинъ отмѣченъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая, или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ упо-

---

1) Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

2) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I, М. 1889 г. (Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., LXI), ст. Янчука.—Позволяемъ себѣ напомнить, что дифтонгъ—одинъ звукъ.

3) Тамъ же, стр. 70.

4) «Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губ., въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго». Тамъ же, стр. 70.

требляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: таб*іе* (= тебѣ), выб*іе*гла, посѣдз*іе*нки, п*іе*сня, п*іе*ли, зацв*іе*т*а*е, стрэм*іе*нд*ў* (род. мн.=стремянъ), и рядомъ: на дворэ̀ (мѣстн.), *медъ* и т. п. Другія особенности: твердое двойное *ш*: *шшы*гелъ (= щеголъ), формы: род. св*эй* матушки, сво*é* цётушки, повелит. н. заверн*é*це, одберэ̀це, запрос*é*це, возвр. з. женици*се* [1])

О степени аканья въ говорѣ с. Подлѣсья, Слуцкаго у., мы не можемъ ничего сказать (записано: г*ó*рд*а*=гордо, т*а*б*и̂*, подм*а*в*и̂*ли, вянокъ, ч*а*гò, вязли̂, *жа*нѝ, собѐ, дзяўчѝна, зязюляю, твор., нàш*а*го, плàч*а*, 3 л., мàтц*а*, дат., б*уо*льшд*о*я, пуойдз*и*шъ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто: м*уо*й, дв*уо*ръ, б*уо*ръ, б*уо*гъ, т*уо*льки, дор*уо*жка, в*уо*йнà, *юо*нъ (=онъ), м*юо*дъ, лябюодка, ж*уо*нка, зял*юо*нъ [2]), дз*іе* (=гдѣ), в*іе*къ, чалов*іе*къ, л*іе*съ, об*іе*дъ, на стол*іе*, п*іе*чъ, м*іе*чъ, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны *у* и *и*: вуойт*у*ўна (=войтовна), вол*у*ў (род. мн.), дол*у*ў (=доловъ))[3], таб*и*, віе, сіе (=вѣетъ, сѣетъ), п*и*рья (=перье), съ другой—*о* и *е*: мёдъ, с*е*мъ (=семь) и т. п. Придыханіе *г* въ *г*остры (=острый). Формы: им. ед. т*о*й, мѣстн. ед. на вуойськ*у*, дат. мн. пан*уо*мъ, твор. плеч*ыма*, оч*ыма*, 1 л. мн. бў-д*амъ*, повел. н. 2 ед. помо*жы*, 1 л. мн. постаў*ма*,, возвр. з. на *са*: забылас*а*, бою*са*, и на *ця*: напьец*ця*. Форма буд. вр. 3 л. мн. собирaць *муць* [4]).

О говорѣ с. Семежова, того же у., наши свѣдѣнія очень скудны. Повидимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому: т*а*бѐ, ч*а*мỳ, нàш*а*го, спѐ*жа*чка; р*уо*дны, гол*уо*вка, к*уо*жны (=каждый), ў бож*у*мъ домѣ, у шелков*у*мъ пуцѣ (отъ путо), рядомъ съ мой, твой и т. п. Сверхъ того: сва*é*, род. ед., зал*и*ся, повел. н., *о*дорвѐц*ця*, 3 л. ед., хорошэ (=хорошо).

То же можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Царевской волости, того же у. Отмѣчено: гàёкъ, ст*уо*лъ, с*уо*ль, м*уо*й (рядомъ: твой), неб*юо*съ (род.), растр*уо*съ (=растрёсъ), сл*юо*зки. Сверхъ того: *е*къ (=якъ)[5]).

Въ говорѣ д. Конюковъ, того же у., при сильномъ аканьѣ (п*а*х*а*вàе, янà, дзяржàў, пяр*а*лѝчимъ), тѣ же дифтонги: т*уо*льки, мужык*уо*ў, ма*іе* апаст*ó*лы (им. мн. [6]).

---

[1]) Шейнъ, Мат., I. Д. Ячонка—близь границъ Новогрудскаго и Ошмянскаго у.

[2]) Даже: т*уо*й, им. ед., немн*уо*го и т. п.

[3]) Даже: въ Бѣл*уй* Руси.

[4]) Шейнъ, Мат., I.

[5]) Тамъ же, II, стр. 206 сл., 290 сл. Въ текстахъ изъ д. Іодчицы, Грачевич. волости, Слуцк. у.: по вороненьк*у*мъ, ф. повел. н. будзѐце (=будите), ходзѐце. Тамъ же, I, № 151.

[6]) Календарь сѣв.-зап. края на 1889 г., стр. 136. Здѣсь, стр. 135, два стихотворенія, повидимому, на этомъ же говорѣ; въ нихъ мы находимъ. к*а*хàн*а*къ (им. ед.), *а*тк*а*пàцца, ж*уо*нка, н*уо*ччу, сп*я*ць (=спять).

Въ говорѣ дер. Мелешкевичей и Мощицъ (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка), при аканьѣ (*та*бѣ, *ча*го, ге*та*го), отмѣчено: б*у*йсь, что, по всей вѣроятности, должно читать: б*уо*йсь [1]).

Въ говорѣ Игуменскаго у. (с. Юревичи) сильное аканье (г*ал*óвочка, *малад*ы̀, *далина*, вялёны, *бял*ёнькій, *ня* зняў; дифтонги только подъ удареніемъ: м*уой*, т*уой* (дат.-мѣстн. женск. р.), в*уо*нъ (=онъ), р*уо*дны, веч*юо*ръ, мн*іе* (=мнѣ), сус*іе*дъ, слёзы ма*іе*, у крыв*іе* (=въ крови); рядомъ: на син*ю*мъ моры; формы имен. ед. не только на *ы*, но и на *ый*, род. ед. ма*é* (=моей). Сверхъ того: быв*á*це (=бываете) [2]).

Говоръ Бобруйскаго у. (с. Языль) также имѣетъ сильное аканье передъ удареніемъ: ка*ра*ва̀й, *зала*ты̀, *а*ны̀=они, нясли, вязли, цябе, *жа*на̀, но: сви*ча̀* (рядомъ: гаёчокъ, дóбр*ого* и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: м*уой*, н*уо*чъ, р*уо*дъ, мал*уо*дочка, н*уо*жка, т*уой* (дат.-мѣстн.), мі*е*сяцъ, *лі*ето, таб*іе*, та*іе* (род. ед. жен. р.), чы*іе*, ма*іе* (им.-вин. мн.), мі*е*чъ, пі*е*чечка, вяс*іе*ля, изъ которыхъ *уо* замѣняется, при отсутствіи ударенія, чрезъ *у*: в*у*втòрокъ, у перв*у*мъ угліе, на папов*уй* синажàци, у цёмн*уй* цямницы, пивар*у*въ (род. мн.). Сверхъ того: формы им.-вин. муж. р. на *ый* (и на *ы*), им.-вин. ед. сред. р. на *э*, *ээ*: бясхвостэ, шырок*ее*, вялик*ее* (рядомъ на *ое* друг*óе*), повелит. накл. съ *ѣ*: хадз*іе*мъ, сядз*іе*це, аблам*іе*це, повел. накл. п*и* (=пей), возвр. з. на *ся* и на *са*: збирàў*са*, накры̀ю*са*, буой*са* (повел. н.). Еще отмѣтимъ: формы мѣстн. ед. ў вишнёв*аму* саду, двойств. ч. дзвіе бярю*зе*, тра*ма* (дат.-тв.), прош. вр. б*у*ў и б*ы*ў [3]).

Говоръ Мозырскаго у., с. Мелешковичи (къ югу отъ Припети) имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ говоровъ центра Минской губ. О степени его аканья мы не можемъ ничего сказать (отмѣчено: та*бѐ*, цябѐ, няйдзѐшъ, козяня̀ты, ча*мў*, нàша*му*; рядомъ: коз*ы*нька и коз*а*нька, светы, ве*жў*, ве*зàла*=вяжу, лà*е*цъ, неопр. н., *е*чмѐнь); объ употребленіи дифтонговъ тоже (отмѣченъ лишь *уо*: на т*уо*мъ сельцѐ, пир*уо*хъ, т*уо*лько, кор*уо*вочка, р*уо*жечки, н*уо*жечки, даже: д*уо*брова; рядомъ: бóйся, уцёкъ, стральцоў, род.). Сверхъ того: *у* вм. *ы*: б*у*вàю, в*у*шеў (=вышелъ), коп*у*цики (=копытики), *и* вм. *ѣ*: въ л*и*ва ўшка; формы им.-вин. средн. свет*э*, прав*э*, колосист*э*, т*ээ* сельц*э*, им. мн. хлопц*э*, стральц*э*, род.-вин. *табé*, дат. мн. сын*óмъ*, 3 л. ед. шы*я*, гýб*я*, 1 л. мн. на *мо*, на *омъ*: знайд*омъ*, неопр. н. ѐс*ци* (=ѣсть), возвр. з. на *са*: садзи*са* и т. п. (даже: 1 л. мн. признаймас*о*). Рядомъ съ *дз* и *ц* слышатся мягкія *д* и *т* [4]).

---

[1]) День (газета) 1863 г., № 28, стр. 10.
[2]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній...., ст. Янчука.
[3]) Тексты тамъ же.
[4]) Шейнъ, Мат., I, стр. 56 и др.

Наши свѣдѣнія о бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской губ. крайне скудны, и мы не можемъ ничего сказать о степени ихъ аканья. Особенности: *дз* и *ц*, твердое *р*, двойные мягкіе согласные (кромѣ Слонимскаго у.; изъ нихъ иногда простые), *зъ* вм. *изъ*, *съ*, иногда *одъ* вм. *отъ*, формы им. ед. на *ы*, 3 л. ед. на *е* и на *ицъ*, неопр. н. на *цъ* и *ци*. Формы им. на *эй*, *эя* неизвѣстны, дат.-мѣстн. на *эй* очень рѣдки. Употребленіе глухихъ согласныхъ вмѣсто звонкихъ: голу*п*ъ, галў*п*ка (Слонимск. у.).

Говоръ Гродненскаго у., с. Лаши: т*а*бѐ, *а*ще (=еще, др.-р. още), вялики, нядзѐля, нàш*а*го аконц*а*, плàч*а*, зная, рядомъ: на гэ̀т*у*мъ свѐц*и*, на дарози, зезю̀ля, цегàя (=тягаетъ). Формы род. м*а*го и т. п. и возвр. зал. на *са*: валюса 1). Говоръ того же у., сѣверной части, отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра «болѣе твердымъ проузношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ *о* въ *а*»: г*а*сподàрыку (зват.), *а*дному̀, к*а*роўка, *а*стàлася, Кіёва (род.). Дифтонги не отмѣчены, но: б*у*гъ (=богъ), р*у*вня (рядомъ: тв*у*à), хл*и*бъ, р*и*жъ (=рѣжъ) [2]).

Говоръ Сокольскаго у., повидимому, ничѣмъ не отличается отъ отъ говора Гродненскаго у.: к*а*го, ст*а*ла, ляцѐла [3]).

Говоръ Бѣлостокскаго у.: с*а*бé, баб*а*ю (тв.), *а*бъ рыбц*ы* нѝт*а*къ (род.), галов*а*нька, бѐдн*а*й (род.), мяне́, но: двѐсце (=двѣсти), вы̀ведз*е*, пўщ*а*е; осе*н*ю (=осенью) [4]).

Говоръ Волковыскаго у., д. Меньки: т*а*бé, понясѐшъ, с*и*длàишъ, купу*и*шъ, н*ы* чужую ст*а*рон*ы*ньку (=на—). Въ говорѣ того же у., близь Зельвы: ст*а*р*а*нà п*а*юць, ў цёмномъ лѐс*и*, рудный, м*у*й; около Росси: ст*а*р*а*нà, гдв*іе*, дзі́єлася, даже: в*оу*лъ (вѣроятно, в*уо*лъ,=волъ).—Изъ другихъ мѣстъ: ч*а*го, стр*а*лà (=стрѣла), на бит*у*мъ гасьцинцы, боюс*е*, распраўлѧ̀ц*ие*, дл*е* ахвоты, *е*къ (=якъ) [5]).

Въ говорѣ Слонимскаго у. передъ удареніемъ сильное аканье: *а*дн*а*го, в*а*л*а*комъ, веснà, мяды̀, цябѐ, сцяли (=стели), ранюся̀ньк*а*, при: коняй (род.), спявàямо, бўдз*я*ця, рàдуйц*я*ся; рядомъ: сàмаг*о*, волокъ, чыстоё полё, вўльёў (род. мн.; слѣдовательно, послѣ ударенія *о* болѣе или менѣе часто сохра-

1) Шейнъ, Мат., I, № 588, II, стр. 359, 615, 683. Пѣсни изъ другихъ мѣстъ Гродн. у.—тамъ же, I: *мине́*, у чыст*у*мъ пол*и*, *е*къ=якъ, *гостры*.

2) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 626—627.

3) Тамъ же, стр. 639.

4) Тамъ же.—Дмитріевъ, Собраніе. Одинъ текстъ въ Запискахъ Ак. Н., т. 60, стр. 154 (ст. Авенаріуса). Другіе тексты изъ Бѣлост. у. здѣсь и въ другихъ изданіяхъ—малорусск е.

5) Тамъ же, стр. 624—625.—Шейнъ, Мат., I.

няется); на новумъ двори, на чужуй сторони, саби, таби, мни (=себѣ...). Мягкіе согласные + j иногда сохраняются: гальё; дж; пьяць (=пять); формы 1 л. мн. на мо, повел. пи, пиця неопр. н. на ць (но: есци=ѣсть). Сверхъ того: изнуў, що (=изнова, что; м. Коссово); тэй (род., с. Порѣчье); пирадокъ, визали, головычка, зыдывай (=задавай; д. Заполье); тае́, род. ед., сваго̀, знели (=сняли; д. Збочна). [1]).

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Романовъ говоритъ объ могилевскихъ говорахъ, по его названіямъ — восточному и южному, что они выходятъ въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-жа Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у.—чистый бѣлорусскій: сильное аканье, частое *я* вм. *е*: вяне́цъ, мяне́, пастойця, рядомъ съ *ц*: на парози, *дз* и *ц*, формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. на *е* и *ець*: вядзе́ и вядзе́ць (даже: уку́ся), 3 л. мн. на *юць* вм. *яць*: хвалюць. Что до *р*, то этотъ звукъ или всегда, или часто звучитъ твердо: бяро̀за [2]). Въ текстахъ изъ с. Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): цяперь, прясци, трясци, стрялцы, ф. вин. ед. шалковаю, 3 л. ед. на *е*. (ходзя) [3]).

Говоръ Новгородсѣверскаго у. (с. Юриновка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится «въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею»), съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: падай, вадица, барада̀, паласка̀ть, но иногда, повидимому, *о* безъ ударенія сохраняется; *я* изъ *е* вполнѣ обычно: тябѐ, вялѐў, слухайтя, пытайця; *дз* и *ц* рядомъ съ мягкими *д* и *т*: людзи и вадица, даець и кричыть; *р* то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое; формы 3 л. ед. на *е* и на *ець*. Рядомъ спорадически малоруссизмы: мый (=мой, при мой), ри́дный при ро̀дный), силь (=соль), дрыбный, матюнка, пудъ носомъ, пудъ ребро; ходыли, обсады (повелит.), выдно, систы (при плывиця, вадица и т. п.), яй (=её, род.), дивочка, мисяцъ, хлибъ (при звездочка). Сверхъ того: формы им.-вин. средн. р. на *э*, *эе*: пра̀вэ, тэе сельцо, дат. маймў, 3 л. ед. ёсть и

---

[1]) Тамъ же. Нѣсколько текстовъ (изъ дер. Збочны) въ Сборникѣ памятниковъ нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, №№ 1 слѣд., 217. Тексты въ Зап. Ак. Н., т. 30. Языкъ текста изъ д. Заполья (Шейнъ, № 564) возбуждаетъ сомнѣнія.

[2]) Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 495 сл.

[3]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит. 1872 г., кн. 2-я.

ё, *буд*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *се*: оказали*се*, мѣстоименіе *що* и *шо* (=что). Относительно произношенія согласныхъ передъ *е*, какъ часто они звучатъ твердо, по-малорусски, какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дя*т*ёначки, *с*ё, *ў*сё и т. п., по-бѣлорусски) [1]).

А. Соболевскій.

---

1) Черниговъ. Губ. Вѣдомости 1854 г. № 15, 1855 г. № 19 слѣд.

О побратимствѣ и посестримствѣ.

(Очеркъ изъ обычнаго права Болгаръ).

Понятіе о побратимствѣ и церковный «чинъ братотворенія».—Виды побратимства.—Формы заключенія побратимства у Болгаръ.—Посестримство и формы его заключенія.—Отношенія побратимовъ: права и обязанности.—Характеръ родства между побратимами.—Заключеніе.

Побратимство одинъ изъ самыхъ древнихъ институтовъ семейнаго права Болгаръ. Слѣды его можно встрѣтить на протяженіи всего Балканскаго полуострова, гдѣ живутъ Болгары. Нѣтъ уголка, гдѣ не знали бы о побратимствѣ, хотя бы въ формѣ переживанія, въ формѣ какого нибудь обряда или остатка.

Цѣль настоящаго очерка ограничена изложеніемъ собранныхъ мною и другими собирателями данныхъ по этому столь любопытному институту [1]). Я не намѣренъ дать здѣсь сравнительнаго очерка этого института по отношенію къ подобнымъ же даннымъ, собраннымъ въ Сербіи, Кроаціи, Черногоріи и пр. южно-славянскихъ странахъ. Въ виду недостаточности собраннаго до сихъ поръ матеріала, мнѣ кажется нѣсколько рискованнымъ дѣлать обобщенія и возводить, напр. побратимство въ общій типъ, видъ котораго для нѣкоторыхъ изслѣдователей древняго быта южныхъ славянъ составляетъ сербская «слава». Я ограничусь изложеніемъ однихъ только фактическихъ данныхъ. Масса ихъ, такихъ данныхъ, можетъ послужить впослѣдствіи къ разъясненію какъ бытоваго значенія, такъ и юридической важности этого обычая.

---

[1]) Въ 1883 году мною выработана и издана программа о собираніи и изученіи юридическихъ обычаевъ Болгаръ (Пловдивъ, 1883). Эта брошура была помѣщена предварительно въ журналѣ «Наука», издающемся въ Пловдивѣ, и разослана многимъ народнымъ учителямъ и священникамъ. Отвѣты я получилъ изъ многихъ пунктовъ Болгаріи и нѣкоторые появились въ томъ же журналѣ «Наука» (См. «Правни обичаи въ Хасковско», записанные священникомъ Кожухаровымъ, №№ II, III, IV и V 1883—1884 гг.). Въ послѣднее время я успѣлъ приготовить изъ собраннаго мною матеріала Сборникъ юридическихъ обычаевъ Болгаръ (Часть I. Семейное право), къ печатанію котораго уже и приступлено.

I.

Побратимство (по болгарски и по сербски побратимство; хорватски— pobratimstvo; по турецки ахретлыкъ) одна изъ степеней духовнаго родства [1]). Это своего рода выборъ какъ бы настоящаго брата. Встрѣчаются и теперь случаи, когда побратимы питаютъ другъ къ другу привязанность болѣе сильную, чѣмъ къ естественнымъ родственникамъ. Не могутъ быть побратимами близкіе родственники. Такого случая не замѣчено по крайней-мѣрѣ въ цѣломъ хасковскомъ округѣ (Южная Болгарія), гдѣ побратимство еще такъ развито, что нѣтъ поселянина не имѣющаго хотя бы одного «побратимца», «ахретлика» или «аратлика», какъ говорятъ обыкновенно въ Хасково.

Хотя этотъ любопытный обычай и находится въ періодѣ своего вымиранія и его остатки въ настоящее время все болѣе и болѣе исчезаютъ, онъ не есть характеристическое преимущество сербской народности, какъ нѣкоторые это утверждаютъ. Напротивъ, онъ очень распространенъ и до настоящаго времени у Болгаръ, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующихъ свѣдѣній.

Съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій [2]), институтъ побратимства утратилъ въ многихъ отношеніяхъ свою первоначальную силу, значеніе и при этомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Въ старину побратимство заключалось непремѣнно въ стѣнахъ самой церкви и для этого совершалась сложная процедура, описанная въ нѣкоторыхъ старинныхъ церковныхъ требникахъ; два такихъ требника я разсматривалъ въ областной библіотекѣ Восточной Румеліи, въ Филиппополѣ. Чинъ братотворенія, содержащійся въ болгарскихъ требникахъ, во всемъ почти похожъ на тотъ же чинъ братотворенія, который описанъ М. Миличевичемъ въ сербскомъ Глас-

---

[1]) Богишичъ, Sbornik sadašnijeh pravnih običaja u Južnih Slovena (Сборникъ современныхъ юридическихъ обычаевъ у южныхъ Славянъ). Аграмъ 1874, стр. 206, 385—389;—Его же Pravni običaja u Slovena. Zagreb (Аграмъ) 1867, стр. 16—154;—Демеличъ, Обычное право южныхъ славянъ (по изслѣдованіямъ D-га Богишича), переводъ съ франц. Гецевича, Москва, 1876. См. стр. 120;—Моя статья: «Матеріали за българското обичайно право», журналъ «Наука», № 1, за 1883 г.

[2]) Изъ этихъ неблагопріятныхъ условій укажу на слѣдующія два: 1) первобытные нравы замѣнились другими, и къ старинѣ стали относиться уже не съ прежнимъ уваженіемъ; 2) греческіе митрополиты и вообще греческое духовенство въ Болгаріи запрещали, между другими обычаями старины, и обычай побратимства, мотивируя свои поступки, между прочимъ, тѣмъ, что это будто языческіе и противухристіанскіе обычаи. Впрочемъ «побратимство» было запрещаемо и нѣкоторыми установленіями греческой церкви. См. словарь: Du Cange, слово: ἀδελφοποίησις (аделфопіисисъ, т. е. побратимство).

никѣ [1]). Г. Миличевичъ нашелъ этотъ «чинъ» въ сербскомъ «требникѣ», хранящемся въ Бѣлградѣ, въ Сербскомъ Ученомъ Дружествѣ (обществѣ).

По этимъ требникамъ обрядъ, освящающій побратимство, состоитъ въ слѣдующемъ:

Желающіе заключить побратимство отправляются въ церковь, становятся передъ олтаремъ, старшій справа, священникъ даетъ имъ по восковой свѣчѣ и въ правую руку Св. Евангеліе, въ лѣвую крестъ. Затѣмъ священникъ читаетъ: Св. Боже, тропарь дня; на эктеніи, между прочимъ, провозглашаетъ: «о совокупляющихся въ любовь нелицемѣрную, Господу помолимся; и соблюсти братство независти, Господу помолимся». Вслѣдъ за этимъ читаетъ двѣ молитвы; одна изъ нихъ гласитъ [2]):

Господи Боже нашь иже вьса къ спасенію намъ дарува любити дроугъ дроуга и пращати дроугъ дроугоу прѣгрѣшеніа, самъ чловѣколюбче господи и благолюбче, и раби твоіе сіее, иже доуховную либовию себѣ вьзлюбльших въ храмь твои сьи освятитисе и благословитисе; даруи имъ вѣроу не постидноу, любовь нелицемѣрноу, якоже дарова святымъ своимъ оученикомь и апостоломь твои мирь и твою любовь и сию симь подаждь Христе Боже нашь; дароуимь вьса яже къ спасенію прошеніа и животь вѣчніи; ти бо іеси свѣть истынни, и тебѣ славоу вьзсиламо отцоу и синоу и свѣтомоу доухоу.

Во второй молитвѣ говорится о соединяющихся побратимствомъ, да будутъ братьями по духовной вѣрѣ, какъ славные ученики и апостолы Христовы Петръ и Павелъ, Филиппъ и Вароломей и какъ святые мученики Сергій и Вакха. Засимъ священникъ, обмѣнивши крестъ и свѣчи въ рукахъ побратимовъ, читаетъ апостолъ: къ Коринѳяномъ: Братіе, внемлите тѣло Христово,—Евангеліе же отъ Іоанна: «во врѣме оно возведе Іесусъ очи свои на небо и рече: яко же ти ми посла въ миръ, и азъ послахъ въ миръ» и пр. Заключающіе побратимство цѣлуютъ Евангеліе и обнимаютъ другъ друга передъ всѣмъ народомъ. Обрядъ кончается причащеніемъ св. Таинъ.

Въ новыхъ требникахъ, печатанныхъ въ Россіи и въ Константинополѣ, этотъ чинъ исключенъ и не встрѣчается. Совершается же онъ въ настоящее

[1]) Гласник Сорп. Учен. Дружества за 1867 г., кн. V, стр. 85—90, въ статьѣ Живот Срба Сельака отъ М. Миличевича.—Еще Богишичъ въ первомъ своемъ сочиненіи «Юридическіе обычаи Славянъ» (по хорватски) 1867 г., напечаталъ текстъ молитвъ, которыя читались по случаю заключенія побратимства. Мы приводимъ ниже эту молитву, имѣющую существенное значеніе при совершеніи церковнаго обряда братотворенія.

[2]) Богишичъ, Pravni običaja u Slovena, стр. 150—151. Эта молитва заимствована авторомъ изъ молитвенника, изданнаго въ Венеціи въ 1538—1540 году извѣстнымъ воеводой Божидаромъ Вуковичомъ. Въ приведенныхъ молитвахъ мы сохранили правописаніе текстовъ.

время очень рѣдко. По моимъ свѣдѣніямъ, въ Рыльскій монастырь [1]) и до сихъ поръ отправляются нѣкоторые Болгары, преимущественно же Куцо-валахи или Цинцари для совершенія церковнаго обряда братотворенія [2]). Очевидцы мнѣ разсказывали, что при этомъ совершалась очень торжественная церемонія и что въ монастырѣ сами духовныя лица, совершающія обрядъ, приступаютъ къ нему съ большимъ благоговѣніемъ. Во время совершенія обряда братотворенія побратимовъ связывали кушакомъ.

Таковы подробности церковнаго обряда.—Перейдемъ теперь къ обычаямъ самого народа.

II.

У Болгаръ слово «побратимъ» въ настоящее время пріобрѣло самое широкое значеніе и употребленіе. Въ разговорѣ и пѣсняхъ это слово означаетъ то другъ, пріятель, то господинъ, то, наконецъ, близкій родственникъ, т. е. настоящій побратимъ [3]). Въ пѣсняхъ, собранныхъ В. Каченовскимъ въ Западной Болгаріи, встрѣчается такая «благословка» (благословеніе) надъ «повясмо» (связка конопли, приготовленная для пряжи): «да се носи по кумство и по-

---

[1]) Рыльскій монастырь, что въ Рыльскомъ Балканѣ, самый старинный изъ болгарскихъ монастырей. Годъ основанія его неизвѣстенъ. Щедро былъ онъ одаренъ болгарскими королями Асѣномъ, Шишманомъ и пр. Монастырь и до сихъ поръ представляетъ великолѣпное строеніе. Въ этой обители, во все время болгарскаго порабощенія, тлѣла искра патріотизма, и болгарскій языкъ, преслѣдуемый фанаріотскимъ духовенствомъ, находилъ здѣсь сильную нравственную поддержку. Изъ Рыльскаго монастыря вышли нѣкоторые изъ первыхъ болгарскихъ просвѣтителей новаго времени, напр.: Неофитъ Бозвели, монахъ, первый дѣятель по болгарскому церковному вопросу, и др. Описаніе Рыльскаго монастыря см. у Barth'a, Hochstetter'a, Mackenzie-Irby.

[2]) Куцо-валахи, или Цинцары—одноплеменные съ Румынами. Они проживаютъ по разнымъ угламъ Балканскаго полуострова и занимаются преимущественно скотоводствомъ и пастушествомъ. Компактными массами они живутъ вдоль Пинда, во Ѳракіи и въ западной Македоніи. Статистика Куцо-валаховъ очень противорѣчивая. Румынскіе патріотическіе писатели и путешественники (Болентиніано и пр.) считаютъ всѣхъ Куцо-валаховъ въ Македоніи, Албаніи и Ѳессаліи въ 1,200,000 душъ. Греческіе этнографы, отрицающіе румынское, вѣрнѣе—латинское, происхожденіе Куцо-валаховъ, считаютъ ихъ всѣхъ до 15—20,000 (см. корреспонденція изъ Корча, или Корицы въ Неологосѣ, январь за 1888 годъ). Скорѣе можно принять счисленіе Убичини, который утверждаетъ, что число Куцо-валаховъ не превышаетъ 200,000, включая сюда и добруджанскихъ. У этихъ Куцо-валаховъ обычаи почти славянскіе. (См. мои: Письма о Македоніи и Македонскомъ вопросѣ, «Варшав. Дневникъ» за 1888 г. №№ 146, 148, 172, 193, 194, 195, 198, 206, 212, 217 и 219).

[3]) Періодическо Списаніе на Бълг. Книж. Дружество въ Срѣдецъ (София), за 1882 г. кн. I.—Въ разговорѣ слово «побратимъ» часто употребляется вмѣсто байно, бате (т. е. «большакъ» или старшій братъ), слова, съ которыми обращаются къ незнакомымъ изъ уваженія (какъ напр. у русскихъ—батюшка).

братимство» (т. е. дасть Богъ, чтобъ его носили во время совершенія обрядовъ кумовства и побратимства) [1]).

Побратимство можетъ быть между мужчинами, между мужчинами съ одной стороны и женщинами или дѣвушками съ другой, а то и только между дѣвушками.

Побратимство у Болгаръ заключается случайно и намѣренно.

Побратимство заключается случайно, когда дѣти крещены одною и той же водою въ одной купели [2]). Если такимъ образомъ крещеныя—дѣвочки, онѣ дѣлаются посестримами. Поэтому, въ Хисарскомъ уѣздѣ наблюдають, чтобы дѣвочку не крестили одной водой и въ одной купели съ мальчикомъ. Можетъ быть, случится имъ сочетаться бракомъ, а это грѣшно и незаконно [3]).

Тоже нѣсколько случайно заключается побратимство, когда оно вызвано какимъ нибудь благодѣяніемъ одного изъ заключающихъ его другому. Въ такомъ случаѣ облагодѣтельствованная сторона должна относиться съ особенно большимъ уваженіемъ къ такому побратиму, занимающему положеніе втораго отца.

Случайно заключается побратимство еще, когда обязанности (при свадьбѣ) «деверя» (шафера) и золовки исполняются посторонними, неродственными лицами. Въ такомъ случаѣ деверь обращается къ золовкѣ съ названіемъ «посестримы»; она же называетъ деверя «побратимомъ» [4]).

Но настоящее побратимство заключается намѣренно, послѣ предварительнаго и взаимнаго обсужденія и соглашенія соединяющихся побратимствомъ.

Такое намѣренное побратимство заключается въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ церкви, посредствомъ совершенія чина братотворенія, при самой торжественной обстановкѣ; 2) дома, посредствомъ взаимнаго кровопусканія и лизанія крови; 3) посредствомъ благословенія и угощенія; и наконецъ 4) посредствомъ взаимной клятвы и угощенія.

III.

1. Мы объяснили, какъ заключалось побратимство въ церкви посредствомъ совершенія чина братотворенія. Излишне повторять еще разъ уже сказанное. Прибавимъ только, что эта форма во всѣхъ ея подробностяхъ сохранилась и исполняется по нынѣ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ въ вышеупомянутомъ

---

1) Каченовскій, «Памятники Болгарскаго народнаго творчества» пѣснь 25-я.

2) «Наука», моя статья, стр. 32.

3) «Наука», тамъ же, стр. 33.

4) Наука за 1883 г., моя: Сбирка на бълг. правни обичаи, кн. II, III, IV и V (Правни обичаи въ Хасковско, собранные свящ. Кожухаровымъ);—Читалище, болг. журналъ, издаваемый въ Константинополѣ, I годъ, стр. 650.

Рыльскомъ монастырѣ, такъ и въ другихъ чистоболгарскихъ обителяхъ. Сверхъ того нѣкоторыя подробности этого обряда оставили глубокіе слѣды въ другихъ формахъ заключенія побратимства, какъ увидимъ ниже.

2. Побратимство заключается посредствомъ взаимнаго кровопусканія и лизанія крови слѣдующимъ образомъ:

Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ [1]) желающіе заключить побратимство, обыкновенно друзья, полюбившіе другъ друга товарищи и желавшіе еще болѣе сблизиться и сродниться. Вотъ почему они предварительно заявляютъ объ этомъ родственникамъ и сосѣдямъ, назначаютъ день обряда, приглашаютъ множество знакомыхъ на самый обрядъ побратимства, устроивши при этомъ угощеніе у одного изъ двухъ друзей. Обрядъ начинается тѣмъ, что заключающіе побратимство, въ присутствіи всѣхъ собранныхъ гостей свидѣтелей, ножемъ порѣзываютъ себѣ большой палецъ правой руки и лижутъ одинъ у другого кровь. Сверхъ того, опоясываются однимъ кушакомъ, какъ это дѣлается и въ Рыльскомъ монастырѣ при совершеніи обряда въ церкви. Вслѣдъ за этимъ всѣ присутствующіе поздравляютъ побратимовъ и приступаютъ къ угощенію. Съ этого момента между заключившими побратимство порождается родство. Въ старину оба побратима считались какъ бы настоящими братьями. Въ настоящее время, въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ, этотъ обычай, въ особенности кровопусканіе, благодаря настоятельному требованію духовенства, запрещенъ и ограничивается однимъ угощеніемъ и заявленіемъ заключающихъ побратимство, что они побратимы. Присутствующіе дарятъ чѣмъ нибудь побратимовъ, которые тоже обмѣниваются подарками. Угощеніе приглашеннымъ даетъ обыкновенно младшій изъ побратимовъ.

Въ Хасковскомъ округѣ (Южная Болгарія) обрядъ побратимства совершается и до сихъ поръ при самой торжественной обстановкѣ. Тамъ побратимство очень распространено, и нѣтъ селянина не имѣющаго побратима или ахретлика [2]). Побратимы выбираютъ другъ друга еще будучи холостыми «момками» (парнями), между прочимъ, съ цѣлью помогать другъ другу при посѣщеніи сѣдѣнокъ (посидѣлокъ) и попрѣлокъ, гдѣ момки (парни) выбираютъ себѣ невѣстъ. День, въ который можно заключать побратимство, опредѣ-

---

[1]) Ахи-Челебійскій уѣздъ обнимаетъ села и мѣстечки вдоль верхняго теченія р. Арды, на южныхъ склонахъ Доспатскаго Балкана. Главныя мѣстечки этого уѣзда, гдѣ были собраны юридическіе обычаи—Райково, Пятково, Арда. Свѣдѣнія доставлены мнѣ стенографомъ Болгарскаго Народнаго Собранія г. Константиновымъ и нигдѣ не были опубликованы до сихъ поръ.

[2]) Ахретликъ, турецкое названіе побратима, означаетъ—другъ по второму пришествію. Это названіе употребляется Болгарами и встрѣчается въ пѣсняхъ въ такихъ уѣздахъ, гдѣ Болгары жили или живутъ и по сихъ поръ совмѣстно съ Турками, съ которыми также можно было заключать побратимство.

лёнъ преданіями и обычаями: это день св. Іоанна Крестителя. Желающіе заключить побратимство приготовляютъ каждый для себя «китки» (букетъ) изъ вѣчно-зеленаго «чемшира» (родъ ели), символъ постоянства, прикалываютъ на этой киткѣ обвязанную красною ниткою «желтицу» (червонецъ—золотую монету) или старую «бабку» (монету изъ чистаго серебра). Красная нитка символъ той любви и привязанности, которыми должны быть проникнуты побратимы. Послѣ обмѣна букетами, въ присутствіи приглашенныхъ гостей, начинается процессъ кровопусканія и лизанія крови другъ у друга. Это означаетъ, что кровь побратимовъ соединяется, и они съ этого момента дѣлаются кровными родственниками. Затѣмъ они, побратимы, приближаются къ очагу и полагаютъ на немъ ноги, въ знакъ того, что готовы броситься въ огонь одинъ для другого. Въ это время начинается угощеніе собранныхъ гостей. Между тѣмъ, побратимы обнимаютъ другъ друга, цѣлуютъ руки, опять обмѣниваются «китками» и пьютъ виноградное вино изъ одной баклицы (фляжки), благословляя другъ друга. Сверхъ того, они обмѣниваются рубашками, платками и пр. Въ этотъ день побратимы дѣлаютъ визиты нѣкоторымъ родственникамъ и друзьямъ; къ вечеру же происходятъ хороводы подъ звуки «гайды» (волынки).

Въ слѣдующемъ году, въ тотъ же день св. Іоанна, дѣлается поврьщанье, т. е. возвращеніе, состоящее въ томъ, что угощеніе и веселіе происходитъ въ домѣ старшаго изъ побратимовъ, который былъ гостемъ въ прошедшемъ году. Къ угощенію приглашаются родственники и знакомые, присутствовавшіе на самомъ обрядѣ заключенія побратимства. За столъ садятся всѣ вмѣстѣ и ѣдятъ изъ одного блюда. Молодые обыкновенно прислуживаютъ.

3. Какъ заключается побратимство посредствомъ благословенія и молитвы, мнѣ разсказано учителемъ народныхъ училищъ въ Старо-Загорскомъ округѣ г. Руссескимъ. Г. Руссескій самъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ подобнаго обряда въ с. Кара-Хасанъ и другихъ деревняхъ Старо-Загорскаго округа.

Обрядъ совершался наканунѣ св. Іоанна Крестителя. Заключавшіе побратимство приготовили китки изъ «босиляка» (василька) и другихъ живыхъ цвѣтовъ, прикрѣпили къ этимъ букетамъ тоже чистаго серебра или золота монеты и привязали ихъ къ правому уху. Вслѣдъ за этимъ приглашенные гости сѣли за обѣденный столъ. Прежде чѣмъ приступить къ угощенію, происходитъ собственный обрядъ благословенія и освященія побратимства. Священникъ обращается къ братающимся съ словомъ, которое побратимы стоя другъ возлѣ друга, слушаютъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

«Молодые люди!—начинаетъ священникъ:—вы задумали благое дѣло заключить побратимство. Но вы молоды и неопытны, такъ вотъ почему вамъ

слѣдуетъ, прежде чѣмъ благословить вашъ союзъ, объяснить, что такое побратимство. О побратимствѣ не написано ничего въ законахъ; за то о побратимствѣ знаетъ наша мать церковь да православный людъ. Мы всѣ братья въ христіанской вѣрѣ и любви; однако это простое братство. Что же до настоящаго побратимства, оно можетъ заключаться только наканунѣ Иванова дня. Это потому, что хотя и св. Иванъ отнѣкивался крестить Господа нашего Іисуса Христа, наконецъ онъ крестилъ его и такъ сдѣлались они побратимами, какими и вы теперь хотите быть. Съ тѣхъ именно поръ появилось на свѣтѣ побратимство. Обратите теперь вниманіе на мои слова: начиная съ этого момента моего благословенія, вы дѣлаетесь настоящими братьями, между вами не должны происходить никакіе ссоры, ни раздоры, другъ друга искренно любите и другъ другу помогайте. Когда настанетъ время, понятно, вы женитесь и оба, если Богу угодно; однако не забывайте, что дѣти одного не могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми другого, ибо они находятся въ самомъ близкомъ родствѣ».

Засимъ священникъ нашелъ въ какомъ-то старинномъ требникѣ обрядъ братотворенія и объяснилъ побратимамъ, что они «братья духовные». Наконецъ священникъ прочелъ особую на этотъ случай молитву, поднесъ имъ для цѣлованія свою руку, предложилъ имъ цѣловать руку у присутствующихъ старцевъ и заставилъ ихъ обнять другъ друга, обмѣниваясь букетами и подарками и говоря: земи, побратиме, отъ мене (т. е. возьми отъ меня, побратимъ!).

Послѣ этого всѣ присутствующіе поздравляютъ съ побратимствомъ новыхъ родственниковъ. Церемонія оканчивается угощеніемъ. Побратимы обязаны дѣлать другъ другу визиты въ праздничные дни и давать угощенія.

4. Форма заключенія побратимства одною клятвою обоихъ братающихся употребляется въ Лѣсковцѣ (Тырновскій округъ). Она написана у Богишича [1]). Клятву о вѣрномъ побратимствѣ дѣлаютъ побратимы передъ иконой; затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно угощеніе.

Мнѣ разсказывали, что побратимство можетъ быть заключаемо и между Турками и Болгарами; но мнѣ не удалось узнать, какія формы употребляются при подобныхъ случаяхъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ также есть указанія о побратимствѣ между Болгарами и Турками Арнаутами [2]). Демеличъ утверждаетъ, что «подобныя побратимства заключаются между христіанами и магометанами; но въ этомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, церемонія заключается только въ

---

[1]) Богишичъ, Sbornik etc., стр. 385 — 389. Сообщеніе это сдѣлано южно-славянскому ученому В. Оджаковымъ, бывшимъ генеральнымъ прокуроромъ Верховнаго Суда въ княжествѣ Болгаріи.

[2]) Верковичъ, Народне песме македонски бугара, пѣснь 53.

троекратномъ объятіи и угощеніи» [1]); Богишичъ утверждаетъ, что Черногорцы заключаютъ побратимство съ Турками и что оно совершается только взаимнымъ цѣлованіемъ и обмѣномъ подаркомъ. Извѣстный славистъ В. Макушевъ говоритъ: «побратимство заключается не только между единовѣрцами и единоплеменниками, но и между людьми, принадлежашими къ различнымъ народностямъ и исповѣдующимъ различную вѣру. Въ Черногоріи былъ особый обрядъ для побратимства христіанина съ Туркомъ: тотъ и другой разрѣзывали слегка палецъ и клали его въ ротъ» [2]).

Вышеописанныя нами формы заключенія побратимства не встрѣчаются постоянно и неизмѣнно въ чистомъ видѣ, а обыкновенно наблюдаются съ извѣстными отступленіями въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Считаемъ однако излишнымъ описывать другія смѣшанныя формы.

IV.

Въ началѣ настоящаго очерка было сказано, что побратимство заключается не только между мужчинами, но и между мужчинами и женщинами (дѣвушками или замужними—все равно), какъ и между однѣми женщинами. Въ послѣднемъ случаѣ побратимство принимаетъ названіе «посестримство» и заключившія его называются «посестримами».

Слово «посестрима» употребляется очень часто въ смыслѣ подруги, дружки. Оно встрѣчается въ разговорномъ языкѣ, какъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ. Такъ напр. въ пѣснѣ о змѣѣ, полюбившемъ дѣвицу Саракину, первый говоритъ:

Саракино, малка моме,
Саракино посестримо,
Тукъ ма лажишь, не ма земвашь
Сега има три години
Три годнни на четыри и пр. [3])

т. е., о ты, молодая дѣвушка Саракино, посестрима или подруга моя, все обманываешь ты меня вотъ уже три года, скоро четвертый пойдетъ, и меня не возьмешь.

Вообще посестримство заключается при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и побратимство. Довольно часто жены побратимовъ заключаютъ между собою посестримство. Нерѣдки и случаи побратимства, заключаемые между парнемъ и дѣвушкой, между парнемъ и замужней женщиной, между женатымъ мужчиной и дѣвушкой. Есть примѣры въ народныхъ пѣсняхъ, что люди

[1]) Демоличъ, loc. cit. стр. 122.
[2]) Макушевъ, Задунайскіе и Адріатическіе Славяне, стр 25.
[3]) Раковскій, Горскы пѫтникъ, стр. 87.

заключаютъ побратимство и посестримство и съ «вилами», или русалками. Такъ у Марко Кралевича было «деветдесятъ посестримъ вилъ» (т. е. девяносто).

Формы заключенія посестримства такія же, какъ и для побратимства. Тѣ же обряды, тѣ же отдариванія, тѣ же угощенія, благословенія, обѣщанія, клятвы и пр. Любопытно обстоятельство, что посестримами могутъ быть Болгарки Туркамъ и Арнаутамъ. О побратимствѣ Арнаутовъ упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ.

Въ одной пѣснѣ у Верковича разсказывается, какъ «Тоцка» (Албанецъ изъ Тосокъ) поднялъ вооруженное преслѣдованіе противъ своего врага Хюсеинъ—«гега», который выбралъ было въ свои посестримы Кючюджюкъ Митру [1]). У Хюсеинъ-геги 300 «сейменъ» (товарищей пандуръ), которые нѣсколько дней гостили у Митры, и когда нужно было имъ удалиться, Хюсеинъ-гега говоритъ Митрѣ:

Халалъ да чинишь, Кючюджюкъ Митрю,
Що те задива сосъ триста души сеймене.
—Халалъ некъ ти е Хюсеинъ-гега
Мои побратимъ!
Що ми задива сосъ триста души сеймене,
Ти на доходишь по мирна земя,
Меня да хвалишь.

т. е., пожалуй мнѣ отъ души, маленькая Митро, и не взискай за всѣ хлопоты, которые я тебѣ надѣлалъ съ тремя стами сейменами.—Я тебѣ жалую Хусеинъ-гега, мой побратимъ, за хлототы, которыя ты мнѣ дѣлалъ съ этими 300 Арнаутами; иди же ты по мирной землѣ и меня хвали“.

Дальше Арнаутъ гега-Хюсеинъ проситъ, чтобы Митра ему также отъ души пожаловала тоненькую рубашку, которую она сама работала въ продолженіе полтора года, а шила три года бѣлой шелковой нитью.

По смыслу пѣсни побратимство было заключено случайно, какъ это существуетъ въ обычаяхъ у южныхъ славянъ. Эта тоненькая рубашка была подаркомъ по случай «братотворенія». Хюсеинъ-гега со своей стороны подарилъ Кючюджюкъ Митрѣ нѣсколько червонцевъ на ожерелье на бѣлую шею и «сырмалы куланъ» (выработанный серебромъ кушакъ) [2]).

---

[1]) Народне песме македонски бугара 1860 стр. 163. Какъ извѣстно, Албанцы, или Арнауты дѣлятся на два главныхъ племени: Тоски-южные Албанцы и Геги—сѣверные. Они страшно ненавидятъ другъ друга.

[2]) О побратимствѣ у Албанцевъ см. Шопенъ и Убичини, стр. 143. Нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ и Ami Boué (la Turquie, II).

V.

Изъ сопоставленія приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ можно придти къ заключенію, что побратимство союзъ любви и духовнаго родства.

Первая обязанность побратимовъ помогать другъ другу въ нуждѣ и несчастіи. Въ одной пѣснѣ, записанной въ Софійскомъ округѣ [1]), встрѣчается слѣдующее:

От̀ъ Цàря е абéръ дошлò
Да йдатъ млади войници.
Си те си войници найдоа,
Кой братецъ, кой побратимче;
Стари банъ си войникъ немаше,
Онъ си у дома отиде
Та па си седна да плаче и пр.

т. е., отъ Царя получено извѣстіе, чтобы собрались молодые солдаты; каждый нашелъ для себя солдата, кто брата а кто побратимца; старый банъ только не нашелъ, и вотъ онъ пошелъ домой и, сѣвши, началъ плакать.

Побратимы должны дѣлать другъ другу визиты въ праздничные дни. Въ особенности, если побратимство заключено вслѣдствіе какой либо услуги или благодѣянія, одолженная сторона ко дню Пасхи и другихъ большихъ праздниковъ посылаетъ побратиму колачи и другіе подарки [2]).

Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ младшій побратимъ долженъ непремѣнно три раза въ годъ дѣлать то, что на мѣстномъ нарѣчіи называютъ «спрѣдавокъ», т. е. долженъ являться къ старшему съ приношеніемъ въ дни Пасхи, Рождества Христова и Пресвятыя Богородицы. Приношеніе состоитъ изъ двухъ хлѣбовъ, «чотуры» (фляжки) виноградняго вина и кушанья. Этотъ обычай однако понемногу исчезаетъ, какъ вообще всѣ бытовые обычаи и преданія простаго народа.

Въ этомъ же уѣздѣ по смерти одного изъ побратимовъ оставшійся въ живыхъ носитъ по немъ трауръ, какъ по настоящемъ братѣ.

Относительно вопроса, какое именно родство происходитъ между заключившими побратимство, я собралъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія. Большой знатокъ болгарскаго народнаго быта, одинъ изъ самыхъ видныхъ болгарскихъ писателей П. Р. Славейковъ утверждаетъ и очень справедливо, что «побратимство у насъ не что иное, какъ степень родства, которое въ старину, да еще и по настоящее время заключается съ особой религіозной церемоніей.

---

[1]) Богишичъ, loc. cit.
[2]) Периодическо Списание, 1882 г., кн. I, 144—119.

Сверхъ того побратимомъ мужа бываетъ тотъ, кто былъ шаферомъ жены [1])». Но ни г. Славейковъ, ни кто другой не изслѣдовали, какой степени родство существуетъ между побратимами!

Какъ мы видѣли изъ словъ священника, благословляющаго заключеніе побратимства въ Старо-Загорскомъ округѣ, не только побратимъ и посестрима не могутъ жениться, но ихъ дѣтямъ тоже воспрещается это. То же самое соблюдается въ Хасковскомъ округѣ и въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ.

Но этотъ взглядъ на характеръ родства побратимовъ не вездѣ одинаковъ, гдѣ знакомъ институтъ побратимства. Въ Татаръ-Базарджикскомъ округѣ, по свидѣтельству Ст. Захарьева, изъ побратимства не происходитъ никакого родства [2]). Также и въ Еленскомъ уѣздѣ, на сѣверномъ склонѣ Балканъ. Но нужно замѣтить, что въ этихъ мѣстностяхъ при заключеніи побратимства религіозный элементъ не играетъ никакой роли.

Въ заключеніе, сопоставляя всѣ имѣющіяся подъ рукой данныя о побратимствѣ, я могу сказать, что побратимство, заключаемое при вмѣшательствѣ религіознаго элемента (совершеніе чина братотворенія, чтеніе молитвъ, крещеніе одною водой и пр.), порождаетъ дѣйствительное родство, равняющееся, по степени, родству двоюродныхъ братьевъ. Побратимство же, заключаемое безъ этого вмѣшательства, какъ это происходитъ въ Т.-Базарджикскомъ округѣ и въ Еленскомъ уѣздѣ и пр., никакого родства не порождаетъ, и составляетъ только свято-хранимую и пожизненную дружбу.

С. Бобчевъ.

---

[1]) Читалище, журналъ, издаваемый въ Константинополѣ, I годъ (1871), кн. I, стр. 650.
[2]) Богишичъ, Sbornik, loc. cit.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

XX.

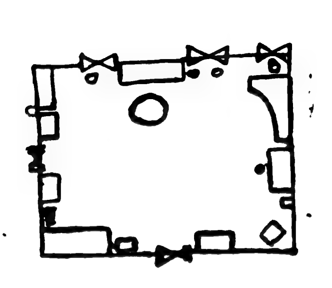
№ 8. Прага. Марта 13. 1840. / нов. стиля.

На прошлой недѣлѣ послалъ я письмо къ Вельтману въ Москву и въ немъ письмо къ Вамъ, милая Маменька. Не знаю, какъ скоро Вы получите его; а потому и поспѣшилъ писать къ Ивану Петровичу съ тѣмъ, что-бы написать хоть нѣсколько строчекъ и къ Вамъ. Знаю, какъ [бы] Вы беспокоились обо мнѣ, если-бы долго не получали писемъ отъ меня,—знаю по себѣ...

Да, милая Маменька, по себѣ. Не смѣю укорять Васъ; а право не могу не пожаловаться Вамъ на самихъ Васъ. Какъ-же? До сихъ поръ я имѣю отъ Васъ за границей одно письмо. Вотъ ужь скоро мѣсяцъ живу въ Прагѣ, и только одно. Вѣдь это право горько. Хоть въ Прагѣ-бы мнѣ получать отъ Васъ письма чаще. И наказывать меня молчаніемъ покамѣстъ еще, кажется, не за что: пишу акуратно—дурно пишу; но ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, а пишу кажется довольно часто. Ради Бога, душенька Маменька, пишите, пишите. Платить за письма мнѣ приходится не много, не разорюсь, а если-бы и не хватало денегъ, то я лучше откажу себѣ въ какомъ-нибудь другомъ удовольствіи. Какъ мнѣ ни хорошо въ Прагѣ, все не дома, и подъ часъ бываетъ такъ грустно, что не знаю, куда дѣваться. Да и добрые мои пріятели, Метлинскій, Рославскій, Костомаровъ, Лукіановичъ—хороши пріятели! И отъ нихъ заграницей не получалъ еще ни буквы. Пожалуйста скажите имъ, что я еще существую на семъ свѣтѣ, и даже имѣю память, которая знаетъ что за люди Семенъ Семеновичъ, Николай Ивановичъ, Александръ Петровичъ, Амвросій Лукіановичъ. Вотъ какіе это люди: нехорошіе; забыли меня, знать не хотятъ. Я впрочемъ все еще надѣюсь получить отъ нихъ вѣсточку о новостяхъ Харьковскихъ, о новостяхъ литературы Южно-Русской, Русской, о новостяхъ статистическихъ, и о разномъ другомъ, что мнѣ можетъ быть любопытно. Кстати: пожалуйста, Маменька, пришлите мнѣ пѣсню

«Боже, Царя храни» и кое что изъ оперы Жизнь за Царя. Иванъ Петровичъ потрудится переписать на тоненькой бумажкѣ. У меня также нѣтъ словъ «Новика»: хоть бы Амвросій Л. мнѣ переписалъ ихъ.

Ахъ, я забылъ было сказать, что въ моей комнатѣ случилось маленькое преобразованіе—по случаю... но вотъ какъ обстоитъ въ моей комнатѣ. Вы сами угадаете, по какому случаю перемѣна:

Кровать пошла въ уголъ и подлѣ нея стоитъ маленькій столикъ для свѣчки, а на мѣсто кровати сталъ флигель, и письменный столъ пошелъ къ печкѣ, потому что печка еще топится, и слѣдовательно флигелю было-бы жарко, если-бы столъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. За флигель, хорошо сдѣланный и совершенно новый я плачу въ мѣсяцъ немного болѣе 5 рублей асс. Послѣ обѣда я ходилъ прежде въ кофейню; теперь не хожу, слѣдовательно флигель у меня даромъ, да еще и въ остаткѣ нѣсколько крейцеровъ. И какъ бы вы думали, что стоитъ здѣсь такой флигель? 160 гульденовъ—менѣе 400 рублей. Флигель получше нашего.

Я очень доволенъ своей комнатой: большая, чистая, свѣтлая, очень мило меблированная, теплая, на хорошемъ мѣстѣ; и хозяева предобрые люди. Дверь къ нимъ не запирается. Выходя изъ дому, я запираю только наружную дверь. Безъ меня топятъ, безъ меня хозяйка придетъ и оправитъ что нибудь, или, если погода хороша, отворитъ окно. Дѣти не мѣшаютъ: если хотятъ со мной поиграть, то прежде высунутъ потихоньку носы въ двери, и, если я занимаюсь, затворятъ опять. Только утромъ входятъ безъ позволенія, неся со старушкой хозяйкой кофейныя снадобья, съ привѣтствіемъ: «Дóбрее йитро, Пàне! Дэйтэ ми, Пàне, гýбичку! Якъ стэ вы спаль?» (Доброе утро! Поцѣлуйте меня! Какъ вы спали?)

Желая къ Вамъ послать что нибудь изъ Чешскихъ танцевъ, я посылалъ къ Станьку за нотами. Станекъ пришелъ самъ, и принесъ между прочимъ вотъ эту Польку:

Trio

Написалъ мерзко, но на этой бумагѣ трудно лучше писать. Извините.— Полька есть тотъ же вальсъ, только очень быстрый, и тактъ какъ видите $^2/_4$. Когда играютъ, то piano играютъ очень тихо, а forte очень громко. Это составляетъ не малую прелесть для танцующихъ. Можетъ M-lle Fanny[1]) съ Марьей Андреевной[2]) попробуютъ потанцевать: руки надобно держать иначе нежели въ обыкновенномъ вальсѣ; кисть руки, и правой и лѣвой, кавалера должна быть подъ локтемъ руки дамы, а рука дамы обвиться вокругъ руки кавалера и придерживаться кистію за локоть кавалера. Кажется, ясно? Иногда танцуютъ и такъ: одну руку подпереть подъ бокъ, а другою обнять даму, какъ въ обыкновенномъ вальсѣ; дама тоже должна подбочениться. Танцовать надобно очень, очень, очень скоро.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

Вчера былъ у меня Ганка и потомъ вмѣстѣ пошли въ Виндицкую Семинарію. Сегодня отнесу письмо на почту и пойду къ Ганкѣ; а послѣ обѣда къ Станьку, гдѣ будутъ Шафарикъ, Ганка, Челяковскій[3]), Палацкій и Амерлингъ[4]). Въ воскресенье иду въ концертъ консерваторіи[5]).

XXI.

№ 9. 1840. Марта 16-е Суббота. Прага.

Приготовляясь писать къ Вамъ, милая Маменька, письмо, съ тѣмъ чтобы въ немъ поздравить Васъ съ праздникомъ Св. Хр. Воскр., я сталъ самъ не свой. Пишу—и не пишется: то мнѣ кажется, что въ этой комнатѣ на право живете Вы, душенька Маменька, и вотъ уже я хочу идти туда; то

---

[1]) Ф. С. Питра.

[2]) М. А. Аничкова, по мужу Носачева.

[3]) Францъ Ладиславъ Челяковскій (Fr. Lad. Čelakovský)—извѣстный панславистъ—сотрудникъ Коллара, поэтъ, литераторъ и филологъ. Какъ поэтъ Челяковскій получилъ извѣстность, благодаря своей книгѣ «Ohlas písní ruskych» (Отголосокъ Р. пѣсенъ.), имѣвшей громадный успѣхъ при своемъ появленіи (1829) и до сихъ пользующейся почетомъ. Другія его поэтическія произведенія: Smíšené básně, Ohlas písní českych, Ruže stolistá и др. Изъ его трудовъ слѣдуетъ указать на Slovanské národni písně, изданныя въ первые годы его лит. дѣятельности (1822—27), и обратившія на себя общее вниманіе. Челяковскій, сначала жившій корректурой и переводами, съ 1831 г. занялъ мѣсто редактора Пражскихъ Новинъ и послѣ Чешской Пчелы; въ 1842 г. достигъ профессуры и занялъ каѳедру Славянскихъ языковъ въ Бреславлѣ и Прагѣ; въ это время имъ изданы: сборникъ пословицъ, чтенія о сравнительной Слав. грамматикѣ, чтенія о начаткахъ Слав. образованности и лит. (род. 1799, ум. 1852).

[4]) Karel Amerling (род. 1807)—техникъ-теоретикъ, дѣятель по техническому образованію въ Чехіи. Былъ директоромъ Главной Чешской школы въ Прагѣ; ранѣе состоялъ ассистентомъ при проф. Преслѣ (I. Sv. Presl).

[5]) Приписано на полѣ.

стрѣлою перебѣжитъ по уму мой дальній, кривой путь изъ Харькова въ Прагу, вспомню гдѣ былъ я, и гдѣ уже тутъ быть увѣрену, что Вы близко! По неволѣ станетъ грустно. Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими и далеко отъ Харькова и васъ: по неволѣ станетъ грустно.... А все мнѣ кажется, что Вы тутъ въ комнатѣ на право,—и мнѣ чудятся послѣдніе дни Вел. поста, эти домашнія заботы, это ожиданіе великаго праздника, и звонъ колоколовъ—не здѣшнихъ колокольчиковъ, и служба, и пасха, и красныя яйца, и сыръ.—Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька,—и дай Богъ Вамъ встрѣтить, а если уже встрѣтили, то провести свѣтлый праздникъ покойно и весело. Какъ я его проведу—не знаю, думаю, по обычаю,—дома.

Я по прежнему по большей части дома: выхожу только къ Шаффарику Ганкѣ, Юнгману, Палацкому, Челяковскому, Станьку, Аммерлингу, Каубку [1]), и то часто бываю у трехъ-четырехъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Не забываютъ и они меня: Ганка заходитъ раза по два въ недѣлю, и все еще продолжаетъ меня дарить то тѣмъ, то другимъ. Юнгманъ подарилъ мнѣ свой Словникъ; Шаффарикъ также приноситъ мнѣ почти всякій разъ что-нибудь новое. Обдариваемый, я не знаю, чѣмъ отдаривать и не могу не досадовать, что оставилъ свой чамоданъ въ Петербургѣ. У Челяковскаго я беру уроки ежедневно: онъ очень хорошо знакомъ со всѣми нарѣчіями Славянскими и надъ сравнительной грамматикой и этимологіей трудился очень много. Съ Ганкой разговариваемъ по Русски; съ Каубкомъ (профессоромъ Чешскаго языка въ Университетѣ здѣшнемъ) по Малороссійски. Говорить по Чешски начинаю— по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился— такъ трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно. По Нѣмецки—гмъ! Изъ всего времени, что я въ Германіи, едва-ли случилось мнѣ говорить по Нѣмецки 50 часовъ. Отчасти не хорошо, что я сижу дома: гораздо скорѣе могъ бы научиться говорить по Чешски; но и выходить изъ дому не хочется, и выходить нѣкуда: съ юными литераторами здѣшними сближаться не хочу; какъ они ни бѣдны, а все же сходятся въ кофейныхъ домахъ и т. п., и нѣкоторые большіе охотники до политики: врагъ политики и кофейныхъ обществъ, я не нахожу съ ними предмета для разговора, и сижу дома.

Что до концертовъ и сцены, вотъ это другое дѣло. Чуть только прочту объявленіе о чемъ нибудь хорошемъ, тотчасъ справлюсь съ карманомъ— маршъ. О концертахъ Лишта я уже писалъ. Теперь три воскресенья съ ряду

---

[1]) Jan Pravoslav Koubek (1805—1854)—докторъ философіи (съ 1848 г.), проф. Чешскаго яз. и литературы въ Пражскомъ унив.; Коубекъ извѣстенъ также какъ литераторъ и какъ переводчикъ Русскихъ и Польскихъ поэтическихъ произведеній.

дають концерты ученики Консерваторіума: на сцену выступають инструментовъ 50, и всѣ какъ одинъ. Утонулъ бы въ наслажденіи, если-бы не эта смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, отъ которыхъ несетъ то масломъ, то сыромъ, то клеемъ, то политикой (и музыка безъ политики не музыка), то глупостью—и болѣе всего и чаще всего этою послѣднею. Можетъ же существовать такой глупой народъ!—Въ театрѣ публика таже. Недавно я былъ на Валленштейнѣ: его игралъ Бейеръ, рожденный для этой роли, и лучшій во всей Европѣ актеръ для такого характера; жаль, что женщины, которыми онъ былъ обставленъ, были обыкновенной породы, и что Текла была настоящая Ѳёкла.

А вчера—ахъ, нѣтъ, третьяго дни—передъ моими окнами на площади былъ парадъ. Главнокомандующій Чешскій, сдавая мѣсто другому, прощался съ войскомъ. Зрѣлище прекрасное: тысячь 6 войска, и тысячь 10 народа. Лица солдатъ прекрасныя, но позитура, поступь, маршъ, правильность движенія... самые костюмы... Нашъ солдатъ немного грубѣе, за то во сто разъ воинственнѣе. Эти выстраиваются рядомъ какъ сороки—случайно. Музыка военная,—ну, здѣсь наши—пассъ: музыка прекрасная. Я слышу ее довольно часто: по здѣшнему прекрасному обычаю умершаго солдата провожаютъ до могилы его товарищи и музыка,—и почти каждый день везутъ покойника солдата мимо моихъ оконъ. Эту музыку нельзя слушать безъ удовольствія. За то нельзя слушать безъ смѣху писку командующихъ офицеровъ: когда они начинаютъ кричать команду, голосъ ихъ раздваивается, и одна часть пищитъ $^1/_4$ тона выше, другая $^1/_4$ тона ниже. Это очень занимательно.

Погода здѣсь удивительная: вчера напримѣръ былъ прекрасный день, а сегодня валитъ снѣгъ.

Маменька! Вотъ уже слишкомъ полтора мѣсяца какъ я въ Прагѣ, а до сихъ поръ все еще не получаю отъ Васъ письма. Вѣдь это—геремъ горе. Ради Бога пишите чаще; уѣду изъ Праги, тогда еще труднѣе будетъ мнѣ доставать письма отъ Васъ. Я уже три раза перечиталъ прежнія ваши письма въ Петербургъ и единственное къ Шаффарику. Адресуйте на имя Шаффарика. Stephans Gasse, № 614.

Еще разъ цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

XXII.

№ 10. Прага, 2-е Апр. 1840.

Не знаю, къ какому времени придетъ—пришла эта посылочка; а, посылая ее къ Вамъ, милая Маменька, мнѣ хотѣлось, что-бы Вы ее получили не позже 21-го Мая. Это—день Вашего Ангела. Вò-время или не вò-время, но поздравляю Васъ съ нимъ, и, цѣлуя Вашу ручку, желаю и молю Бога, да

сохранитъ онъ Ваше здоровье и покой. О счастіи ни слова: не Вамъ, душенька Маменька, быть счастливою безъ дѣтей, сколько они ни огорчали Васъ. Еще молю Бога, что-бы скорѣе прошли годы моей разлуки съ Вами: за исключеніемъ немногихъ наслажденій, очень естественныхъ человѣку, который между другими слабостями имѣетъ и страсть къ новизнѣ, эти годы тяжелы мнѣ, и выкупятся развѣ въ будущемъ — воспоминаніями, и, если Богъ поможетъ, исполненіемъ хоть кое-чего изъ того, что теперь предполагаю сдѣлать, воротившись домой.

Боже Васъ сохрани, Маменька, сердиться на меня за издержку: во первыхъ она слишкомъ малозначуща, а во вторыхъ я теперь денежный человѣкъ: получилъ изъ министерства деньги и имѣю 1000 гульденовъ на 5 мѣсяцевъ. Скупясь издерживать деньги на платье и ѣду, я въ правѣ не скупиться на книги и т. п. Притомъ-же ноты здѣсь такъ дешевы, что въ Россіи надобно за нихъ платить по крайней мѣрѣ вдвое, не говоря уже о томъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ даже нельзя достать послѣднихъ новинокъ. Дешевизна нотъ можетъ мнѣ позволить даже услужить кому-нибудь: вотъ почему я выставилъ на каждой тетради цѣну—безъ раббата (уступки), который всегда дается тому, кто покупаетъ въ большомъ количествѣ; а мнѣ онѣ стоили еще дешевле. И представьте, Маменька, мою досаду. Что-бы продать мнѣ эти ноты, купецъ присылалъ мнѣ цѣлыя кипы, которыя лежали у меня недѣли. Таковъ Германскій обычай,—и что если бы я умѣлъ играть аливруверъ!.. Не упускаю за то случая просматривать книги, которыя получаю отъ книгопродавцевъ въ надеждѣ, что я выберу изъ нихъ что-нибудь. Что до пересылки, то для этого есть, кажется, надежное средство: въ Бродахъ и Радзивиловѣ, слѣдовательно по обѣимъ сторонамъ Австрійско-Россійской границы, имѣетъ домы купецъ Даніилъ Гартенштейнъ, который берется исполнять такія порученія. Эта первая попытка моя будетъ образцемъ того, какъ онъ исполняетъ ихъ. Письмо отправили сегодня, посылку на этой недѣлѣ... Вы не забудете, Маменька, увѣдомить меня когда получили.

Между нотами найдется кое-что для Амвросія Лукіановича [1]) и Надиньки [2]) или Катиньки [3]). Да не гнѣвается fra Ambrosio [4]), что я посылаю ему такъ мало: на другой разъ будетъ больше.

Прощайте, Маменька! Гдѣ я буду 21-го Мая и какъ проведу этотъ день, увѣдомлю.

Измаилъ Срезневскій.

---

[1]) А. М. Метлинскій.
[2]) Н. Е. Топчіева.
[3]) Вѣроятно Кат. Андр. Анничкова, впослѣдствіи вышедшая замужъ за г. Дьяченко, проф. Кіевскаго университета.
[4]) А. Л. Метлинскій.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Марьѣ Андреевнѣ [1]) и Марьѣ Яковлевнѣ [2]), если онѣ еще въ Харьковѣ, Маѳѣ Ивановнѣ [3]) и Григорію Григорьевичу [4]), Марьи Ѳедоровнѣ [5]) и M-lle Fanny [6]) и всѣмъ, всѣмъ.

Если кто захочетъ переслать что нибудь, то да посылаетъ на имя Гартенштейна въ Радзивиловѣ, и просятъ его передать или мнѣ, или Шафарику (Stephans Gasse № 614) [7]).

Списокъ нотъ [8]):

S. Thalberg.	1)	Mi manca la voce.
	2)	La Cadence. op. 36.
	3)	Fantaisie. op. 37.
A. Dreyschock.	4)	Souvenir. op. 4.
	5)	Scene romantique. op. 9.
	6)	Campanella. op. 10 (знаменитая).
F. Liszt.	7)	Rákóczy indulójá.
	8)	Sey mir gegrüsst.
	9)	Ave Maria.
	10)	Die Rose.
	11)	Die Taubenpost (знаменитая).
I. Strauss.	12)	Rosen blätter. op. 115.
I. Lanner.	13)	Liebes-träume. op. 150.
	14)	Quadrille. op. 152.
I. Labitzky.	15)	Potpourri-böhmische.
	16)	» polnische.
	17)	» russische.
V. Tomaschek.	18) 19) 20)	Tre Allegri. op. 84.

Если что нибудь хотите, Маменька, имѣть изъ нотъ, то не покупайте въ Харьковѣ, а напишите мнѣ,—и хоть не очень скоро, а получите—и гораздо дешевле, и въ хорошемъ изданіи.

---

[1]) Ваннотти.

[2]) М. Я. Леонова, жена Н. Ѳ. Леонова.

[3]) Фидлеръ, жена Г. Г. Фидлеръ.

[4]) Г. Г. Фидлеръ, бывшій въ Харьковѣ аптекаремъ.

[5]) Питра мать А. С. Питры, впослѣдствіи бывшаго проф. и ректоромъ Харьковскаго университета.

[6]) Питра - сестра А. С. Питры.

[7]) Приписка на полѣ.

[8]) На полѣ при названіи каждой пьесы приписано рукою Е. П. Срезневской «получено».

XXIII.

№ 11. Прага, 7 апр. 1840.

Вчера написалъ къ Вамъ письмо, милая Маменька; ложась спать куда-то положилъ, сегодня искалъ искалъ,—и вотъ принялся за другой листокъ.

Цѣлую Вашу ручку за — угадайте за что? Письмо отъ Васъ получилъ. Вѣдь это второе только, съ тѣхъ поръ какъ я за границей. Хоть горько, горько было ждать, за то и радостно получить было. Шафарикъ въ ту же минуту какъ получилъ, переслалъ его мнѣ. Да и долго же странствовало это письмо: писано въ 20-хъ февраля [1]), а пришло сюда въ 20-хъ марта по тому же стилю. Два мѣсяца. Оно гуляло и въ Варшаву, потому что и подлѣ Варшавы есть также Прага. — Но, Маменька, пишите чаще! Вы называете себя сиротою; а я же что? Не только ни отъ кого, даже и отъ Васъ нѣтъ вѣсти изъ Руси.

Читая ваше письмо, сначала я плакалъ отъ радости, потомъ... и теперь не могу безъ слезъ вспомнить о Марьѣ Андреевнѣ [2]). Блаженная страдалица! Вспоминая о такой жизни, о такой глубинѣ чувства, нельзя не дѣлаться лучше, по крайней мѣрѣ доступнѣе къ стезѣ исправленія. Не могу не пожалѣть и о Марьѣ Яковлевнѣ: лучшіе дни ея кончились, и тяжелы будутъ они для нея въ воспоминаніи. Кто потерялъ такую мать и съ матерью надежду на одну свѣтлую минуту изъ тысячи черныхъ, тому не легко жить на свѣтѣ.

Да Вы, Маменька, и описали въ письмѣ своемъ этотъ случай такъ, что, право, страшно становится, когда читаешь. Я вложилъ это письмо въ Чешскую Библію, которую читаю вечеромъ передъ сномъ. Буду заглядывать въ него и напоминать себѣ, какъ дороги дѣти для родителей, какъ слѣдовательно и дѣти должны дорожить родителями.—Простите, душенька, мои прежніе проступки передъ Вами. Правда, я уже не дитя; но исправляться никогда не поздно. Вы знаете, я былъ хуже, сталъ немного лучше; авось Богъ поможетъ быть и еще лучше.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе Марѳѣ Ивановнѣ и Григорію Григорьевичу [3]), Марьи Яковлевнѣ—если она еще въ Харьковѣ и... жива. Такую мать нельзя не любить, трудно пережить.

О Генріетѣ Ѳед. [4]) я писалъ къ Вамъ изъ Берлина еще. Я послалъ къ ней письмо Марьи Ѳедоровны [5]), и получилъ отвѣтъ. Всѣ они здоровы.

---

[1]) Вѣроятно описка; надо читать: въ 20-хъ января.

[2]) Ваннотти, мать М. Я. Леоновой.

[3]) Фидлерамъ.

[4]) Г. Ѳ. Юнкертъ; въ домѣ ея (въ Харьковѣ) жили Е. И. и И. И. С—кіе; въ это время она вернулась за границу—на родину.

[5]) М. Ѳ. Питра.

На дняхъ напишу къ ней еще письмо и буду просить что-бы писала въ Харьковъ. Не мудрено, что и она горюетъ о Марьи Өед. Впрочемъ кто виноватъ? Положивши писать другъ къ другу опредѣленное количество разъ въ годъ, можно писать и не дожидаясь отвѣта. И отвѣтъ ранѣе или позже будетъ, и горя не будетъ; а горе дороже денегъ. Что же до денегъ, то я совѣтую Марьѣ Өед., которой свидѣтельствую мое почтеніе, платить только до границы. Наша переписка не дорога: за письмо въ Харьковъ я плачу 1 двугривенной (цванцигеръ), да Вы 30 коп. серебромъ; вѣдь это всего 50 коп. серебромъ.

Поклонъ мой Ивану Петровичу: чего онъ ждалъ, то надѣюсь уже получилъ. Пусть только сдѣлаетъ какъ я писалъ ему.

Спасибо Амвр. Лук.[1]) за приписку. Жаль, что ничего не пишетъ о себѣ, о нашихъ; вѣдь я ничего не знаю, а знать хочется. Ну, co ste napsal? něcoliko řadek o tóm, co giž wědel sem s listu pani maminki, a nic wjc. Ne, to nenj mûy obyčey. Chtělbych dostati od pana takowý list, genž by potřěba bylo čisti něgakau hodinu. Ale mam nadĕgi, že takowy list giž napsaný lež u p. Rosslawského. Poručam si peknĕ [2]).

Мое время проходитъ по прежнему: утромъ дома до самаго обѣда, т. е. до 2-хъ часовъ; только разъ въ недѣлю утромъ хожу въ Музеумъ. До 3-хъ гуляю. Въ 3 къ Челяковскому или жду къ себѣ его, или самъ дома: у Челяковскаго я беру уроки четыре раза въ недѣлю (два раза хожу къ нему, два раза онъ ходитъ ко мнѣ), платя ему въ мѣсяцъ 20 гульденовъ—менѣе 50 рублей (!). Вечеръ или дома или гдѣ нибудь. Сижу до 9 часовъ, рѣдко до 10 (сегодня до 11), потомъ ложусь и съ часъ читаю. Потомъ сплю; потомъ въ 7-мъ часу встаю и за работу. Настаетъ весна: буду ходить по утрамъ за городъ, или по крайней мѣрѣ на стѣны города. (Прага вся, какъ крѣпость, окружена стѣнами каменными, и по стѣнамъ сады для гулянья).

Въ воскресенье былъ на Вышеградѣ. Чудное мѣстоположеніе! Гора въ родѣ Хорошевской [3]) обрывомъ стоитъ надъ Молдавой, обнесенной отовсюду подобными горами. На вершинѣ горы крѣпость, исправленная не знаю противу какихъ враговъ, по скату развалины старыхъ зданій. Видъ на рѣку, видъ на городъ—прелесть. Едва-ли есть другой городъ въ Европѣ, который былъ бы такъ богатъ видами какъ Прага. Одинъ мой Конскій Торгъ чего стоитъ! Въ крѣпости ничего стараго нѣтъ, кромѣ обломковъ столба, принесеннаго, говорятъ, дьяволомъ изъ Іерусалима.

[1]) Метлинскій.

[2]) Ну что вы написали? Нѣсколько строчекъ о томъ, что я уже зналъ изъ письма маменьки, и ничего больше. Нѣтъ это не по моему. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ васъ такое письмо, чтобы въ часъ не прочесть его. Надѣюсь, впрочемъ, что письмо уже написано и лежитъ у г. Рославскаго. Низко кланяюсь.

[3]) Въ Харьковѣ.

Время стоитъ прекрасное. Солнце и тепло; но до листьевъ еще далеко.

Ахъ, чуть было не забылъ сказать о снѣ, который видѣлъ четвертаго дня, послѣ полученія Вашего письма. Я заснулъ съ письмомъ въ рукахъ—и самъ не знаю какъ рѣшился ѣхать въ Харьковъ—хоть на день, чтобы повидаться съ Вами. И пріѣхалъ, и брата засталъ дома, и Амвр. Л. въ библіотекѣ, въ рыжемъ его сюртукѣ, — и никто не вѣритъ, что я есмь я. Такая досада, что я взялъ да и проснулся. Но сонъ былъ такъ живъ, что и проснувшись я очнулся нескоро.

Поздравляю Марью Корнѣевну.

Настя—какъ вижу—молодецъ дѣвка. Очень бы хорошо было, Настя, если-бы ты пришла и поучила мою Катель чистить самоваръ, да и ставить также: дѣвка большая, а не умѣетъ. Начнетъ ставить,—потѣетъ, а готовъ не прежде какъ черезъ часъ. И хозяинъ, и хозяйка сойдутся на помощь—дуютъ... Прощайте, Маменька. Срезневскій.

Письма адресуйте ко мнѣ Prag in Böhmen, на имя Шафарика или Вячеслава Вячеславича Ганки, Böhm. Museum.

Напишите, пожалуйста, брату, чтобы не уѣзжалъ изъ Петербурга, не купивши для меня самую подробную новую карту Россіи. Она мнѣ будетъ очень нужна когда ворочусь [1]).

XXIV.

№ 12. Прага, 26 Апр. 1840 г.

$^{16}/_{4}$ Апр. Зеленый, по нашему—Великій Четвергъ. У св. Вита служилъ самъ Архіепископъ съ 12 канониками, освящая св. міро и омывая ноги. Церковь была биткомъ набита. Я пришелъ поздно и ничего не видѣлъ. За то наслушался. Кто хоть однажды слушалъ службу у св. Вита, то[тъ] не скажетъ, что музыка мѣшаетъ величію обряда или уменьшаетъ чувство благоговѣнія, вредитъ молитвѣ. Нѣтъ; огромный, громовый органъ и полный, стройный оркестръ дѣйствуютъ на душу поразительно. Заслушиваешься, благоговѣешь и молишься.—Послѣ обѣдни весь олтарь былъ очищенъ отъ всѣхъ украшеній.—Колокола смолкли до субботы. Барабаны военные спущены.—Начинается ходьба по церквамъ. Мѣсто для гроба Христова приготовлено: ему-то поклоняться и ходятъ изъ церкви въ церковь.

$^{17}/_{5}$ Апр. Ходьба для поклоненія гробу продолжается цѣлый день въ Великую пятницу. Ходилъ и я. Мнѣ особенно понравилось убранство Гарнизонной церкви: тутъ свящ. мѣсто убрано старымъ и новымъ оружіемъ.

$^{18}/_{6}$ Апр. Бѣлая суббота. Обѣдать было нѣчего: уху варить тутъ не умѣютъ, да и рыбу сжарили такъ кисло-прѣсно-сладко, что я понюхалъ

[1]) Приписки на полѣ

да и отдалъ; надобно было быть сытымъ двумя пирожками.—Въ три часа будетъ обѣдня. Народъ уже волнуется, и спѣшитъ къ церкви, большею частію голодный, что бы послѣ обѣдни разговѣться мясомъ; потому что католики празднуютъ воскресеніе І-Христово съ сегодняшняго вечера. Кто не успѣлъ въ 3, тотъ пойдетъ въ 4, въ 5, въ 6, въ 7: обѣдня служится каждый часъ, въ однихъ церквахъ въ одинъ, въ другихъ другой.—Я ходилъ въ 7 часовъ въ Славянскій монастырь съ хозяиномъ и хозяйкой. Этотъ монастырь памятенъ тѣмъ, что въ немъ въ XV столѣтія служба служилась на языкѣ Славянскомъ. Монастырь очень бѣденъ. Когда мы пришли народъ еще стоялъ у гроба Христова и пѣлъ молитвы. Въ 7-ь аббатъ съ нѣсколькими монахами пошелъ къ гробу, и торжественно понесъ оттуда «Тѣло Божіе», т. е. св. дары на алтарь, и затѣмъ началась обѣдня, или лучше сказать молебствіе. Я стоялъ на хорахъ. Внизу была гибель народа, такъ что по окончаніи не менѣе 20 минутъ продолжалось, пока народъ вышелъ изъ церкви. Я разгавливался съ хозяиномъ и хозяйкой у него, а потомъ они у меня пили чай.

$^{19}/_{7}$. Великая ночь, т. е. свѣтлое воскресеніе. Ни поздравленій, ни «Христосъ воскресе» тутъ нѣтъ. Впрочемъ не безъ освященныхъ яицъ, пасхи и барашка, хотя все это не такъ замѣтно какъ у насъ. Пасха называется мазанцемъ. Хозяйка пожалѣла денегъ и не купила себѣ мазанца; пожалѣла и моихъ денегъ, не купила и мнѣ. Быть такъ.—Въ 11-мъ часу мы пошли съ хозяиномъ къ св. Виту, гдѣ долженъ былъ служить Архіепископъ, и добыли себѣ такое мѣсто, какого никто не имѣлъ, именно у олтаря, гдѣ одни каноники, и я сидѣлъ на одинъ шагъ отъ архіеписк. кресла. Архіепископъ—молодой человѣкъ, и болѣе похожъ на чиновника. Онъ былъ въ бѣлыхъ золотомъ вышитыхъ туфляхъ и перчаткахъ. 8 камер-лакеевъ его стояли поотдаль. Служба была обыкновенная. Все хорошо; мнѣ не нравятся только колокольчики, въ которые звонятъ во время обѣдни, въ опредѣленное время, подъ самимъ ухомъ архіепископа. Ихъ пискъ вовсе не гармонируетъ съ органомъ.—Послѣ обѣда Конскій торгъ мой наполнился гуляющими. Было на что посмотрѣть: дамы и кавалеры тысячами повалили тѣ въ ту, тѣ въ другую сторону, разряженные въ пухъ, веселые, благовонные. Тутъ и сапожницы, тутъ и сидѣльцы, тутъ и купчихи, и полудворянки, и трактирные франты, словомъ дамы и кавалеры всякаго рода. Хорошенькихъ очень много. Къ вечеру вышелъ и я, зашелъ къ Станьку и ѣлъ тутъ мазанецъ—съ медомъ какъ требуетъ обычай. Мазанецъ мнѣ не понравился: тѣсто тяжелое, сахару мало.—

$^{20}/_{8}$ Апр. Понедѣльникъ. До 4-хъ часовъ былъ дома. Въ 4 пошелъ въ Чешское дивадло [1]): давали l'elisire d'Amore, оперу Доницетти на Чеш-

[1]) т. е. театръ.

скомъ языкѣ. Зрителей было мало, потому что время прекрасное, и почти весь городъ ушелъ за городъ. Несмотря на это играли прекрасно. Особенно Подгорская [1]) пѣла такъ, что можно было заслушиваться. Она уже въ лѣтахъ, но еще очень хороша собою, на театрѣ кажется довольно молоденькою и имѣетъ хрустальный голосъ. Сама опера очень богата мотивами, полными жизни и красоты.—Выходя изъ театра сошелся съ Шафарикомъ, который былъ также въ театрѣ съ дѣтьми, и пошелъ къ нему. Тутъ пилъ чай и просидѣлъ до 9 часовъ.

²¹/₉ Апр. Вторникъ. Сегодня празднуется рожденіе Императора. Въ 5 часовъ гремѣли пушки. Въ 9 и 11 была обѣдня и въ 1 часу освященіе цѣпнаго моста, который будетъ поставленъ черезъ Молдаву на западъ отъ Карлова каменнаго, вамъ извѣстнаго. Послѣ обѣда я пошелъ къ Челяковскому и отъ него съ нимъ, по окончаніи урока, гулять въ Бубенчи, версты за 2 отъ Праги. Это гулянье называется Strohsack—Соломенникъ, и было когда-то гуляньемъ портныхъ. Теперь общее всепражское. Дорога въ Бубенчи очаровательна. Народу гибель, десятки тысячъ, и сотни экипажей. Играла музыка, пили пиво, кофе, шоколадъ, больше пиво. Бубенчи—огромный садъ, расположенный въ долинѣ и по горамъ. Виды вокругъ—роскошь. Каково должно быть лѣтомъ, когда и теперь хорошо, хотя деревья еще голы. По воскресеньямъ тамъ играетъ музыка, и народу всегда собирается много.

²⁴/₁₂ Апр. Пятница. Въ середу должно было быть гулянье въ Нусляхъ, въ верстѣ отъ Праги, называемое «фидловачка», т. е. гладилка, дощечка, которою сапожники гладятъ сапоги или я не знаю что, гулянье преимущественно сапожниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Праги. Это гулянье вѣроятно и было; но дождикъ помѣшалъ намъ идти, и мы (съ Челяковскимъ) просидѣли дома, читая Сѣверную Пчелу, которую утромъ взялъ я у Ганки. Нечего дѣлать: возмешся и за С. Пчелу, когда ничего другаго новаго изъ Руси нѣтъ.—Вчера я нечаянно попалъ въ соборъ св. Вита: думалъ, что день Георгія, одинъ изъ двухъ дней, когда отворяется древнѣйшая въ Прагѣ церковь св. Георгія, пошелъ на Градчинъ, т. е. на За́мковую гору, поцаловался съ замко́мъ двери этой церкви, и пошелъ къ Виту, который отъ нея въ двухъ шагахъ. Чудо церковь! Казанскій соборъ богаче, но св. Витъ не уступитъ ему въ величіи, хотя и совершенно другаго рода. Съ наслажденіемъ мечтаю о томъ времени, когда, воротившись къ вамъ, разложу

[1]) О Подгорской И. И. С—ій писалъ А. А. Краевскому (Отеч. зап. 1841. 14): «Имя ея должно навсегда остаться въ исторіи Чешской литературы рядомъ съ именамъ Тиля и другими почетными именами ученыхъ и литераторовъ, содѣйствовавшихъ къ возобновленію литературы Чешской». Въ томъ же письмѣ И. И. С. описываетъ замѣчательной дебютъ Подгорской 28 дек. 1823 г. по воспоминаніямъ Пражскихъ жителей; она выступила тогда подъ своей дѣвичьей фамиліей Кометовой.

передъ вами рисунки и планы его, и буду пересказывать вамъ, что знаю о немъ. Отъ Вита къ Ганкѣ на минуту, потомъ домой, потомъ опять къ Ганкѣ и съ нимъ въ Виндійскій Семинаріумъ (какъ обыкновенно—въ Четвергъ). Сегодня другой разъ ходилъ къ св. Георгію, и не напрасно. Сегодня день Георгія, и въ церкви этой «поужь», т. е. праздникъ. То-же что и у насъ. Въ церкви молятся, около церкви продаютъ пряники и разныя разности въ такихъ же точно палаткахъ, какъ и у насъ, во время церковныхъ праздниковъ. Молиться я не молился, а осмотрѣлъ церковь и достопримѣчательности, между [прочимъ] гробъ св. Людмилы, и кости первой игуменьи Милады съ лицемъ изъ papier maché, и множество надгробныхъ надписей. Народу толпа и пробираться можно было съ трудомъ; но я за пятиалтынный купилъ описаніе церкви и вслѣдствіе сего былъ сопровождаемъ кистеромъ во всѣ углы. Penjze здѣсь очень хорошій проводникъ.

26/14 Апр. Воскресенье. Утро былъ дома. Въ четыре часа послѣ обѣда пошелъ въ театръ. Давали ДонъХуана Моцартова. Театръ былъ довольно полонъ. И музыканты и актеры исполняли свое дѣло прекрасно, особенно Подгорская, Пражскій соловей.—Вамъ нравится?—спросилъ меня Ганка, съ которымъ сидѣли мы вмѣстѣ.—Какъ-же!—Да, хорошо; но прежде было несравненно лучше, прежде, лѣтъ за 15. Подгорская была молода, Донъ Хуана игралъ Држка, который теперь въ Дрезденѣ, превосходный баритонъ, и вообще и публика, и актеры были какъ-бы наэлектризованы. Нѣмецкая сцена была оставлена для Чешской самими Нѣмцами. Въ свое время это много содѣйствовало пробужденію Славянскаго духа въ Чехахъ.—Изъ театра пошли съ Ганкой гулять, зашли и на Барвиржскій островъ, гдѣ я еще никогда не былъ. Онъ напомнилъ мнѣ Лейпцигъ, вокругъ котораго много подобныхъ мѣстъ. Островокъ занятъ садомъ, а посрединѣ его большой домъ прекрасной наружности съ залами для танцевъ и концертовъ. На площадкахъ скамьи и столы для желающихъ пить и кушать. И все мило. Съ береговъ—виды на рѣку и городъ. Такъ что островъ малъ, а народу бываетъ много: это бываетъ иногда скучно.—Съ острова пошли ко мнѣ, мимо дома, въ которомъ нашъ Касторскій [1]) утушилъ однажды пожаръ. Шли они однажды съ Ганкою вечеромъ мимо, и увидѣли что изъ этого дома дымъ валитъ клубомъ. Касторскій вскочилъ въ окно, увидѣлъ, что тлѣетъ хлопчатая бумага, а женщины, единственныя обитательницы этого жилища, вопятъ и ничего не дѣлаютъ,—и давай руками и ногами тушить. Пріѣхавшая полиція додѣлала остальное, заливши начавшіе горѣть окна, двери и полы.—Пили мы чай и читали Сѣв. Пчелу, которую Ганка имѣлъ въ карманѣ.—Теперь уже поздно Пора спать. Перо и рука не пишетъ.

[1]) Мих. Ив. Касторскій, впослѣдствіи проф. Спб. университета.

$^{27}/_{15}$. Понедѣльникъ. Утро по обычаю дома. Послѣ обѣда пошелъ къ Челяковскому,—и потомъ съ нимъ и съ его сынкомъ гулять за городъ. Шли, шли, и дошли до Нуслей, гдѣ бываетъ Фидловачка. Долина прекрасная,—покрыта садами и загородными домиками. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ, гуляли, пили кофе,—и воротились домой уже вечеромъ, въ 9-мъ часу. Челяковскій веселый человѣкъ и мастеръ расказывать. Въ Нусляхъ я нахохотался въ-доволь. Поля уже зелены; деревья тоже начинаютъ зеленѣть, вишни и яблони начинаютъ цвѣсти.—Въ городѣ продаютъ множество цвѣтовъ. На окнахъ всюду резеда, розы, левкое и т. д.Погода прекрасная, даже жарко; но дождя нѣтъ, и хозяева начинаютъ горевать.

Что-же еще писать?—Развѣ напиться чаю: авось онъ напомнитъ.—Нѣтъ, ничего не напомнилъ. Развѣ пересказать нѣсколько анекдотовъ о Добровскомъ, которые сегодня расказывалъ мнѣ Челяковскій. Подъ старость былъ онъ большой чудакъ, а иногда и просто сумасшедшій. «У меня есть вторая часть Лузацкаго словаря, который присланъ былъ Добровскому изъ Лузаціи. Первая часть истерлась, исполняя должность тряпки. Однажды Добровскому нашла охота вымыть у себя въ кабинетѣ полъ. Онъ и принялся. Вылилъ на полъ всю воду изъ умывальника и графина, и давай мыть; тряпокъ не было, за то было вдоволь бумагъ: онъ и сталъ ими возить по полу. Цѣлая куча ихъ легла въ углу комнаты, принявши прежній видъ тряпокъ,—и первая часть словаря тамъ-же.—А вотъ что сдѣлалъ Добровскій въ голодный годъ, когда хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что для завтрака человѣку надобно было купить его на два рубля. Зашедши въ одинъ женскій монастырь, онъ узналъ, что монашенкамъ ѣсть нечего. «Надобно промыслить денегъ!» сказалъ онъ и пошелъ. На другое утро пошелъ съ визитами къ вельможамъ, которые принимали его всегда ласково и радушно. Пришелъ въ одинъ домъ, замѣтилъ часы на столѣ, взялъ ихъ, да въ карманъ; пришелъ въ другой, увидѣлъ перстень,—и его въ карманъ; пришелъ въ третій,—и тамъ нашелъ что положить въ тотъ-же карманъ. Обходилъ всѣхъ, и изо всякаго дому понесъ въ карманѣ по добычѣ. Съ набраннымъ добромъ въ монастырь, и отдалъ игуменьѣ, прося хранить. Черезъ нѣсколько дней снова обходомъ по домамъ, гдѣ собиралъ добычу. Всюду ему говорятъ о покражѣ и пропажѣ; всюду онъ удивляется и говоритъ: «а все же вещи должно отыскать».—Прошло еще нѣсколько дней; Добровскій опять въ обходъ, и говоритъ, что онъ нашелъ вещи и мѣсто гдѣ хранятся, но что не отдадутъ безъ выкупа. Вещи были выкуплены, и монашенки сыты.—И пр. и пр.—

Прощайте, Маменька! Кланяйтесь нашимъ добрымъ знакомымъ, и не забывайте (т. е. письмами) Вашего Пражанина.

Амвросія Лук. и Никол. Ив. [1]) прошу прислать все, что могутъ, печатнаго Малороссійскаго. Адресовать въ Броды на имя Даніила Гартенштейна 1-й гильдіи купца, а его просить переслать мнѣ. Платить за пересылку до границы. Малороссія тутъ вовсе неизвѣстна, а денегъ платить за Русскія книги нѣтъ, да и выписывать ихъ сюда обыкновеннымъ путемъ было бы дорого (Юнгману Исторія Карамзина стоила 150 сереб. гульденовъ, каждый въ 2—40 коп.).

Какъ я дурно написалъ это письмо. Простите. Горбатаго могила исправитъ. Вѣчно то перо, то бумага виновата.—

XXV.

№ 13. Прага 1840. Май. 4.

1-ое Мая, а у васъ еще 19 Апр. Не знаю какъ у Васъ, а здѣсь весна въ полномъ цвѣтѣ: деревья зеленѣютъ, цвѣты цвѣтутъ, все наслаждается природою, и соловей поетъ. Теперь нельзя не любить Праги: природа, ее окружающая, такъ прекрасна, такъ разнообразно-картинна, что любуешся, въ какую сторону ни взглянешь. Отъ меня до Музеума идти и довольно далеко, и довольно скучно (потому что нельзя миновать ни торговыхъ улицъ, гдѣ вѣчная толкотня, ни сходцевъ въ 204 камен. ступени); но я хожу чаще прежняго, потому что можно (за грошъ) переѣхать черезъ Молдаву на лодкѣ и переѣзжая любоваться видами рѣки, а потомъ, поднявшись на гору, любоваться видомъ цѣлой Праги и окрестностей. Это—такая панорама, какой роскошнѣе и желать нельзя. Грустно иногда становится, когда вспомнишь, глядя на Прагу съ Градчина, что̀ въ ней; но все таки любуешся ею.

Вотъ и сегодня я пошелъ было въ Музеумъ; впрочемъ не дошелъ. Меня догналъ на полудорогѣ одинъ изъ юныхъ литераторовъ и потащилъ на выставку картинъ. Заплативши гривенникъ за билетъ для входа и каталогъ, я вошелъ и остался тамъ до обѣда. Эта выставка предназначена преимущественно для живописцевъ Чешскихъ и Австрійскихъ, но въ нынѣшнемъ году прислано много вещей изъ Дюссельдорфа, Мюнхена и пр., и по этой причинѣ многіе изъ Пражскихъ живописцевъ покапризились выставить свои работы. Тѣмъ не менѣе есть чѣмъ любоваться. Особенно обворожителенъ колоритъ Дюссельдорфскихъ работъ: краски такъ свѣжи, тѣни такъ естественны, что и не хотѣлъ бы смотрѣть, а смотришъ. Самая замѣчательная изъ картинъ есть Ахенбахова Норвегія: горы, тундра, туманъ, и сквозь него солнце, и только птицы оживляютъ эту дичь природы. Картина огромна: въ длину аршинъ до 5, а въ вышину около 3. Есть и еще нѣсколько такой величины ландшафтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не идетъ въ сравненіе съ этою. И не дорога: только 200 имперіаловъ, вмѣстѣ съ рамою. Вотъ бы купить!! Жаль,

[1]) А. Л. Метлинскій и Н. И. Костомаровъ.

что перевозка ея неудобна!! А то бы можно еще къ ней прикупить нѣсколько зимнихъ ландшафтовъ, не большихъ, но такъ же прекрасныхъ. Изъ нихъ особенно понравилось мнѣ два: кладбище зимою и сельская церковь тоже зимою, освѣщенная мѣсяцемъ, первая работы Газенпфлуга, а вторая Вебера. Веберовъ мѣсяцъ такъ живъ, что чѣмъ болѣе въ него всматриваешся, тѣмъ болѣе, кажется, онъ свѣтитъ. Въ такъ наз. историческомъ родѣ и между портретами есть также много прекраснаго. Къ Голпеиновой Эсфири я ворочался разъ десять: красавица да и только; можно бы влюбиться, если бы ротъ не былъ кривъ. Лёвенштейновъ старикъ съ дочерью, читающіе библію также очень милы, особенно дочка; къ сожалѣнію эта дочка озябла или больна, и такъ синя какъ Норвежскій туманъ. По колориту особенно замѣчательна спящая — не знаю чья — старуха. Она спитъ сидя на креслѣ подлѣ окна, задернутаго малиновымъ занавѣсомъ: точно спитъ, а занавѣсъ не можетъ скрыть, что день прекрасный. Превосходная вещь. Изъ собственно историч. картинъ особенно замѣчательна по предмету — Судъ Любушинъ Гоффауера, старавшагося быть исторически вѣрнымъ и вѣроятно въ слѣдствіе такого старанія изобразившаго женщинъ немного дубковатыми. — Но довольно о картинахъ. — Г-нъ литераторъ приглашалъ отправиться съ нимъ въ Бубенчи, гдѣ сегодня гулянье; но я расчелъ, что это слишкомъ большой путь и воротился домой.

2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмецки. Имя его Фрейндъ.

3-е Мая. Воскресенье. Утро дома — до 4-хъ часовъ. Въ 4 — въ театръ. Давали Стрейчка Гурливурли, комедію Штепанька [1]), довольно глупую и довольно смѣшную, до того смѣшную, что публика изволила хохотать во все горло, и даже хлопать забывала. 4 дѣйствія я сидѣлъ на св[оемъ] мѣстѣ, а передъ пятымъ пошелъ въ ложу Шафарика и поговорилъ тамъ съ женою и дѣтьми. — Изъ театра домой, и пишу. — За нѣсколько дней передъ этимъ давали на Нѣмец. театрѣ Шиллерова Донъ-Карлоса. Маркиза Позу игралъ пріѣхавшій изъ Берлина Роттъ, а Филиппа II — Фишеръ. Фишеръ сыгралъ превосходно: что бы понять Шиллерова Филиппа не мѣшаетъ видѣть Фишера. Онъ постигъ этотъ характеръ и выражаетъ его такъ естественно, что публика во все время игры забывала одобрять актера, и единодушно вызвала уже по окончаніи пьесы. Не странно-ли: хлопаютъ одному (хлопали Ротту), а вызываютъ другаго! но мнѣ это очень понравилось. Фишера я не забуду.

[1]) Янъ Непомукъ Штепанекъ (1783—1844)—авторъ множества пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, большого литературнаго достоинства. Онъ былъ директоромъ Чешскаго театра въ Прагѣ. О его дѣятельности, какъ директора и режиссера есть нѣсколько словъ въ письмѣ И. И. С—го къ А. А. Краевскому (Отеч. З. 14. 104).

4-е Мая. Тра-ла-ла-ла! тра-ла-ла-ла! Хоть польку такъ готовъ танцовать. Не мудрено:—получилъ письмо отъ васъ (за № 1, Марта 18). Вотъ уже три раза прочелъ, и опять собираюсь читать, да и за отвѣтъ.—Вы хотите писать ко мнѣ каждыя двѣ недѣли! Боже мой, да это такая радость мнѣ, какой я и не ожидалъ. Послѣ этого я буду самъ себѣ завидовать.—И если ужъ такъ, то вотъ еще что: бумага ваша—самая почтовая; писавши на такой бумагѣ, Вы можете смѣло вкладывать въ конвертъ три полулиста, т. е. втрое противу того что написали въ № 1. Если самимъ не о чемъ будетъ писать, то—Амвросій Лук., Александръ Петр., Сем. Сем.[1]). А то напр. сегодня Амвр. Лук. подарилъ меня только надписью на конвертѣ, между тѣмъ какъ могъ бы написать страницъ пять. Очень бы хорошо дѣлалъ, если бы заранѣе написалъ поллиста да и принесъ бы къ Вамъ, а вы бы и отправили вмѣстѣ со своимъ. Такъ бы могъ сдѣлать и Ник. Ивановичъ[2]), и Сем. Сем. да и самъ Александръ Петр., чѣмъ собираться писать большое письмо, и до сихъ поръ не написать ни строки. Что до моего письма, то странно, если оно пропало: № 4 изъ Берлина былъ вложенъ въ одинъ конвертъ съ № 1 къ Рославскому изъ Галле и № 1 къ Костомарову изъ Лейпцига, и отправленъ изъ Лейпцига. Почты Саксонскія, кажется, устроены хорошо. На ваше письмо отъ 24 февр. былъ уже отвѣтъ, и вами теперь конечно полученъ.—Къ Генр. Ѳедор.[3]) писалъ, о чемъ и увѣдомлялъ Васъ, вѣрно въ № 4. Изъ Праги написалъ опять, получивши Ваше письмо отъ 24 февр. Искренно благодарю Miss Фанни[4]) за переписку пѣсни Новика. Ѳедору Ив. и Ефросиніи Ивановнѣ мой поклонъ. Очень радъ, что вамъ есть что читать. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы было что и играть. Узнавши возможность пересылки, я пришлю Вамъ нотъ отсюда и изъ Вѣны; объ этой же возможности Вы сами меня увѣдомите. Мелетію [5])—царство небесное. Онъ его заслужилъ. Честь и слава Кузину! [6]) Такихъ купцовъ тутъ нѣтъ. Тутъ не уважали бы и Архіепископа, если бы знали, что у него только 10 рублей въ карманѣ. Нашимъ профессо[рамъ] желаю веселиться; а о скучающемъ Амвр. Лук. жалѣю. Чего бы ему не придти ко мнѣ: домъ онъ знаетъ, могъ бы остаться и ночевать, а поговорить было бы о чемъ. Весело бы провели время. Только съ условіемъ: не забыть ничего Малороссійскаго, до котораго у меня Челяковскій большой охотникъ.—Кстати—пора къ нему.

---

[1]) А. А. Метлинскій. А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.
[2]) Н. И. Костомаровъ.
[3]) Юнкертъ.
[4]) Ф. С. Питра.
[5]) Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій (М. И. Леонтовичъ), магистръ С.П.Б. Духовной Академіи; былъ ректоромъ и проф. богословія въ Могилевской семинаріи; затѣмъ ректоромъ Кіевской Дух. Акад.; послѣ того былъ хиротонисанъ и епископствовалъ въ Перми, Иркутскѣ и наконецъ въ Харьковѣ; ум. 29 февраля 1840 г.
[6]) Извѣстный Харьковскій откупщикъ.

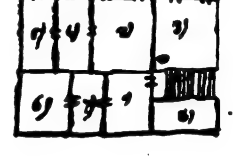
XXVI.

№ 14. Деревня Ярпица. 1840. Мая 10.

— Что это?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Отвѣчаю: Пора. Весна уже настала, развилась, разцвѣла,—время стоитъ прекрасное; а вашъ сынокъ хоть еще и очень дурно, но все уже говоритъ по Чешски, слѣдовательно можетъ начинать свои странствія по Чехіи. Вотъ онъ и началъ ихъ—поѣздкою въ Ярпицу.

Опишу все какъ можно подробнѣе.

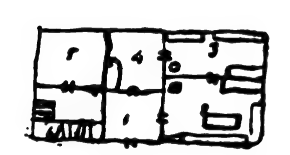
Третьяго дня заходитъ ко мнѣ Д-ръ Станекъ и говоритъ между прочимъ: — Не хотите ли вмѣстѣ съ нами прогуляться за городъ? миль за шесть отъ Праги?—Родной мой! Какъ не хотѣть! Хоть сейчасъ.—И такъ послѣ завтра. Прійдите ко мнѣ завтра вечеромъ, переночуете у насъ, а утромъ въ воскресенье, часа въ 4—въ дорогу.—Прекрасно.—Вчера въ 9 часовъ я былъ уже у Станька. Хоть Станекъ и не въ Ярпицѣ живетъ, но кстати описать и его бытъ. Вотъ его квартира (онъ живетъ въ 3 этажѣ, во второмъ подъ нимъ Палацкій) 1): передняя, 2) дѣтская +столовая, 3) гостинная, 4) кабинетъ, 5) спальня сестры жениной, 6) комнатка, 7) кухня, 8) чуланъ. Нѣтъ ни одной комнаты безъ кровати.

У Станька жена Нѣмка, сдѣлавшаяся Чешкою, дочка 7 лѣтъ, 2 сынка по 3—4 году и еще сынишка однолѣтокъ. Слечна (=барышня) Богуслава или, какъ обыкновенно называютъ, Тонинка, сестра жены, дополняетъ сѣмейство. Въ прислугѣ—три «дѣвечки». Комната подъ № 2 вся обставлена кроватками и вечеромъ въ ней едва-едва пройти можно. Гостинная всегда почти пуста. Станькова все съ дѣтьми. Станекъ то на визитахъ у больныхъ, то занимается. Станьковицъ Богуслава на всѣ руки: и въ кухнѣ, и за дѣтьми, и за фортопіано, и учится (хоть ей уже вѣрно лѣтъ 19), и шьетъ. Въ сѣмействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную,—и тутъ я не могъ не видѣть Славянской гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что. Въ 4-мъ часу я проснулся, сталъ одѣваться; въ № 2 было уже все на ногахъ,—и вотъ кто-то постучалъ въ дверь ко мнѣ. «Витамъ» (привѣтствую)—отвѣчалъ я на этотъ вопросъ. «Вы уже встали?»—говорила мнѣ слечинка. «Пора въ дорогу».—«Я готовъ».—Ну, такъ милости просимъ «снидати»: кофе на столѣ. Я вышелъ—напились кофе, и поѣхали—Станекъ, Станькова, дочька, старшій сынокъ и я: слечинка осталась дома

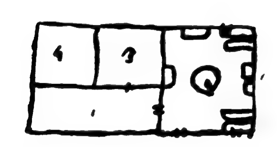
хозяйничать, хоть и разбудила всѣхъ и сама уложила въ коляску все что предполагалось взять въ дорогу.

Лошади были добрыя, мы ѣхали скоро, болтали, любовались видами— было весело. Нашъ путь былъ въ Раковницкій край (уѣздъ) на сѣверъ, съ горы на гору, и все ближе къ горамъ. Виды прелесть. Взъѣхавши на Бѣлую гору, мы остановились, и глядѣли долго: на югѣ Прага съ окрестностями, на востокѣ и сѣверѣ въ синей дали Исполиновы горы, кругомъ удолья и горы: чудесная панорама. Въ половинѣ X-го мы были въ городѣ Сланомъ и остановившись у солянаго источника, напились воды. За Сланымъ спустились въ долину и ѣхали ею черезъ холмы и горки до Ярпицы. Въ верстѣ отъ Ярпицы проѣзжали мимо церкви св. Исидора, гдѣ сегодня «славность» и «путь» (праздникъ и богомольствіе), и съ трудомъ пробрались сквозь толпу народа. Ѣхали-жъ мы въ Ярпицу къ Станьковымъ роднымъ. Радости и привѣтствіямъ не было конца, приняли и меня, какъ роднаго. Домъ, куда мы пріѣхали принадлежитъ отчиму Станька, богатѣйшему изъ Ярпицкихъ селянъ. По случаю праздника къ нему съѣхались родные со всѣхъ сторонъ. Домъ его построенъ по общему обычаю здѣшнему изъ камня, въ два этажа и оштукатуренъ снаружи и внутри. Вотъ расположеніе нижняго этажа.

1) сѣни, 2) гостинная или что наз. по Малор. хата, 3) кимната, 4) кухня (съ очагомъ), 5) чуланъ 6) ходъ на верхъ.

Все чисто, прекрасно. Въ гостинной по стѣнамъ лавки и передъ ними столъ, накрытый скатертью. По стѣнамъ картинки, двое стѣнныхъ часовъ. Кимнатка наполнена кроватями изъ березы подъ лакомъ. Въ кухнѣ также чисто какъ въ комнатѣ, и кушанье варится на чугунномъ листѣ, разогрѣваемомъ снизу. На верху:

1) сѣни съ кроватями, 2) комната холодная, 3, 4) чуланы.

Комната убрана прекрасно: тутъ 4 кровати подъ лакомъ, два коммода изъ березоваго корня подъ лакомъ и съ бронзою, накрытые цвѣтными салфетками, два шкафа подъ лакомъ, въ серединѣ березовый круглый столъ, на коммодахъ картинки, восковыя свѣчи, изваянія Божіей Матери, часы, на стѣнахъ картинки и образа (очень бѣдные). Сѣмейство: старикъ, у старика сынъ съ женою и ихъ 10 недѣльная дочька, прислуги много, потому что старикъ содержитъ господу (шинокъ). Къ нему пріѣхали мать жены съ сыномъ, двѣ племянницы, а изъ ближняго селенія пришли мужья дочерей его съ дочерьми. Одежда: мужчины всѣ въ сертукахъ, фракахъ и пр. по городскому, и довольно богато. Что до женщинъ, то онѣ одѣты различно, сходствуя только тѣмъ, что всѣ

въ шнуровкахъ. Молодая хозяйка одѣта такъ: ситцевая розовая юбка (сукня), голубой передникъ, шнеровачка на тальи такъ: съ портами (позументомъ) у пояса, безъ рукавовъ, а коро теньkiе рукава кошили (рубахи) покрываютъ руку только въ верху; на шеѣ шелковый голубой блаточекъ; на головѣ малиновый кашемировый платокъ по Курски такъ: на ногахъ башмаки. Мать хозяйки одѣта также, только шне ровачка черная плисовая, дочь дѣвушка также, только голова не покрытая, и волосы зачесаны по городскому. Прiѣзжiя другiя въ сукняхъ, передникахъ, а на тальѣ шпенцеръ съ коротенькими полками подъ поясомъ и съ широкими рукавами; голова зачесана на манеръ XVIII вѣка—коса подъ косой, такъ: на волосахъ туго накрахмаленный кружевной чепецъ. На шеяхъ у всѣхъ или крестъ, или монета золотая, или кораллы. Че резъ полчаса былъ готовъ кофе, и къ нему поданы колачи (сдоб ные пирожки съ творогомъ или съ вареньемъ) и бухты (булочки) изъ бѣлой пшенич. муки. — Потомъ мы поѣхали къ обѣднѣ, къ св. Исидору. Впрочемъ въ церковь пробраться было нельзя. Мы ходили вокругъ мимо лавочекъ, гдѣ продаютъ дѣтскiя игрушки, пряники, рогликн, мандловки (миндальные хлѣбцы), гоуски, цукерладки (конфеты) и т. д. Дѣти бѣгаютъ и свистятъ: въ праздникъ такого роду всякiй изъ нихъ непремѣнно получитъ свистелку. Заходили въ крипту (могильный домъ) князей Кинскихъ, недавно отстроенный, довольно большой, довольно красивый, съ камен. статуями, но еще не освященный и потому пустой: послѣзавтра будутъ святить и потомъ переносить гробы изъ могилы сюда. Воротившись, мы пошли съ Станькомъ по знакомымъ селянамъ. Постройка домовъ у всѣхъ одинакова, только бѣднѣе. У нѣкоторыхъ жилье въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ коморы. Когда пришли домой, въ господѣ играла уже музыка (господа въ одномъ дворѣ съ домомъ хозяина): парни и дѣвушки (гохи и голки) танцовали—польку подъ звуки скрипки, баса, флейты и еще чего-то тà-та, тà-та, тà-та—быстро и рѣзво. Я пошелъ туда. Между парнями есть молодцы, между голками ни одной хорошенькой и стройной, и шнуровки не помогаютъ. Въ 3-ъ часу сѣли за обѣдъ, что продолжалось до 5 часовъ съ $^1/_2$. Мы занимали первыя мѣста. Хозяева молодые не садились, а угощали. Началось дѣло супомъ, свареннымъ превосходно, потомъ нѣсколько соусовъ, потомъ нѣсколько жаркихъ, потомъ салатъ. И миска и блюда кружили по столу. Тарелки фаянсовыя съ цвѣтами. Стаканы съ цвѣтами. Ложки серебренныя. Пиво. Можно было объѣсться и обпиться, если-бы слѣдовать просьбамъ хозяевъ. Послѣ обѣда кофе. И потомъ я пошелъ со старикомъ осматривать его хозяйство—стодолу (гумно), машталь (коровницу), яблочный садъ, огородъ: всюду видно довольство, изобилiе. Потомъ засѣли съ нимъ и съ другими селянами за

пиво и давай расказывать о житьѣ-бытьѣ, объ обрядахъ, обычаяхъ и т. д. Я имъ разсказываю, что у насъ есть, а они мнѣ, что у нихъ, и приговариваютъ: чудное дѣло! за 400 миль, а то же, что и здѣсь.—Земли всѣ принадлежатъ аристократамъ. Мужикъ, имѣющій 60 стриховъ земли (стрихъ= 800 саговъ, изъ которыхъ въ каждомъ 9 локтей квадратныхъ) есть седлакъ и долженъ работать на господина 3 дни въ недѣлю; если имѣетъ менѣе, то работаетъ 1 день въ недѣлю и наз. халоупникъ; если не имѣетъ совсѣмъ земли, а только домикъ, то домкрь, и работаетъ 13 дней въ годъ, если и домика не имѣетъ, то подругъ (бродяга) и работаетъ также 13 дней въ годъ. Седлякъ лицо почетное, а подругъ чаще всего дѣлается жебракомъ (нищимъ) и ходитъ или съ сумою или съ арфою, или съ коловраткою (органомъ-шарманкою). Поминаютъ Императора Іосифа и не любятъ теперешняго. Господами своими хвастаются. Обрядовъ и сказокъ пересказывать не у мѣста—и спать хочется.

Прага, 1840. 12 Мая.

Вчера мы воротились въ 4-мъ часу послѣ обѣда. Поспѣшили потому что заболѣлъ сынокъ Станька и теперь ему очень дурно. Станекъ былъ у меня и говорилъ, что жена его и Тонинка не спали цѣлую ночь у постѣли малютки. А прогулка наша была прекрасная. Со счастливаго начала хочу почаще такъ дѣлать. Уже одна есть впереди—къ Винаржицкому [1]) съ Челяковскимъ, и еще одна къ другому священнику за Мельникъ съ Станькомъ.

Завтра приглашенъ на музыкальный вечеръ къ Томашку [2]).

Цѣлую вашу ручку и поздравляю съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела.

Поклонъ всѣмъ и каждому.

Из. Срез.

Слѣдовало бы написать и еще листокъ; но не успѣю, да и не о чемъ [3]).

XXVII.

№ 15. Прага, 1840.

14 Мая. Вчера былъ музыкальный вечеръ у Томашка, вечеръ для меня,—и меня тамъ не было! Досада да и только. Въ Вторникъ приходилъ ко мнѣ Ганка съ приглашеніемъ, и, давши письмо Погодина Шафарику, для передачи ему, сказалъ между прочимъ, что-бы я увѣдомилъ Шафарика и о вечерѣ. Я было

---

[1]) Karel Alois Vinařicky—почтенный Чешскій литераторъ и ученый,—фараръ Кованскаго прихода (1802—1869); онъ извѣстенъ какъ переводчикъ Греческихъ и Римскихъ поэтовъ. И. И: Ср—ій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о замѣчательномъ по стиху поэтѣ. См. также Донесеніе И. И. С. изъ Вѣны 8 Февр. 1841 г. (Ж. М. Н. Пр. 1841 г. № 8).

[2]) Václav Tomášek—извѣстный Чешскій музыкантъ и композиторъ (1774—1850).

[3]) Приписка на полѣ.

собрался идти къ Шафарику, но пришелъ Станекъ, потащилъ къ Фричовымъ [1]); тамъ меня удержали до вечера — и я у Шаф. не былъ. Вчера — утро просидѣлъ дома, вовсе забывши о вечерѣ, а послѣ обѣда пришолъ Челяковскій и просидѣлъ до 1/2 шестаго. Проводивши Челяковскаго, я пошелъ къ Шафарику, совѣстясь идти къ Томашку, не сказавши ему о томъ, да и вовсе не предполагая, что вечеръ для меня, слѣдовательно думая, что если неудобно быть на этотъ разъ, то буду въ другой. Съ Шафарикомъ разговорились, — и уже въ 8-мъ часу я могъ ему сказать о Томашкѣ. «Вы званы?» — Да. — «Что-же вы не пошли?» — Совѣстно было идти, не сказавши Вамъ. — «Ай, ай, ай! А Ганка вамъ не сказалъ, для кого этотъ вечеръ»? — Нѣтъ. — «Ну, такъ онъ самъ виноватъ. Томашекъ честолюбивый человѣкъ: онъ дѣлалъ это для васъ. Жаль!» — Я почесалъ въ головѣ, и остался у Шафарика, потому что идти уже было поздно. — Сегодня утромъ приходитъ Станекъ, и говоритъ мнѣ, что меня тамъ долго ждали, что онъ хотѣлъ было взять фьякръ и ѣхать за мною, но что всю вину онъ взялъ на себя, сказавши Томашку, что обѣщалъ зайдти за мною, и забылъ. Вечеръ былъ прекрасный. Дочь Томашка пѣла пѣсни изъ Краледв. рукописи, Томашекъ много говорилъ о музыкѣ народной. Время прошло весело. Послѣ обѣда я пошелъ къ Ганкѣ, и еще разъ досадовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Томашекъ хочетъ сдѣлать еще разъ вечеръ, когда пріѣдетъ Докторъ Гай. —

15-е Мая. — Утромъ сегодня былъ у Ганки въ Музеумѣ, послѣ обѣда у Челяковскаго и потомъ въ театрѣ вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ давали опять l'Elisire d'Amore, и Подгорская снова восхищала всѣхъ своимъ роскошнымъ голосомъ и умѣньемъ управлять имъ.

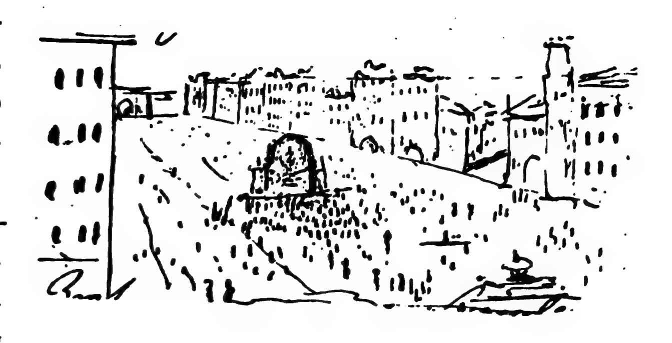
16-е Мая. Суббота. Воротившись изъ обѣдни, сажусь въ ожиданіи обѣда за газеты, вдругъ дверь отворяется, и хозяйскій сидѣлецъ подаетъ письмо... Боже мой, изъ Харькова! Да эдакъ я пожалуй и избалуюсь, душенька Маменька! Теперь Вы пишете ко мнѣ чаще, нежели я къ Вамъ. Цѣлую Вамъ ручку за это, милая Маменька. Можетъ быть въ Прагѣ только мнѣ и побаловаться, а тамъ... Впрочемъ можетъ быть и нѣтъ. Сколько до сихъ поръ знаю, думаю, что путешествіе мое не будетъ быстробѣгучее. Для избѣжанія лишнихъ издержекъ въ пути, конечно, лучше переселяться изъ города въ городъ, изъ страны въ страну; но такое путешествіе выгодно для того, кто хочетъ любоваться, а не изучать что нибудь. Для меня же гораздо лучше засиживаться въ одномъ городѣ, и изъ него дѣлать вылазки въ окрестныя страны. Въ Прагѣ, я думаю, останусь до осени; а потомъ въ Вѣну... кажется зимовать буду въ Вѣнѣ, гдѣ можно найдти довольно и Чеховъ и Словаковъ, и разнаго рода Иллирійцевъ. — Какъ бы то ни случилось, однако, Вы будете знать,

[1]) Вѣроятно семейство Фрича (Josef Frič), адвоката и профес. юридическихъ наукъ.

Маменька, гдѣ я; а пока узнаете, пишите письма въ Прагу, и лучше на имя Ганки или Шафарика.—

Между тѣмъ надобно написать Вамъ нѣсколько словъ и о «славности», которую теперь празднуетъ Прага. Сегодня день св. Іоанна Непомука. Я уже, кажется, писалъ Вамъ, что великолѣпная серебрянная рака его есть одно изъ блестящихъ украшеній Собора св. Вита. Іоаннъ Непомукъ былъ Пражскимъ священникомъ и по повелѣнію короля Вячеслава сверженъ въ Молдаву съ моста. Въ 1729 г. онъ былъ канонизированъ, т. е. причисленъ къ лику святыхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ патроновъ Чехіи, наиболѣе чтимыхъ всѣми Чехо-Славянами. Едва ли можно найдти въ цѣлой Чехіи домикъ, въ которомъ бы не было его статуи. Въ Прагѣ же не только въ домахъ, но и на домахъ видите эти статуи. Кстати. Прага въ отношеніи религіозномъ похожа на Бенэресъ; не только множество церквей, часовень и прочихъ молитвенныхъ мѣстъ, но во всякой улицѣ вы найдете передъ чѣмъ стать на колѣна и молиться,—на однихъ изъ домовъ въ самой серединѣ, между окнами бель-этажа, нарисованъ огромный образъ, на другихъ то-же въ серединѣ, въ нишѣ, или на углу статуя какого нибудь святаго, или Божіей Матери, или распятіе; даже на площадяхъ стоятъ всюду такія статуи. Словомъ куда ни оборотитесь—или образъ, или статуя. Изъ статуй всего чаще статуи св. Іоанна Непомука. На праздникъ его стекается народъ въ Прагу не только со всѣхъ сторонъ Чехіи, но и изъ Моравіи, изъ Венгріи, Тироля и такъ далѣе. «Венковскій» (=не живущій въ Прагѣ) народъ копитъ деньги на это странствіе въ Прагу цѣлый годъ, и на 40 миль вокругъ Праги нѣтъ человѣка, который бы хоть однажды не былъ въ Прагѣ въ день св. Іоанна Непомука. И какъ идетъ этотъ народъ въ Прагу. Съ каждаго прихода люди рѣшившіеся идти въ Прагу, собираются вмѣстѣ, и взявши изъ церкви знамя процессіей идутъ, всю дорогу напѣвая пѣсни св. Іоанну. Уже въ Четвергъ, шодши въ Музеумъ, я встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько такихъ процессій. Вчера я также былъ въ Музеумѣ, и ходилъ съ Ганкою въ церковь Вита. Дворы дворца, черезъ которые надобно идти къ церкви, были уже полны. Тутъ и Штевницкіе Словаки въ костюмахъ Вамъ извѣстныхъ, и Словаки изъ горъ въ бѣлыхъ шляпахъ и плащахъ, и Мораваны въ синихъ шинеляхъ, и Ганаки въ синихъ курткахъ и малиновыхъ панталонахъ, и Чехи во фракахъ и кожаныхъ штанахъ, и женщины въ раз. костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывалъ въ прошломъ письмѣ. Мостъ, украшенный между прочимъ также бронзовою статуей Іоанна также былъ полонъ. Въ 6 часовъ при громѣ пушекъ было совершено на мосту молебствіе передъ статуей, которая по этому случаю была украшена балдахиномъ въ родѣ алтаря, и по захожденіи солнца освѣщена множествомъ цвѣтныхъ фонарей. Такая же статуя стоитъ и на моемъ Конскомъ торгу; и она также

была украшена. Вчера вечеромъ, возвратившись изъ театра, я занимался, а по площади неслись отъ мѣста гдѣ статуя, звуки пѣсни колѣнопреклоненнаго передъ нею народа. Я выглянулъ въ окошко—и загладѣлся. Середи площади

статуя, украшенная олтаремъ горитъ фонарями, во всѣхъ окнахъ домовъ горятъ свѣчи, мѣсяцъ свѣтитъ изъ за тучъ. Площадь полна народомъ,—и всюду поютъ. Зрѣлище для меня необыкновенное и поразительное.

Сегодня въ 8 часовъ утра я вышелъ изъ дому въ Музеумъ, что бы съ Ганкою вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, которую въ 11 часовъ долженъ былъ служить Архіепископъ. Обыкновенно иду я изъ дому до Музеума 20 минутъ или 25; сегодня шелъ цѣлый часъ; потому въ Іезуитской улицѣ, не доходя до моста, по мосту, и за мостомъ до самаго замка, особенно на сходцахъ должно было, за множествомъ народа, подвигаться шагъ за шагомъ. Все это мѣсто будто одна церковь. Иногда надобно было продираться, особенно тамъ гдѣ народъ стѣснился около лавочки, гдѣ продаютъ молитвенники и образа, слушая пѣсни продавицъ; а такихъ лавочекъ на однихъ сходцахъ и около нихъ около 100. Каноникъ Пешина [1]), съ которымъ я познакомился въ собраніи Музеума, бывшемъ недѣли за двѣ, далъ мнѣ билетъ на хоры, и мы получили съ Ганкою прекрасное мѣсто: видно было и алтарь и народъ. Нѣчего говорить, что церковь была биткомъ набита, и не только церковь—три огромныхъ двора дворца также. Такое стеченіе народа я видѣлъ въ Россіи только тогда, когда, помните, встрѣчали мы въ Харьковѣ Императрицу. Передъ обѣднею Пешина читалъ проповѣдь, и при концѣ ея народъ рыдалъ. Служба шла своимъ чередомъ великолѣпно и въ сопровожденіи музыки и пѣвчихъ. Мы не дождались конца и вышли.—Теперь уже семь часовъ вечера. Еще Конскій торгъ полонъ народа; но уже многіе идутъ изъ Праги. Завтра будетъ все пусто. Различ. процессій описать нельзя. Вотъ для примѣра одно. Часу въ четвертомъ, когда у меня еще сидѣлъ Челяковскій, услышали мы необычайно громкій голосъ пѣсни, и подошли къ окну. Видимъ, что толпа человѣкъ 500 идетъ и поетъ пѣсню, а впереди несутъ къ олтарю св. Іоанна статую Божіей Матери на носилкахъ такой формы:

[1]) Pešina, Václav Michal (1782—1859)—проповѣдникъ и писатель-богословъ.

Кстати сказать: Чехи очень любятъ духовныя пѣсни и имѣютъ ихъ болѣе нежели обыкновенныхъ пѣсенъ.—Многое мнѣ кажется страннымъ въ католическихъ обрядахъ; но когда вспомнишь о благоговѣніи, съ которымъ исполняются они народомъ, чувство овладѣваетъ душою. Нельзя не чтить обряда, исполняемаго по внушенію души, жаждущей молиться.—

Сегодня я былъ опять въ театрѣ. Давали глупую, но простонародную комедію, и хохоту было въ театрѣ много. Завтра опять будетъ даваться Чешская пьеса—опера Іесонда. Опять пойду. Не хочу опустить ни одного Чешскаго представленія; а онѣ уже скоро кончатся. Лѣтомъ Чешская сцена закрыта. Остается только пять представленій, какъ сказалъ мнѣ Шафарикъ, съ которымъ мы шли изъ театра вмѣстѣ.—

Завтра хотѣли мы съ Челяковскимъ идти на Шарку, верстъ за 7 отъ Праги; но погода непостоянная заставляетъ отложить до времени это странствіе. А погода удивительно непостоянна: вчера, шедши въ театръ, нельзя было думать о дождѣ; а, выходя, принуждены были съ Станькомъ взять фіакръ. Сегодня послѣ обѣдни тоже грянулъ дождь, и если бы на мнѣ не было каучуковаго пальтона, который я купилъ вмѣсто плаща, то промокъ бы до костей. Теперь опять свѣтло и сухо.

Прощайте, Маменька.

Из. Срезн.

20-е Мая. Сейчасъ получилъ Ваше письмо съ приписками друзей моихъ и не могъ не заплакать. Съ какою бы радостію прижался я къ груди Вашей. Словами высказать моей благодарности не могу.—

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Марѳѣ Ивановнѣ, Марьѣ Ѳедоровнѣ Miss Fanny, Марьѣ Андреевнѣ, Григорію Григорьевичу [1]).

Мое почтеніе ...[2]) Петров. и его батюшкѣ, Ивану Петровичу и т. д.

Надинька [3])! Аууууууу! — Ну ка въ Прагу. Я бы познакомилъ какъ разъ съ Боженой (дочерью Станька), съ которою мы иногда играемъ въ куклы. —Ахъ, и забылъ, что Наденька не играетъ. А. Божена не меньше.

Добрый Амвр. Лукіановичъ замѣтилъ мнѣ, что я чѣмъ то огорчилъ Васъ въ одномъ изъ писемъ моихъ. Душевно благодарю его,—а у Васъ, душенька Маменька, прошу прощенія, хоть право въ головѣ не было ни малѣйшаго помысла огорчить Васъ.

Пожалуйста не сердитесь, Маменька, на меня за письмо, которое Васъ огорчило.

---

[1]) М. И. Фидлеръ, М. Ѳ. Питра, Ф. С. Питра, М. А. Аничкова, Г. Г. Фидлеръ.

[2]) Слово не разобрано.

[3]) Н. Топчіева,

XXVIII.

№ 16. Прага. 1840. Мая 28.

Вы не осердитесь, милая Маменька, что я начинаю это письмо на лоскуткѣ: скупость! Когда разрѣзывалъ бумагу, задумался, и разрѣзалъ не такъ, какъ надо. Что-жъ, не бросить-же его! Притомъ-же больше этого листка и не придется написать изъ Праги, потому что....завтра въ 12 часовъ ѣду въ Болеславь (на картѣ Вы найдете Бунцлау на СВ отъ Праги). Винаржицкій, одинъ изъ почетнѣйшихъ литераторовъ Чешскихъ, фарарем (начальникомъ прихода, священникомъ) въ Ковани, недалеко отъ Болеслави, и боленъ очень. Станекъ уже ѣздилъ къ нему, не сказавши мнѣ; теперь ѣдетъ опять, и я не упускаю случая. Можетъ быть уже другаго случая не будетъ мнѣ побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Слѣдующій листокъ буду уже конечно писать изъ Ковани или Болеслави.

О чемъ-же писать теперь?—Теперь 9 часовъ. Отрядъ солдатъ переходитъ черезъ Конскій торгъ съ музыкою—и напоминаетъ мнѣ о музыкальности Праги. Вотъ достоинство, которое ни врагъ у нея не отниметъ. Прага языкомъ можетъ молчать, но инструментомъ и гортанью—не въ силахъ, и нѣтъ минуты ни днемъ ни ночью, когда бы Вы не слышали какой-нибудь мелодіи. На Конскомъ торгу то (обыкновенно утромъ рано) идутъ сотни мальчиковъ и дѣвочекъ изъ школы въ церковь или обратно съ знамёнами и крестами и поютъ духовную пѣснь; то везутъ мертваго воина (солдата и офицера), и передъ гробомъ идутъ солдаты и музыка играетъ погребальный маршъ; то разводъ; то (обыкновенно вечеромъ) передъ домомъ какой нибудь слечинки (барышни), наканунѣ дня ея рожденія, пѣвцы поютъ ей серенаду, желая ей долголѣтія, здравія и всего; то (обыкновенно) позднимъ вечеромъ ворочается съ гулянья стая молодцовъ и поетъ народную пѣсню или арію изъ оперы, или романсъ; а въ промежуткахъ слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играетъ какая нибудь слѣпая, то кларнетъ, то скрыпку, то фортепіано, то то, то другое. Выходите изъ дому, когда хотите и куда хотите,— и вы музыки не минуете. Коловратки надоѣдаютъ, арфъ не пересчитаешь, пѣвуней сколько домовъ и этажей, а въ садахъ каждое послѣ обѣда концерты, въ церквахъ же каждый день органы, въ шинкахъ, самыхъ худшихъ даже, хоть одноглазый басистъ съ беззубой пѣвицей или слѣпою арфисткой, а все таки потѣшаютъ почтеннѣйшую публику. И замѣтьте—тактъ разъ—два, разъ—два чаще всего. Люблю Прагу за ея музыкальность столько же, сколько сожалѣю о ней за мотовство на наряды. Дворянки хотятъ отличиться отъ мѣщанокъ богатствомъ наряда; мѣщанки этого не хотятъ и тянутся изо всѣхъ силъ за ними; — и пошло. Напр. что это

идетъ вся въ атласѣ и блондахъ, перекинувши черезъ руки богатую шаль, идетъ точно живая модная картинка? Это мамзель Панна, дочь угольной продавицы табаку, которая сидитъ и спитъ цѣлый и каждый день въ шкафикѣ со стеклушкомъ, и сквозь него отпускаетъ проходящимъ трубку за гривну, табакерку за три гроша, и т. п.

Ай! Моя бумага и самъ не знаю какъ склѣилась. Тѣмъ лучше. Не знаю только какъ склѣить съ тѣмъ, что уже написалъ, то, что еще взошло мнѣ въ голову. Вотъ что. Еще особенность Праги: лотореи. Каждую недѣлю розыгрывается казенная лоторея, и объявленія объ этомъ можно читать на каждомъ углу, а билеты доставать почти въ каждой лавочкѣ. Гдѣ вѣчные зрители, гдѣ эти зрители чаще застаиваются? тутъ, у этихъ лавочекъ. Всѣ, всѣ испытали эти горькія неудачи,—и между тѣмъ надежда манитъ, ослѣпляетъ, судорожно сцѣпляетъ руку въ карманѣ, судорожно выбрасываетъ ее изъ кармана съ деньгами за билетъ, обманываетъ—и снова манитъ. Я уже не разъ становился въ рядъ этихъ деньголюбцевъ, чтобъ смотрѣть на игру физіогномій, прислушиваться къ шопоту и ворчанью. Бѣдные!.. А правительство знаетъ, что пускаетъ этими лотореями по миру десятки еженедѣльно, не говоря уже о развратѣ сердца,—и между тѣмъ торгуетъ, отдавая содержаніе этихъ лоторей на откупъ Жидамъ. Музыкальность, любовь наряжаться, страсть къ лотереямъ и наконецъ—богомольство (очень кстати!): вотъ 4 сторонки квадрата, между которыми мечется сердце жителя Праги.—Проиграетъ еще гульденъ, съ горя помолится, развеселится, пріодѣнется, заслушается музыки и опять къ лотореѣ!—

Венеція (по Чешски Бенатки) 29-го Мая.

— Венеція?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Да, Венеція... И какъ близко отъ Праги—только 5 миль—35 верстъ! Выѣхавши изъ Праги въ полдень, мы пріѣхали сюда въ 6 часовъ. А право Венеція—Бенатки, какъ и на Адріатическомъ морѣ. Впрочемъ объ этой Венеціи нечего писать. Дрянной городокъ—да и только. Тѣмъ хуже показался мнѣ онъ, что въ немъ почмейстеръ содралъ съ насъ за пару лошадей до Совинки—2 гульдена серебромъ. До сюда мы ѣхали въ штельвагенѣ, чудномъ экипажѣ, который описывать нѣкогда. Пьемъ молоко и ожидаемъ, что подъѣдутъ лошади. Пріѣхали.—

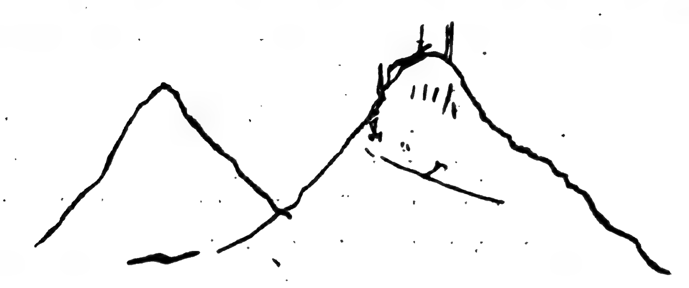
Кованъ. 12-й часъ ночи. Послѣ ужина.

Доѣхавши до Совинки на почтовыхъ, мы получили здѣсь отъ управителя дрожки до Ковани, и управитель этотъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ пользоваться лошадьми цѣлый завтрашній день для осмотрѣнія окрестностей. Насъ приняли у Винаржицкаго какъ родныхъ. Ему лучше; но все еще

лежитъ. Онъ не ожидалъ меня и обрадовался. Старикъ—отецъ его и дѣвушка—дочь угостили насъ по Славянски.— Ложусь спать, потому что завтра въ 4 часа долженъ ѣхать на гору Бездесъ и далѣе.—

Подъ Бездесомъ. Трактиръ. 30 Мая.

Еще я пьянъ, чуть не помѣшанъ. Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя отъ наслажденія, и до сихъ поръ передъ глазами все онъ. Гляжу въ окно и вижу: Эта гора

будетъ можетъ быть въ четверо выше Хорошевской [1]). Можете представить, что съ нее видѣть. Луга лѣса, десятки деревень, селъ и городовъ,—и горы—Исполиновы рисуются на границахъ горизонта, выступая все ближе и ближе отдѣльными вершинами, то голыми, то поросшими лѣсомъ, съ замками на высотахъ. Въ ясную погоду можно видѣть до Праги, и за Прагу. И теперь ясно; но рано, туманъ. Надѣюсь Вы скоро будете читать подробное описаніе этой поѣздки моей, и теперь молчу. Надобно похолодѣть.—Ѣду далѣе.

У подошвы Габихштейна.

Вы видали этотъ Габихштейнъ на картинкѣ. Помните—на горѣ гора въ видѣ корабля, и на вершинѣ замокъ, такъ:

У подошвы этой горы въ гостинницѣ сижу я теперь и пишу пока подадутъ кофе. Напьюсь, и на гору. Очень радъ, что могу побывать въ этихъ мѣстахъ такъ, какъ случилось. Винаржицкій далъ мнѣ проводника, который всюду былъ и все знаетъ. Кстати о томъ, какъ приняли меня у него. Не пробило сегодня еще и 4 часа, какъ въ двери стукъ-стукъ. Я былъ уже одѣтъ. Отворяю: сестра Винарж. несетъ кофе. Бѣдненькая, она должна была встать прежде меня, чтобы приготовить. Я благодарилъ какъ умѣлъ; но что значатъ слова благодарности передъ этою гостепріимностію,—и если бы Вы видѣли, съ какимъ радушіемъ было дѣлано это. Нельзя не замѣтить и о житьѣ-бытьѣ его. Если всѣ священники помѣщены такъ, то нельзя не по-

---

[1]) Около Харькова; на ней находится женскій Хорошевскій монастырь.

жалѣть, что у насъ... отъ этого еще далеко. Прекрасный двуэтажный домъ у церкви, очень мило меблированный,—годился бы для любаго города. И всего въ довольствѣ.—Одиннадцать. Пора идти на гору. Кучеръ и проводникъ допиваютъ свой кофе. Маменька, гдѣ вы? Пойдемъ! Взойдти можно, говорятъ, совершенно безопасно, даже покойно. Пойдемъ!..

Воротившись.

Удивительно. Казалось бы, что такъ создать могла одна фата-моргана и то на нѣсколько минутъ. Вотъ вамъ вѣрный снимокъ одной изъ профилей: И со всѣхъ сторонъ обходя эту скалу вы идете подъ нею, часто такъ, что если бы и обвалился камень сверху, то и не тронулъ бы васъ. Вверху камень очень крѣпокъ, внизу, въ основанiи этой дивной скалы, мягокъ, такъ что его ломаешь въ рукѣ и ломая растираешь въ песокъ. Морское происхожденiе скалы слишкомъ очевидно; всюду видны отпечатки черепашекъ и рыбьихъ перьевъ. На верху скалы остаются остатки стѣнъ и валяются черепки и угли. Замокъ сгорѣлъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ скалѣ прорублены ямы, проходы, цѣлыя залы, былъ и колодецъ.—А что съ Вами, душенька Маменька, могли бы мы все видѣть, то это совершенная правда. За два года, когда кто хотѣлъ всходить на скалу, то надобно было приставлять лестницу; теперь сдѣлана башня, и въ ней сдѣлана прекрасная витая лестница, которою всходите безъ усталости на первый ярусъ; на самый верхъ тоже безъ усталости всходите по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Какъ бы прекрасно было, если бы все Курежское наше общество собралось здѣсь и погуляло бы... Я былъ бы проводникомъ. И какой видъ сверху, и какъ всего много, чѣмъ можно любоваться. А то—теперь я одинъ записалъ свое имя въ памятной книгѣ.—Я хотѣлъ было вырѣзать и свое имя на скалѣ, но ножъ не хватилъ, а гвоздя не было.

Кованъ. Понедѣльникъ.

Вчера въ половинѣ пятаго я былъ уже опять въ Ковани. Станекъ уже уѣхалъ въ Прагу,—и я остался одинъ въ гостяхъ. Посидѣвши съ Винаржицкимъ, я пошелъ съ отцомъ его, добрымъ старичкомъ, и прежнимъ проводникомъ моимъ оглядѣть окрестности Ковани и житье здѣшнихъ седлаковъ. Равнина, на которой стоитъ Кованъ, заставляетъ думать что глядѣть не на что; но вышедши 20 шаговъ изъ деревни видишь совсѣмъ другое: между Кованью и ближнимъ селомъ Скальскимъ лежитъ долина такъ глубокая, что

ея берега выше Хорошевской горы. Долина извивается разнообразно и дѣлится на отроги. Дикія скалы стѣнами и башнями торчатъ всюду, изъ подъ нихъ бьютъ ключи и журчатъ по долинѣ. Словомъ чудная природа, превосходное гулянье. Мы бродили по горамъ, по долинѣ часа три. Старикъ воротился домой, а я съ проводникомъ въ Подскальское, гдѣ два седляка выстроили недавно два новыя строенія для хозяйства, что стоило посмотрѣть. Оглядѣли и потомъ пошли по селенію, заходя въ домики то напиться воды, то спросить гдѣ живетъ тотъ или другой, нѣтъ—подъ какимъ нибудь другимъ предлогомъ. Я замѣтилъ всюду чистоту, опрятность. Нѣтъ ни одной избы не оштукатуренной. Домиковъ еще много деревянныхъ, но теперь уже запрещено ст[р]оить деревянные: камней пропасть, черепица не дорога, и строится разъ навсегда, безъ боязни пожара.—Но это-ли Славянское Воскресенье—все тихо, никого не видно. Женщины Богъ знаетъ гдѣ, а мужчины у пивовара за пивомъ играютъ въ карты. Только дѣти собрались на площадкѣ и играютъ въ «поцѣлуи».—Сегодня черезъ полчаса иду пѣшкомъ въ Болеславь и оттуда далѣе ѣду.

Л и б у н ь. Среда, 3-е Мая [1]).

Цѣлыхъ двое сутокъ не принимался за перо. Право, времени не было: то то, то се. И вотъ въ нѣсколькихъ словахъ отчетъ, какъ прошли для меня эти два дни. Въ Понедѣльникъ въ началѣ 9-го я простился съ Винаржицкимъ, и въ путь пѣшкомъ изъ Ковани въ Болеславь, и не прямою дорогой, а тропинкой. Болѣе полутора часа шли мы (съ проводникомъ) по долинѣ извивающейся изъ Ковани на югъ къ рѣкѣ Изерѣ; потомъ еще около полутора часа по берегу Изеры вверхъ. Надобно было спѣшить въ Болеславь чтобы успѣть занять мѣсто въ Болеслав. дилижансѣ; а потому, проходя мимо 7 деревенекъ, заходили то въ тотъ, то въ другой домикъ только на нѣсколько минутъ. Три часа прошли незамѣтно. Въ одиннадцать Болеславь была передъ глазами; въ половинѣ 12-го я уже былъ на почтѣ. Взявши билетъ, я пошелъ бродить по городу. Болеславь хоть и Крайскій городъ, но довольно нечистъ и нехорошъ, и притомъ малъ такъ, что въ полчаса я обходилъ все лучшее. Потомъ пообѣдалъ и въ часъ пополудни поѣхалъ по дорогѣ въ Ичинъ до Соботки. Это всего три мили. Въ 4 часа мы были въ Соботкѣ. Оставивши верхній кабадъ и портфейль въ гостинницѣ я пошелъ къ Декану Ветешнику [2]), самъ не зная, останусь ли въ Соботкѣ или далѣе поѣду.

---

[1]) Описка: надо читать 3-е іюня (по новому стилю = 22 мая стараго стиля).

[2]) František Vetešník—Чешскій писатель (1784—1850); богословъ по образованію, приходскій священникъ, фарарь и деканъ по служебной дѣятельности, онъ посвятилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ распространенію грамотности и книгъ въ средѣ простого народа и былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей извѣстнаго издательскаго общества Матицы Чешской.

Ветешникъ обрадовался пріѣзду Русскаго, какъ роднаго, и упрашивалъ остаться до утра; но между тѣмъ у него уже было взято мѣсто въ дилижансѣ до Ичина. Узнавши это, намъ не трудно было согласиться ѣхать въ Ичинъ вмѣстѣ,—и поѣхали: я также долженъ былъ ѣхать въ Ичинъ, что бы познакомиться съ профессорами Широмъ [1]) и Махачкомъ [2]). Въ продолженіе двухъ часовъ мы сдѣлали этотъ переѣздъ двухъ миль. По дорогѣ говорили о Россіи и Чехіи. Я любовался видами, а Ветешникъ, почтенный, добрый и умный старикъ, разсказывалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ Чеховъ и требовалъ отъ меня въ замѣнъ объясненій о Россіи. Онъ любитъ ее какъ родную землю. Въ Ичинѣ мы заходили въ книжную лавку, а потомъ пошли къ проф. Ширу. Ширъ тоже упрашивалъ остаться на ночь въ Ичинѣ, но Ветешникъ расположился такъ: мы съ нимъ двое тотчасъ пойдемъ въ Либунь пѣшкомъ тотчасъ, а Ширъ и Махачекъ прійдутъ туда на другой день,—и такъ сойдемся вмѣстѣ. Жена Шира поподчивала насъ виномъ: чокнувшись стаканами за здоровье Русскихъ, Чеховъ и всѣхъ Славянъ, шапки на головы, и пошли. Ширъ захотѣлъ провожать насъ нѣсколько. Отъ Ичина до Либуни будетъ конечно миль около двухъ: потому что вышедши изъ него въ началѣ 8-го, мы пришли въ Либунь въ ½ одиннадцатаго. Ширъ провожалъ насъ до половины дороги. Деканъ Марекъ [3]), къ которому шли мы въ Либунь, уже спалъ; мы разбудили— и на радости сидѣли и болтали еще довольно долго. Очень рано утромъ Ветешникъ пошелъ домой въ Соботку, потому что вспомнилъ, что долженъ былъ вѣнчать; но, прощаясь со мною, обѣщалъ воротиться послѣ обѣда. Этотъ разговоръ я помню сквозь сонъ: солнце еще не всходило, а спать мнѣ очень хотѣлось. Около 7-ми часовъ мы поздоровались съ Маркомъ, и послѣ кофе, пошли на Троски. Вы также видѣли на картинкѣ эти дивныя скалы. На очень возвышенномъ пологомъ холмѣ поднимаются вверхъ двѣ скалы какъ двѣ башни, такъ: между ними сдѣлана человѣкомъ передовая стѣна замка, сзади ихъ много, и на вершинахъ каждой по башнѣ. Троски отъ Либуни не много далѣе мили, такъ что на походку туда и обратно намъ нужно было около 4½ часовъ. Подошедши къ Троскамъ, Марекъ (сѣдой, хоть и свѣжій старикъ) указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ взбираться на одну изъ нихъ.—Да это невозможно! сказалъ я.—Невозможно? Я вамъ покажу, что можно.—Онъ снялъ

---

[1]) František Šir (1796—1867) профессоръ Ичинской гимн., впослѣдствіи директоръ той же гимназіи. Посвятивъ себя филологіи, работалъ надъ Чешскимъ яз. и занимался изученіемъ классиковъ; имъ издано много переводовъ съ древнихъ языковъ.

[2]) Macháček Šimon Karel (1799—1846); извѣстенъ, какъ переводчикъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

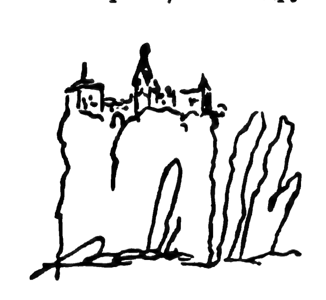
[3]) Antonín Marek (1785—1877)—писатель-богословъ; И. И. С—скій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ и знатокѣ Русскаго языка. Марекъ занимался въ то время переводами стихотвореній Пушкина и Державина. Его псевдонимъ Болемиръ Изборскій.

сертукъ и пошелъ карабкаться на отвѣсную скалу. Я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру; но сколько ни желалъ, сколько ни старался,—не могъ. Марекъ сползъ. и мы пошли къ другой. Тутъ до половины приставлена къ скалѣ гигант. лестница ступеней во сто. Мы полезли по ней, и сверху лестницы любовались видомъ: не хуже вида съ Бездѣса. Со временемъ сдѣланы будутъ ходы на обѣ скалы.—Не успѣли мы воротиться домой, какъ пришелъ Ветешникъ изъ Соботки, Ширъ изъ Ичина. Обѣдали. Послѣ обѣда пріѣхалъ Махачекъ съ Гульманомъ. День прошелъ весело. Вечеромъ, провожая гостей, мы гуляли съ Маркомъ вокругъ Либуни.—Теперь уже половина 7-го: черезъ часъ идемъ пѣшкомъ въ Турновъ, за двѣ мили отъ Либуни.—Такъ то бродитъ Вашъ сынокъ.

Либунь. 4-е Мая.

Еще день минулъ, и минулъ оставивши во мнѣ надолго нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Съ почтеннымъ Маркомъ мы ѣздили въ Турновъ. Проѣзжая мимо великолѣпныхъ утесовъ Грубой Скалы мы заѣхали къ владѣльцу Грубоскальскаго замка, барону фонъ Эренталю, были приняты имъ очень ласково и радушно, и осмотрѣли сблизи утесы и любовались видами. Видовъ описывать нѣтъ силъ; а что до вида скалъ, то довольно сказать, что большая часть ихъ похожи на окаменѣлые пни пальмъ, въ вышину по крайней мѣрѣ въ четверо выше нежели въ толщину; и дорога къ замку только съ одной стороны, а съ другихъ утесъ:

Очень жаль, что погода вчера какъ и сегодня дождлива и не позволила побродить между скалъ. Въ Турновѣ заходили мы въ два дома, гдѣ все напоминаетъ Русь—портреты и бюсты Государя, виды Петербурга и Москвы, самоваръ, чай, Рус. языкъ хоть немножко. Обѣдали у Декана, гдѣ по случаю визитаціи школъ благочиннымъ былъ обѣдъ для окольнаго духовенства. Какъ Русскій я и здѣсь принятъ былъ съ почетомъ. Нельзя было не видѣть, что духовенство Чешское и образовано и любитъ Чештину. Я сказалъ Марку, что духовенство Чешское можно считать столбами народа Чешскаго, какъ въ Россіи дворянство. Мое замѣчаніе побѣжало по цѣлому столу,—и обѣдъ кончился тостомъ за здравіе Словянъ. Послѣ обѣда ходили еще кое-куда въ Турновѣ, и въ половинѣ 10-го вечеромъ воротились домой.—Сегодня отправлюсь въ Ичинъ и оттуда, кажется, прямо въ Прагу.

Путешествіе это было для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Я познакомился съ одною изъ прекраснѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ Чехіи,

говорилъ постоянно по Чешски, узналъ многое объ обычаяхъ Чеховъ, записалъ нѣсколько пѣсенъ.—

Прага, 6 Мая. Суб.

И дома. 4-го Мая послѣ обѣда мы поѣхали съ Маркомъ въ Ичинъ. У Шира меня оставили на ночь. Заходили къ Махачку, и милая жена его играла мнѣ кое-что Русское на фортопьяно и Мейзедеровы варіаціи на Русскую тему—на скрипкѣ,—на фортопьянѣ порядочно, на скрипкѣ превосходно. Жена и все сѣмейство Шира угощало меня и на другое утро въ 6 часовъ проводило изъ Ичина.—

Въ Соботкѣ я заходилъ къ Ветешнику проститься. Изъ Соботки въ Градиште (Мюнхенъ грецъ) гдѣ въ 1833 г. былъ съѣздъ императоровъ Русскаго и Австрійскаго, и гдѣ въ капуцинскомъ храмѣ поклонился я тѣлу Вальштейна. Оттуда въ Болеславь-Бенатки, Старую Болеславь и Прагу—въ 9 часовъ вечера.—

Тутъ засталъ Ваше письмо, милая Маменька.—Письмо, котораго Вы не получили, есть вѣроятно то, которое я писалъ черезъ Костомарова.—О чемъ, душенька Маменька, вы плачете? Ужели какое душевное горе? Если же не душевное, то бросьте его и будьте покойны. Братъ не пишетъ по обычаю: запоздалъ отвѣчать да и совѣстится. Очень радъ, что Вамъ нравится Пражскій вальсъ.—Поклонитесь Марфѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳедоровнѣ и всѣмъ, кто помнитъ меня.

Прощайте. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

Простите, что гадко писалъ. Хотѣлъ было переписывать; но спѣшу отправить.

XXIX.

№ 17. Прага. Іюня 9-е или 10-е не знаю [1]). 1840.

Вчера была такая странность со мною, что я вспомнить не могу о ней безъ горя.—Я всталъ очень рано, растворилъ окно, сѣлъ подлѣ него и сталъ читать. Какъ это долго продолжалось не помню; знаю только, что мнѣ наскучило ждать моей панни съ кофе, и я съ горя сталъ зѣвать на площадь, какъ она мало-по-малу оживлялась.... Ѣдутъ возъ за возомъ, идутъ корзинки за корзинками; показываются и шляпки... Вдругъ—глядь: на противной сторонѣ идетъ цѣлая партія дамъ. Рядомъ съ ними—лицо знакомое, лондинеръ изъ Золотого Ангела. Всматриваюсь въ дамъ: ахъ, Господи! да это Фанни [2])!

---

[1]) Подъ цифрою 9 карандашемъ приписано: 8-е.
[2]) Ф. С. Питра.

А это развѣ не Марья Ѳедоровна [1])? А эта.... черная шляпка, черное мантеле... Въ минуту я, какъ бѣшеной, кое-какъ одѣлся—и выскочилъ изъ дому. Дамы переходили на площадь къ Хораусу, когда я бѣжалъ къ нимъ. «Маменька, Маменька!» я ничего не помнилъ, и вѣрно повалилъ Нѣмцевъ четырехъ пока добѣжалъ до Маменьки. «Боже мой!» и я цѣлую ручки Маменьки, чувствую, что меня обнимаютъ, нѣжно цалуютъ. Да не сонъ-ли это? какой сонъ! я все это чувствую, чувствую, что не сплю, что такъ живу, какъ никогда не жилъ. Вотъ и Фанни, и Марья Ѳедоровна, и Альбертъ [2]), и Доля [3]). Ахъ, Боже! Вотъ и Марѳа Ивановна, и Марья Андреевна [4])! Нѣтъ, это сонъ! Этого быть не можетъ. Марья Ѳедоровна съ сѣмействомъ своимъ ѣдетъ, положимъ, къ сестрицѣ [5]); Маменька ко мнѣ,—а Марѳѣ Ивановнѣ... «Маменька!» я спрашиваю: «сонъ-ли это?»—Душа моя!—отвѣчаетъ Маменька, какой сонъ! мы пріѣхали къ тебѣ—вези насъ на Габштейнъ. Я останусь съ тобою. Марфа Ивановна будетъ жить также въ Прагѣ, пока не возвратится Григорій Григорьевичъ [6]) изъ Баваріи, гдѣ онъ получаетъ наслѣдство огромное. Мы проводили его—и ищемъ тебя! Ну, веди же насъ къ себѣ, и напои чаемъ. Въ Вѣнѣ насъ подчивали чаемъ; но мы посмѣялись, и отдали дѣвушкѣ.» «Ахъ, нѣтъ, это сонъ!»—«Ну полно дурачиться. Видишь люди смотрятъ.»—Не я велъ, а меня вели. Мнѣ все чудилось, что все это вижу во снѣ, и что не дойду я до мраморныхъ воротъ Харауса, какъ все это разсыпится и я очутюсь на постелѣ. Чтожъ не тутъ-то было. Мы прекрасно пришли въ мою комнату. Панни съ кофе; я ей въ руки самоваръ и Іисусомъ, Маріей, Іосифомъ заклинаю, чтобы «удѣл'ял'я рыхлѣйцъ», чтобы «за пул'ъ годины было готово» [7]).—Гнетъ, гнетъ, буде готово».—Растворяется флигель. Маменька садится, играетъ польку. Я усаживаю Марѳу Ив. и Мар. Ѳед. на софу, барышни танцуютъ. Я какъ помѣшанный—самъ не знаю, что дѣлать. Надо мной смѣются; а я то за сливками, то за гоусками, то за красной салфеткой къ хозяйкѣ. «Маминка пшіел'я, маминка ма!»... И вдругъ—чортъ надалъ этой панни—разсмѣяться! Видитъ, что я, положивши на окно книгу, а ноги на стулъ—сплю. Я и проснулся. «Звал'я семъ васъ, пане, тши кратъ звал'я! Тоть е ку подиву!» [8])—и продолжаетъ хохотать. По неволѣ сѣлъ за кофе въ одиночку, между тѣмъ какъ думалъ подчивать чаемъ. До сихъ поръ такая досада, такое горе. Вспомнить не могу, или лучше забыть не могу.

---

[1]) М. Ѳ. Питра.

[2]) Альбертъ Самойловичъ Питра, впослѣдствіи проф. Судебной Медицины въ Харьковскомъ унив.

[3]) Адольфъ Сам. Питра, впослѣдствіи проф. батаники и ректоръ Харьковскаго унив.

[4]) М. И. Фидлеръ, М. А. Аничкова.

[5]) Къ Генріетѣ Ѳедоровнѣ Юнкертъ, которая въ это время жила въ Брауншвейгѣ.

[6]) Г. Г. Фидлеръ.

[7]) Чтобы поторопилась, чтобъ было готово въ полчаса.

[8]) Я васъ звала, сударъ, три раза звала! Просто удивительно!

Ужъ полно не предвѣстіе-ли это? Ужъ не отложить-ли мнѣ поѣздки? А я было уже воображалъ, что въ 9-ть отвезу васъ въ Виту и самъ въ Ганкѣ и искать квартиру и послѣ обѣда на Заграды и завтра въ театръ. Все лопнуло! Я, Маменька, не одинъ уже разъ жалѣлъ, что мы не поѣхали вмѣстѣ. Прекрасно было-бы! Равно я въ Турціи не поѣду, потому что по Турціи путешествовать нѣтъ никакой возможности; а въ Германіи путешествіе довольно покойно.

Впрочемъ у меня таки были вчера танцы. Вотъ какъ это случилось. Однажды заходилъ ко мнѣ съ Ганкою одинъ фарарь, Крольмусъ [1]), добрый, веселой человѣкъ,—и мы такъ понравились другъ другу, что онъ по моей просьбѣ навѣщаетъ меня довольно часто. Вчера онъ пришелъ въ 9 утромъ, чтобы переписать для меня Чешскія пѣсни [2]). Мы писали, пѣли. Я оставилъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе. Услышавши любимую свою пѣсню, вошла хозяйка, за нею хозяинъ. Кофе пили вмѣстѣ. Къ хозяевамъ пришли гости. въ мою комнату, было и три слечинки. Пришелъ и ко мнѣ Фреиндъ, Русскій учащійся здѣсь техникѣ. Передъ вечеромъ фарарь. охрипши заигралъ польку. Пошли плясать. Хозяйка меня учила, и выучила. Пѣли и плясали до половины 12. Хозяинъ поподчивалъ ужиномъ; а я послѣ ужина чаемъ. Я такъ бѣсился, что на мнѣ не осталось нитки сухой. Всѣ удивлялись, какъ я могъ быть такимъ шутомъ, когда обыкновенно сижу въ своей комнатѣ цѣлой день одинъ, и голоса не слышно. «Мы было думали—сказала мнѣ одна—что вы монахъ». «Поѣзжайте, да ворочайсь—сказала другая: будемъ танцовать».—Разумѣется будемъ.—Впрочемъ пора въ театръ: даютъ Фауста, и Фауста роль, за моимъ любимцемъ Фишеромъ. Иду.

На другой день.

Въ театрѣ я чуть не заснулъ: кругомъ духота, потому что театръ былъ полонъ, а на сценѣ жалкая посредственность. Одна только роль Мефистофеля, бывшая за Ларошемъ (пріѣзжимъ изъ Вѣны), могла привлекать вниманіе и содержаніемъ, и исполненіемъ. Фаустъ-докторъ и Фаустъ-рыцарь и любовникъ не склѣились въ одно лицо; Гретхенъ была черезъ чуръ стара, писклива, и передъ смертію гадка; адъ былъ просто грязенъ.—Пусть Амвр. Лук. перескажетъ Вамъ содержаніе Фауста: поэма Гётева была почти вполнѣ на театрѣ и очень удобно помѣстилась въ 5 дѣйствіяхъ.

---

[1]) Вацлавъ Крольмусъ (1787—1861)—Чешскій патріотъ, священникъ; онъ перевелъ на Чешскій языкъ католич. агенду, по которой рѣшился совершать богослуженіе, за что подвергся гоненію со стороны правительства. Крольмусъ извѣстенъ своими трудами по археологіи и этнографіи: онъ собиралъ древности, производилъ раскопки, наблюдалъ старые обычаи, записывалъ пѣсни.

[2]) Эти списки хранятся въ бумагахъ И. И. С—скаго.

10-е Іюня. Верона

Пишу карандашемъ, потому что чернила нѣтъ; а написать хочется хоть нѣсколько строчекъ, чтобы сказать Вамъ, Маменька, что я снова на пути— и вотъ уже въ Веронѣ. Былъ въ Венеціи, теперь въ Веронѣ; впрочемъ тоже не въ Италіи, а въ 3-хъ миляхъ отъ Праги. Эта Верона или по Нѣмецки Бероўнъ—не много лучше той Венеціи, изъ которой я писалъ Вамъ. Что и ожидать отъ городка, гдѣ жителей не много болѣе 2000. Впрочемъ площадь, занимающая средину города правильна и велика, и обставлена порядочными домами. Половина одинадцатаго. Ужинаю и прислушиваюсь къ разговорамъ вечернихъ собесѣдниковъ всякаго званія, меня окружающихъ. Ѣду въ Пильнелъ т. е. въ Пълзень. Взгляните на карту; вы увидите направленіе моего пути. Это уже четвертая поѣздка изъ Праги—и будетъ больше всѣхъ другихъ. До чернила.

11 Іюня. Пълзень.

Ну вотъ и чернило. Не мудрено, что оно есть въ Пълзни, одномъ изъ лучшихъ провинціяльныхъ городовъ Чехіи. И въ самомъ дѣлѣ—миленькій городокъ, небольшой, но чистенькій и хорошенькій. 10,000 жителей. 4 ярмарки. И въ одно утро отъ 8—и до 1 часу я узналъ почти все замѣчательное. Первый визитъ мой былъ къ профессору Сметанѣ [1]). Тотъ меня познакомилъ съ каноникомъ Мейснеромъ и профессоромъ Сикорою [2]), — и въ четыремъ пошли мы ходить по Гимназіи, въ Ратгаузъ, въ Соборъ, въ книжную лавку и т. д. Соборъ—прекрасное готическое зданіе. Ратгаузъ хранитъ латы и оружія стараго времени Гуссит. войнъ. Книжныхъ лавокъ 2—дрянныхъ. Домъ Гимназіи очень великъ. Профессора всѣ живутъ въ немъ. Заходили и къ одной старушкѣ, владѣтельницѣ самаго стариннаго дома, строеннаго Нѣмецкими рыцарями... Нельзя было не замѣтить сходства въ постройкѣ съ Маріенбургскимъ замкомъ. Ходили и вокругъ города. Кое-гдѣ еще уцѣлѣли старинныя стѣны; кругомъ города бульваръ или лучше каштановая аллея, еще молодая, но довольно тѣнистая. Были и въ «школкѣ», т. е. въ пріютѣ дѣтскомъ, гдѣ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ учатся читать. Когда-то я писалъ Вамъ объ

[1]) Jozef Frant. Smetana (1801—1861)—естество-испытатель, математикъ, историкъ и богословъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ капланомъ, онъ въ 1831 г. занялъ каѳедру физики сначала въ Пальзенскомъ лицеѣ, потомъ въ Пражскомъ унив., гдѣ получилъ степень доктора философіи. Помимо науки занимаясь литературой, онъ былъ въ свое время однимъ изъ видныхъ ея дѣятелей.

[2]) Jan. Nep. Sýcora (1780—1845)—Чешскій писатель; онъ былъ учителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Чехіи, между прочимъ въ Главной Пильзенской школѣ. Имъ составлена дѣтская грамматика Чешскаго языка.

Александро-Невскомъ пріютѣ въ Петербургѣ: здѣсь то-же; только помѣщеніе бѣднѣе.

О себѣ нѣсколько словъ: и въ Ичинѣ, и здѣсь мнѣ всѣ говорятъ, что я прекрасно говорю по Чешски, что выговоръ имѣю Чешскій. «Прекрасно»: это слишкомъ много, но самъ чувствую, что мнѣ легче говоритъ по Чешски, нежели по Французски или по Малороссійски. Иное такъ и думаю по Чешски. Удивляются какъ я успѣлъ въ 3½ мѣсяца. Ошибаюсь еще часто; но Богъ дастъ, пройдетъ еще мѣсяца 3, буду порядочно говорить и писать. Благодарю Бога за то, что наломалъ языкъ на Чешскій ладъ.

По части денегъ: Боже избави, милая Маменька, чтобы я обратился къ Вамъ съ просьбою о деньгахъ. Достаетъ на все. Главная издержка — книги, — и я накупилъ уже ихъ довольно. Въ поѣздкахъ издерживаешь, конечно, болѣе нежели сидя на одномъ мѣстѣ; но все имѣю еще денегъ. Именно вчера, передъ отъѣздомъ изъ Праги имѣлъ 740 гульденовъ сереб., т. е., болѣе 1700 руб. на 3 мѣсяца. Въ Сентябрѣ получу вновь.—И вотъ уже 8½ мѣсяц. какъ я въ дорогѣ.—

12 Іюня.—Пълзень.

Утро. Окна растворены. Въ воздухѣ свѣжо и ароматно. Послѣ вчерашняго дождя каштаны и акаціи на бульварѣ противъ моихъ оконъ блестятъ и зеленѣютъ. Изъ за деревьевъ виднѣются старинное зданіе гимназіи, а изъ за нея шпицъ собора. До 1835 года этотъ шпицъ былъ древній, готическій, какъ и все прекрасное зданіе собора. Въ этомъ году ударилъ громъ, разбилъ шпицъ,—и теперь выстроили новый, крытый красною мѣдью.—

Вчера послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Сметана и Сикора, и пошли за городъ, въ Лахотинъ, садъ съ желѣзными купальнями, заломъ для танцованья, комнатами для піющихъ пиво и т. д. Видъ на окрестности и городъ прекрасный.

13 Іюня. Пълзень.

Чужимъ перомъ, въ чужой комнатѣ—у Виснера. 3 часа пополудни. Вчера утромъ въ 6 часовъ мы выѣхали съ Виснеромъ за 2 мили отъ Пълзни къ Марку [1]), одному изъ лучшихъ новеллистовъ Чешскихъ, извѣстному подъ именемъ Яна съ Гвѣзды. Полъ дороги ѣхали, потомъ, пошли пѣшкомъ и заблудившись пришли въ Козоѣды, гдѣ живетъ этотъ Марекъ, уже по полудни. Утомиться было не трудно: тропинки, по которымъ мы шли, идутъ между горъ, на горы и съ горъ, и большею частью по каменьямъ, виды чудо, а ногамъ больно. Что я

[1]) Jan Jindrich Marek (1801—1853) — священникъ; одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ романистовъ, авторъ многихъ историческихъ романовъ и романтическихъ повѣстей.

засталъ у Марка было для меня совершенно ново. Послѣ обѣда, всѣ мы пошли къ бильярду и за нимъ провозились до вечера. Вечеромъ карты—игра незнакомая—«шесть и двадцать» и самыя карты незнакомыя, итальянскія, гдѣ вмѣсто бубенъ, червей, пикъ и трефъ—батаны, спады, копья и еще что-то, на деньги, какъ въ Чехіи всюду и всѣ. Въ 10 я легъ. Утромъ въ 7-мъ сегодня всталъ—и засталъ играющихъ—еще за картами. Кто-же эти игроки? Почти всѣ, какъ и большая часть вчерашняго общества—фарари. Вы удивляетесь, Маменька?—Я и самъ удивляюсь. Вотъ вамъ и католицизмъ. Если же это въ сторону, то и гости и еще болѣе самъ хозяинъ—добрые люди. Всѣ они радовались, что видятъ Русскаго въ своемъ обществѣ, и за обѣдомъ пили тостъ венгерскаго во славу Русскихъ, и пѣли импровизаціи въ честь Славянъ. Въ 8 часовъ я простился съ Маркомъ и поѣхалъ въ Пълзень: онъ далъ намъ дрожки, и въ полдень пріѣхали мы.

14 Іюня. Пълзень.

Опять карандашомъ, потому что опять нѣтъ чернила; по крайней мѣрѣ никого, у кого-бы попросилъ. Я записался на доставникѣ въ Клатовъ, и ночевалъ на дворѣ, откуда они идутъ. Ѣду въ 5, теперь еще 4 ч.—Вчерашнее послѣ-обѣда до половины одинадцатаго провелъ я весело въ обществѣ Чеховъ, большею частію профессоровъ и учителей—«у Ганеса» въ лучшей Пълзенской гостинницѣ. Погулявши съ Сметаной и Сикорой, мы пошли туда. Многіе хотѣли познакомиться со мною,—и кружокъ нашъ скоро обсѣлъ вокругъ большаго стола. Загуляло по столу пиво, мозги разшевелились. Все, что было въ залѣ, стало вокругъ насъ. Пановалъ одинъ Чешскій языкъ. Въ провинціяхъ Чешскихъ я всюду говорю, что по Нѣмецки говорятъ одни необразованные въ Прагѣ. Въ слѣдствіе сего, кто говорилъ по Нѣмецки, стихаетъ, и начинаетъ мало-по-малу по Чешски. Такъ было и здѣсь. Легко это говорить въ провинціяхъ; но въ Прагѣ Нѣмецкій языкъ владычествуетъ всюду. По Чешски говоритъ только тотъ, кто не умѣетъ по Нѣмецки и такъ называемые «властенцы». Жалость, какъ подумаешь, до какого уничиженія дошли Чехи. Впрочемъ какъ-бы тамъ ни было, вечеръ прошелъ прекрасно. Всѣ жалѣли, что я въ Пълзни на такое короткое время—и проводили меня до ночлега, прощались, какъ давно знакомые, какъ родные.

Ба! Вы уже конечно знаете, что Прусскій король умре 7-го Іюня. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ, и можетъ быть что нибудь въ пользу Славянъ, а покамѣстъ вотъ что говорятъ: «Прусская де корона хранится въ Наполеоновской войны въ Петербургѣ,—и наслѣдникъ де престола и хотѣлъ

бы поскорѣе короноваться, да Царь короны не даетъ». Такъ повторяютъ слова одного Прусака, проѣзжавшаго вчера черезъ Богемію. Дѣло, похожое на сказку; но такихъ сказокъ по Германіи бродитъ ежедневно по сотнѣ. Впиваются съ пивомъ, съ пивомъ и испаряются.

Клатовъ.

Главный городъ Клатовскаго края, и предрянной городъ. И не смотря на то, что сегодня воскресенье и праздникъ, все мертво, все глухо. Къ моему горю ни одного знакомаго и не съ кѣмъ знакомиться; а дилижанса надобно ждать больше 12 часовъ.—Поэтому поброжу по городу и лягу спать.

15-е. Воднянъ. 3 мили отъ Страконицы, 5 отъ Будейовицъ (Будвейса).

Ночью въ 3 часа мы выѣхали изъ Клатова, ѣхали 12 часовъ—и проѣхали, какъ бы вы думали,—4 мили до Страконицъ, да 3 до Воднянa=7 миль, 49 верстъ. Ночью было очень холодно; а когда потеплѣло такъ стало не въ мочь жарко. Глядя на карту Вы легко отгадаете направленіе моего пути: съ одной стороны дороги на право верхи Богемскаго лѣса, съ другой плодоносныя удолья Волтавы и Молдавы. Дорога вьется около горъ то вправо, то влѣво, между полей, покрытыхъ хлѣбомъ, изъ деревеньки въ деревеньку, то подъ лѣсомъ, то надъ лѣсомъ,—и дорога прекрасная. Жаль, что жарко и что я одинъ, что не съ Вами. Я бы пересказывалъ Вамъ преданія о развалинахъ и озерахъ, которыя выслушиваю отъ кучера,—и любовались бы вмѣстѣ. Глядя же на лица поселянокъ, вы бы не отгадали, что они—не Русскія: одежды тоже напоминаютъ нашихъ Коломенокъ, Бѣлгородокъ и пр. Милыя, добродушныя физіономіи, и такъ привѣтливы; не мало и хорошенькихъ. Нарядите маленькую, полненькую фигурку съ карими глазами и бѣленькую въ сарафанъ безъ пуговицъ спереди, синій или розовый, въ бѣлую сорочку съ коротенькими рукавчиками, въ платокъ малиново-пунцоваго цвѣта на головѣ, повязанный такъ, чтобы солнце не чернило лица и шеи сзади, въ другой бѣленькій платочекъ на шеѣ,—и вотъ вамъ здѣшняя дѣвушка и бабочка. Разность отъ нашей только въ томъ, что сзади у каждой кошикъ (= корзинка) такой формы отчего каждая идетъ согнувшись. Въ краѣ Пълзенскомъ одежда вовсе не такая, и особенно замѣчательна 15 суknями (юбками), надѣваемыми одна на другую, и очень короткими, такъ что красные пунчохи (чулки) видны чуть не до

колена.—Общество наше безпрестанно мѣняется: то сядетъ мужикъ, то мѣщанка, то жидъ, то служанка. Одинъ кучеръ неизмѣненъ. Онъ кормитъ лошадей, а я пишу,—и вечеромъ буду въ Будейвицахъ на югѣ Чешской земли. Отсюда... но зачѣмъ говорить напередъ? Я и самъ порядочно не знаю.—

Будейвици (Будвейсъ).

Наконецъ я и тутъ: доползли въ 8 часовъ вечера. Это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ Чехіи послѣ Праги, и лучшій изъ провинціальныхъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ прелестный городокъ. Площадь, на которую смотрятъ окна моей комнаты (въ гостинницѣ Zum Sonne) прелестна, обставлена красивыми домами, изъ коихъ половина въ Итальян. вкусѣ; между ними въ одномъ углу колокольня, въ другомъ Ратгаузъ съ 3 куполами. Улицы ровны и не слишкомъ узки. Почти всюду галлереи, какъ подъ домомъ Мотузка или Безхадарнаго [1]). Все по Нѣмецки.—

Прощайте, Маменька. И. Срез.

XXX.

№ 18. Пароходъ Софія. 1840 Іюня 17.

Въ Линцѣ не могъ написать ни строчки. Теперь ѣду по Дунаю въ Вѣну,—и видите—рука трясется, потому что трясется весь пароходъ. Пріѣду въ Вѣну—въ 4 часа и опишу хоть въ нѣскольких словахъ путешествіе изъ Будвейса до Линца по желѣзной дорогѣ и отъ Линца до Вѣны по Дунаю. Теперь— наслаждаюсь. Виды за видами; а корабль быстро летитъ. До Вѣны.—

Вѣна. Іюня 18.

И въ самомъ дѣлѣ въ 4 часа или еще ранѣе я пріѣхалъ въ Вѣну; но опять до сихъ поръ не имѣлъ минуты свободной. Теперь, улучивъ ее, перескажу Вамъ, милая Маменька, какъ прошли два послѣдніе дня.

Изъ Будвейса въ Линцъ я выѣхалъ третьяго дни въ 5 часовъ утра. По желѣзной дорогѣ, проведенной между этими городами, везутъ товары и пассажировъ не парами, а лошадьми; впрочемъ довольно скоро, немного медленнѣе нашихъ почтовыхъ, и дешево, потому что за мѣсто въ первой каретѣ, прекрасно устроенной, платится за 25 миль только 3 гульд. сереб., т. е. 7 руб. ас. Для надсмотра надъ дорогою находится на ней 52 сторожа.—Въ первой каретѣ насъ сидѣло четверо вмѣсто 9; я, Адвокатъ изъ Иглау и купецъ изъ Линца съ женою. Купецъ заговорилъ съ женою по Чешски, я

[1]) Мотузко и Безхадарный—Харьковскіе домовладѣльцы.

присталъ къ нимъ, Адвокатъ, хоть и Нѣмецъ, также понатужился по Чешски, и только въ такихъ случаяхъ говорилъ по Нѣмецки, когда не былъ въ состояніи объясниться на Чешскомъ. Мы ѣхали очень весело: Чехъ былъ добрый старикъ, Чешка—миленькая, молоденькая простушка, Нѣмецъ—очень любезный хвастунъ; а виды на окрестныя горы безпрестанно мѣнялись и заставляли насъ выглядывать попеременно то въ то, то въ другое окно кареты. Въ 11 часовъ, послѣ 6 часовъ ѣзды, мы простились съ Богеміей, и еще прежде съ Чехами, потому что со всѣхъ сторонъ по границамъ Богеміи живутъ Нѣмцы или совершенно онѣмечившіеся Чехи. Въ началѣ 2-го мы обѣдали. Въ концѣ 3-го наше каретное положеніе измѣнилось. Во 2-й каретѣ замѣтили, что переднія колеса идутъ переваливаясь. Остановились, сняли карету съ осей, и увидѣли, что передняя ось, какъ ни толста, погнулась. Переднюю ось поставили назадъ, заднюю подъ передъ; но дамы, бывшія въ этой второй каретѣ, боялись ѣхать и просили насъ дать мѣсто. Разумѣется безъ отказа мы дали имъ мѣста и ознакомились. Эти дамы были—Чешка съ малюткой сыномъ и дѣвушкой дочерью и старуха Вѣнка, вѣроятно богатая ихъ родственница, которая тоже понимала нѣсколько по Чешски. Тѣмъ легче было намъ ознакомиться, что Вѣнка могла назваться идеаломъ Вѣнской веселости, болтунья, выдумщица, хохотунья. Я не позволилъ себѣ отстать отъ Вѣнки, и цѣлая карета была полна безумолкнаго хохоту. На слѣдующей станціи при перемѣнѣ лошадей мы ѣли землянику, и Чешка съ дочерью заѣдали ею страхъ, который навелъ на нихъ предыдущій переѣздъ. Между тѣмъ бояться было вовсе нечего: я увѣренъ, что ни..., ни... не сказали бы ни одного «ай»: это правда, что дорога нѣсколько разъ пролегала въ полуаршинѣ отъ обрыва сажень въ 20; но карету отъ обрыва отдѣляла плотная каменная закраина, а видъ съ горы на долину, скалы и рисующіяся вдали Штирійскія альпы былъ такъ очарователенъ, что не долженъ бы былъ позволить бояться. Прелесть видовъ занимала насъ до самаго Линца. Между тѣмъ собравшіяся надъ головой нашей облака доставили намъ новую потѣху. Вѣнка, не боясь обрывовъ, боялась грозы, а я пугалъ ее и утѣшалъ поперемѣнно. Когда облака набѣжали не въ шутку и сдѣлались лимоннаго цвѣту, тогда для утѣшенія Вѣнки моей встрѣтился новый случай для смѣху. Я сорвалъ для Чешенка вѣтку бузины, которая вздумала на дорогѣ заглянуть въ карету. Вѣнка вспомнила, что изъ нея можно приготовлять прекрасный напитокъ, и стала было разсказывать объ этомъ по Нѣмецки. Я упросилъ ее продолжать по Чешски. Она хохотала, и употребляла всѣ усилія, и чѣмъ менѣе могла объясняться, тѣмъ болѣе хохотала, а мы за нею. Я притворялся непонимающимъ, она еще болѣе усиливалась,—и хохотъ заставлялъ сосѣдовъ толкаться лбами и носами другъ въ друга. А между тѣмъ буря прошла мимо.

Чтожъ до напитка, то онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть хорошъ: на вѣтку бузины по стакану молока или сливокъ, потомъ процѣдить, подсластить сахаромъ и пить. Передъ Линцомъ намъ открылся Дунай, широкій, величественный, и Линцъ у его береговъ разложился картиночкой. Жаль, что шелъ дождь и не позволялъ хорошо разсматривать. Карета остановилась въ предмѣстіи, откуда пѣшкомъ мы должны были идти въ городъ за Дунай. За мостомъ полиція осмотрѣла наши вещи, отобрала паспорты, и потомъ уже позволила намъ отправиться въ гостинницу. Мы заняли съ Адвокатомъ одну комнату въ Золотомъ Орлѣ, именно № 5, окномъ на Дунай, и пошли гулять по городу. Прекрасный, богатый городъ, въ которомъ любитель природы съ удовольствіемъ могъ бы провести нѣсколько дней. Утромъ на другой день въ 6 часовъ я намѣренъ былъ отправиться на пароходѣ въ Вѣну, и потому всталъ въ 4. Глядь въ окно — очарованіе. У самаго берега въ 30 шагахъ пароходъ «Софія»; за нимъ Дунай, но ни Дуная, ни за Дунаемъ ничего не видно, потому что послѣ вчерашняго дождя всталъ густой туманъ. Озаренный солнцемъ онъ былъ розоваго цвѣта; надъ нимъ голубое небо, а между нимъ и небомъ, посреди тверди—храмъ съ двумя башнями рисовался издали какъ какое-то дивное видѣніе. (Этотъ храмъ стоитъ на высочайшей изъ окрестныхъ горъ, которой за туманомъ вовсе не было видно). Этотъ видъ былъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ.

Въ пять часовъ я имѣлъ уже билетъ на 1-е мѣсто въ пароходѣ (10 гул. сереб.), въ 5½ ударила пушка, въ 5¾ я былъ уже на пароходѣ; ровно въ 6 ударила опять пушка, и мы полетѣли. Общество прекрасное, виды очаровательные; а спать между тѣмъ уже очень хочется. И перо очинилъ вновь; но рука не везетъ, глаза слипаются. И потому скажу о переѣздѣ по Дунаю нѣсколько словъ. Изъ сосѣдей я познакомился съ 2-мя Англичанами, путешествующими по Европѣ, съ одной Француженкой, ѣдущей въ Вѣну къ мужу, съ нѣсколькими Вѣнцами,—и всетаки нашелъ и своихъ братьевъ Чеховъ, съ которыми говорилъ по Чешски. То съ тѣмъ, то съ другимъ читали мы описаніе мѣстностей, мимо которыхъ мчались, вмѣстѣ бродили по палубѣ, философствовали въ каютѣ, обѣдали. Все это вмѣстѣ было такъ хорошо, что часъ за часомъ летѣли незамѣтно, и въ ½ 4-го мы увидѣли колокольню св. Стефана. Больше всего я сблизился съ Чехами и Англичанами, сказавши имъ въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, изъ какой я земли, что я изъ земли ихъ антиподовъ. Но право спится.

Вѣна. 19 Іюня. 1840.

Еще хоть нѣсколько строчекъ о путешествіи по Дунаю. Переѣздъ изъ Линца въ Вѣну считается самымъ лучшимъ кускомъ путешествія по Дунаю,

самымъ богатымъ видами.—Особенно очаровательна первая половина его, первые четыре часа ѣзды. Тутъ Дунай то широкъ и покрытъ низменными островами, которые тутъ называются ауенами, то съужается между огромными побережными скалами, то голыми, то покрытыми лѣсомъ; деревеньки, городки, замки мелькаютъ передъ глазами; Дунай быстро катитъ свою мутную, ржавую волну; ежеминутно видишь новую картину, и мотаешь головою какъ флюгеромъ, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Въ 10 часу солнце стало порядочно грѣть; тогда надъ нами растянули палатку, и мы ходили по палубѣ какъ по бесѣдкѣ. Общество наше измѣнялось довольно часто, когда убывали старые, и прибавлялись новые пассажиры. Ловля пассажировъ — очень занимательна: по данному съ берега знаку, пароходъ умѣрялъ свой бѣгъ, лодка съ пассажирами перерѣзывала Дунай, какъ могла проворнѣе, съ парохода бросали ей веревку, которою она притягивалась къ пароходу, спускали лапы, для плотнѣйшаго ея удержанія и лестничку для всхода и выхода пассажировъ,—и все это оканчивалось не болѣе какъ въ минуту. Гдѣ ожидали много пассажировъ, тамъ заблаговременно давали знакъ пушкою, а съ берега ружьемъ. Около полудня надобно было проѣзжать подъ мостомъ Кремскимъ: для этого и мачта и труба парохода были опущены. Потомъ обѣдали всѣ за общими столами, table d'hôte. Въ 3-мъ началась переборка багажа: изъ магазина вытаскивали вещи, и каждый искалъ своихъ. Въ 4-мъ увидѣли пристань,—и стали. Вещи надобно было подвергать осмотру. Мой рейзезакъ, незаключавшій въ себѣ ничего кромѣ бѣлья и тому подоб., по странному обстоятельству не былъ подвергнутъ осмотру. Съ 2-мя Чехами наняли мы фіакра и поѣхали въ Вѣну искать комнаты въ гостинницѣ. Здѣсь случилось обстоятельство вовсе не ожиданное: мы объѣздили весь городъ и предмѣстія, ѣздили два часа, и ни въ одной гостинницѣ не нашли ни одной комнаты: все было всюду полно. Къ счастію у одного изъ Чеховъ былъ знакомый, мы заѣхали къ нему. Оставивши тамъ свои вещи, я отправился къ своимъ старымъ знакомымъ Малеинымъ [1]), искалъ съ ними пристанища для себя, и наконецъ кое-какъ нашелъ въ гостинницѣ у Золотой утки пристанище,— ночлегъ въ комнатѣ хозяина съ тѣмъ, что утромъ будетъ и комната особенная.

Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ слышать Страуса. Онъ, Ланнеръ, Морелли и десятки другихъ ежедневно играютъ съ своими оркестрами въ гостинницахъ, то въ томъ, то въ другомъ предмѣстіи. За входъ 32 коп.—и потомъ спрашивай чего хочешь пить, ѣсть, прохлаждаться. Страусъ съ своимъ оркестромъ игралъ разныя разности и между прочимъ свой послѣдній вальсъ. Публика была очень велика, кушала прилежно, пила прилежно, не забывая и хлопать

---

[1]) См. письмо изъ Берлина.

и кричать браво и фора. Страусъ еще довольно молодой человѣкъ съ блестящими глазами, искусно управляетъ оркестромъ, умѣетъ забавлять публику фарсами, и любимъ, обожаемъ. Я воротился домой въ половинѣ одиннадцатаго.

Вчера былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ праздниковъ католическихъ и Вѣнскихъ, праздникъ Божьяго тѣла. Я видѣлъ великолѣпную процессію, дѣлающую этотъ праздникъ столь знаменитымъ. Школы, монахи, попы, профессора, придворные, войска, министры, императоръ, императрица, вся ихъ фамилія, гофдамы, фрейлины и т. д. все это участвовало въ процессіи—въ богатѣйшихъ одеждахъ, со знаменами, съ музыкою. Мѣсто случилось хорошее,—и я видѣлъ всѣхъ и каждаго очень хорошо. Можно было все разсмотрѣть, потому что процессія двигалась очень медленно. Особенно заняла меня гусарская гвардія: молодцы, въ золотѣ, барсахъ, на чудныхъ конахъ, было чѣмъ любоваться. Императрица очень недурна собою. Императоръ—низенькій человѣкъ, безпрестанно улыбающійся.

Послѣ обѣда мы ѣздили съ Малеиными слушать Ланнера. Ланнеръ человѣкъ въ лѣтахъ, очень незавидной фигуры, но когда управляетъ оркестромъ одушевляется, одушевляетъ, уноситъ въ другой міръ. Жаль, что обстоятельства сдѣлали его только сочинителемъ вальсовъ. Я слышалъ и его послѣдній вальсъ «Лучъ надежды»: удивительное созданіе. Я простоялъ все это время у самаго оркестра, не спуская глазъ съ Ланнера... И кому же этотъ человѣкъ долженъ играть, и за какія деньги: пріѣзжай онъ въ Петербургъ, въ Москву, его бы носили на рукахъ, его бы осыпали деньгами; а тутъ все шутитъ, ѣстъ, пьетъ и только что хлопаетъ, слушая его: я не знаю, какъ можетъ идти въ горло какой-нибудь кусокъ гуся или глотокъ пива, когда дивные звуки летаютъ вокругъ и не могутъ не проникать въ самую черствую душу!—

Іюня 21.

Вотъ уже два дни сряду какъ я наслаждаюсь Итальянской оперой: 19-го давали Il Giuramento «Клятву» Меркаданте; вчера Паризину Доницетти. «Клятва» какъ опера не богата красотами: хоры и аріи довольно обыкновенны; речитативы скучны и невыразительны. За то можно было познакомиться со всѣми лучшими актерами: басъ Ронкони, удивительный, теноръ Моріани, алтъ г-жа Брамбилла и сопрано—г-жа Унгеръ. Меня особенно восхитилъ Моріани: голосъ, полный силы и нѣжности, искусства и чувства, вкусъ и одушевленность игры, наконецъ красота тѣлесная заставляютъ мужчинъ восхищаться, а женщинъ влюбляться въ Моріани. Ронкони умѣетъ владѣть голосомъ, но самый голосъ его болѣе рѣзокъ, нежели силенъ: Ронкони не могъ

меня переувѣрить въ томъ, что лучшихъ басистовъ надобно искать у насъ, въ Россіи. Брамбилла играетъ какъ итальянка въ полномъ смыслѣ: полная огня; жаль, что спала съ голоса. Унгаръ также спала съ голоса, по крайней мѣрѣ ея высокія ноты отзываются скрыпкой, струною; впрочемъ объ этомъ забываешь, когда вникаешь въ смыслъ того, что она поетъ: она не рабски повторяетъ диктовку суфлера, она чувствуетъ, что̀ поетъ, безъ усилія, будто инстинктуально выпѣваетъ чувства, рветъ слезы изъ глазъ. Еще болѣе увѣрился я въ этомъ вчера на Паризинѣ. Унгаръ играла Паризину. Я не могъ не заплакать, когда она говорила речитативомъ—«e in me natura il pianto—я рождена грустить», и потомъ запѣла пѣсню «Forte un destin». Когда же она запѣла «Non pentirti»—я уже плакать былъ не въ состояніи. Это пунктъ тяжести всей оперы. Паризина жена Аццо и любитъ съ дѣтства Уго; Уго пріѣзжаетъ, ихъ взаимная любовь возрождается, и Паризина во снѣ повторяетъ имя Уго, не думая, что ихъ можетъ подслушать Аццо. Аццо подслушиваетъ, пылаетъ гнѣвомъ. Паризина просыпается, увѣряетъ его въ своей невинности, напрасно,—и вотъ она поетъ эту дивную пѣсню. Вся эта сцена выше похвалъ—и въ созданіи, и въ исполненіи. Аццо игралъ Ронкони, Уго—Моріани. Что-же касается до вѣнской публики, я никакъ не могу считать ее знающею музыку: она хлопаетъ тогда, когда актеръ слишкомъ горячится, не заботясь кстати или не кстати, и не обращаетъ вниманія, ка̀къ понимаетъ актеръ свою роль, свою партитуру. Когда художество торжествуетъ—она кушаетъ мороженное.

Іюня 21. Воскресенье. 1840.

Цѣлый день прошлялся. Утромъ ходилъ въ разныя церкви. Былъ въ двухъ Греческихъ, гдѣ все напоминаетъ наше родное богослуженіе, въ Уніатской, гдѣ даже самый языкъ богослуженія нашъ, въ Университетской, Петровской, Домининанской, два раза въ соборѣ св. Стефана, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ созданій готической архитектуры, огромномъ, мрачномъ—и еще повторю—огромномъ. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Малеиными отправился въ Шёнбруннъ. Это увеселительный Императорскій дворецъ съ садами, звѣринцемъ и пр. въ $^3/_4$ часа отъ центра Вѣны, т. е. отъ Стефанов. площади. Мѣсто въ дилижансѣ—12 кр. сер. или 50 коп. Мы исходили ботаническій садъ, обративши вниманіе на оранжерею паразитныхъ растѣній, гдѣ тепло чуть не такъ какъ въ банѣ, ряды высаженныхъ на свѣжій воздухъ Новоголландскихъ растѣній; потомъ пошли въ главный садъ, и прежде всего къ звѣринцу. Всрединѣ площади павильонъ съ попугаями, кру̀гомъ вокругъ него дворы для раз. животныхъ и птицъ, особенный для слона, особенный для строусовъ, нѣсколько для разныхъ козлиныхъ и бараньихъ породъ, въ другихъ обширныя

клѣтки для медвѣдей, льва, тигровъ, орловъ и т. д. Многое есть, нѣтъ однако ниословъ, ни обезьянъ. По близости дворецъ, гдѣ живетъ теперь Императоръ съ фамиліей. Передъ дворцомъ превосходная площадь съ дорожками и цвѣтами, окруженная стѣнами подрѣзанныхъ деревьевъ, въ нишахъ между которыми разставлены статуи. Она оканчивается прудомъ съ двумя большими фонтанами. За ними гора; на ней глорьетта [1]), съ которой поразительный видъ на Вѣну во всей ея огромности и на окрестности. На право отсюда другая половина сада, гдѣ искуств. развалины, обелискъ, много фонтановъ и самый источникъ Шёнбруннъ съ нимфой Эгеріей. Аллеи липовыя и каштановыя тѣнисты, широки, длинны. И всюду народъ. Жизнь, разнообразіе, пестрота. Прекрасно. Исходивши садъ, мы пошли въ деревню Гицингъ, гдѣ Страусъ собралъ вокругъ себя обширную публику, піющую и кушающую напропало. И мы присоединились къ числу ихъ, выпили по чашкѣ шоколаду и съѣли по порціи мороженнаго. Страуса не слушали: я, по крайней мѣрѣ, не могу его слушать, слышавши Ланнера: что дѣлать съ предубѣжденіемъ! И притомъ Паризина еще не забыта, Унгаръ и Моріани въ ушахъ. Садокъ, гдѣ игралъ Страусъ, биткомъ набитъ. Крикъ, шумъ, ѣда, питье, табакъ, бѣготня, хлопотня. Сѣли въ дилижансъ, поѣхали. По дорогѣ до Бургъ-тора или Замковыхъ воротъ мы видѣли по крайней мѣрѣ 30 кофейныхъ и пивныхъ домовъ, передъ которыми сидятъ сотни, между тѣмъ какъ тысячи проходятъ и проѣзжаютъ мимо. Количество народу поразительно. И все дамы да кавалеры, разряжены, раздушены на послѣд. потовыя деньги. «Веселись, народъ, о будущемъ не заботься, пройдетъ какъ и настоящее!» — «Слушаю-съ!» и веселится, ни о чемъ не думая. Вѣна—это Сибарисъ.

24 Іюня.

Вчера цѣлый день я былъ за городомъ и воротился только сегодня утромъ. Вчера въ 7 часовъ утра поѣхалъ въ Баденъ, мили за три отъ Вѣны, въ Баденъ, куда на лѣто съѣзжается много народу на воды. Мѣстоположеніе недурно; но съѣздъ еще малъ. Выкупался, побродилъ, пообѣдалъ— и вонъ—въ Лаксенбургъ. Прелестное мѣсто! Два дворца Императорскихъ и за ними огромный садъ, такой огромный, что обойдти его можно не менѣе какъ въ 10 часовъ. Я посѣтилъ только лучшіе мѣста. Садъ неправильный, но прелестный. Въ серединѣ длинный прудъ. У пруда рыцарскій замокъ, построенный недавно, но совершенно въ духѣ старины. Я обошелъ всѣ комнаты,

[1]) Площадка съ колонадой.

корридоры и пр. Небольшой, но прелестный замокъ. На его башнѣ я встрѣтился и познакомился съ Брамбиллой и Ронкони. До 10 часовъ бродилъ я по саду—и ночевалъ въ гостинницѣ у Золотой Звѣзды. Сегодня цѣлый день дождь. Утромъ нигдѣ. Послѣ обѣда тоже. Вечеромъ въ театрѣ. Давали Лукрецію Борджію. Пѣли Ронкони, Брамбилла, Моріани, Унгаръ—чудесно, особенно Унгаръ.

Остается немногое, что хотѣлъ бы видѣть въ Вѣнѣ лѣтомъ. Зимою ворочусь и займусь.—Прощайте, милая Маменька.—Откуда напишу слѣдующее письмо не знаю; но уже опять изъ Славянщины.

XXXI.

№ 19. Вѣна. 26 [1]) Іюня 1840 г.

Только что отправилъ письмо къ Вамъ, милая Маменька, и опять начинаю писать. И прежде всего нѣсколько словъ о Вѣнѣ. — На мелкохолмистой равнинѣ разлегается эта громада, почти со всѣхъ сторонъ окруженная горами. Въ центрѣ ея башня Стефанская. Вокругъ башни городъ собственный, съ кривыми, ўзкими улицами и уличками, съ огромными въ 5, 6, 7 этажей домами, такъ что на нѣкоторыхъ мѣстахъ лучъ солнца ниникогда не освѣщаетъ мостовой. Вокругъ этого города бастіоны; подъ ними 13 воротъ ведущихъ въ городъ. За ними гласисъ, какъ садъ украшенъ каштановыми, тополевыми, липовыми дорожками и дорогами. За гласисомъ 34 предмѣстья, къ которымъ примыкаютъ села, деревни, деревеньки и всюду зелень, цвѣты, деревья, аллеи, бесѣдки, скамейки, кофейни, гостинницы, кондитерскія и т. д. и т. д. Тутъ въ этой Вѣнѣ, въ слишкомъ 8,200 домахъ помѣщается 350,000 жителей (исключая множество иностранцевъ) народа веселаго, беззаботнаго, умѣющаго пить, ѣсть, веселиться, вынимающаго послѣдній цванцигеръ (двугривенный) на мороженное и забывающаго за нимъ подъ звуки если не Ланнера или Моріани, такъ по крайней мѣрѣ площаднаго музыканта-попрошайки, всякое воспоминаніе о прежнемъ безденежьи, всякую думу о завтрашнемъ днѣ. Треть народонаселенія—Славяне, половина Нѣмцевъ, не мало и Венгровъ, Армянъ, Итальянцевъ и т. д.; но разнообразіе народности исчезаетъ; пожившій въ Вѣнѣ дѣлается очень удобно просто Вѣнцемъ, беззаботнымъ и игривымъ какъ перышко въ вихрѣ. Берлинъ и Вѣна—несравнимыя крайности:

---

[1]) Трудно разобрать: 26 или 27.

въ Берлинѣ каждый кажется статскимъ совѣтникомъ, въ Вѣнѣ нѣтъ ни одного и титулярнаго; въ Берлинѣ каждый смотритъ политикомъ и чуть не шпіономъ, въ Вѣнѣ и самъ шпіонъ не узнаетъ своего брата; въ Берлинѣ гулянье между дѣломъ, въ Вѣнѣ дѣло между гуляньемъ. Честность—у Вѣнца, она также легка, какъ и самъ онъ. Любовь къ деньгамъ... какъ не любить ихъ, когда безъ нихъ гулять нельзя! И ихъ такъ любятъ здѣсь, что напримѣръ слуга или служанка въ гостинницѣ не получаетъ ни гроша жалованья, а живы, здоровы, въ шелку, кушаютъ и лакомятся напропало за одни подарки посѣщающихъ... Да впрочемъ обо всемъ этомъ не писать, а разсказывать надобно.

Третьяго дни я былъ во Дворцѣ и натуральномъ кабинетѣ; вчера въ Пратерѣ и въ Итальянской оперѣ; сегодня опять въ Итальянскую оперу,—и завтра ѣду изъ Вѣны. Полторы недѣли гулялъ: баста, пора заниматься. Ѣду въ Моравію, а по Моравіи пѣшкомъ. Прощайте до Брюнна.

29 Іюня. Брно (= Брюннъ).

Вчера меня разбудили въ 5 часовъ; въ концѣ 6-го я былъ съ моимъ чемоданомъ на Стефановской площади, а въ 6 сидѣлъ въ штельвагенѣ, везущемъ пассажировъ изъ города къ мѣсту, откуда отправляются паровозы, заплативши за себя и багажъ 12 сер. крейцеровъ, т. е. менѣе 50 коп. За мѣсто до Брна (за 21 милю) я заплатилъ 4 гульдена сереб. можно бы заплатить и шесть, но тогда сидишь въ совершенно закрытой каретѣ, и не куришь; можно и 3, но тогда сидишь между всячиною. Малеинъ старшій пришелъ со мною проститься и проводилъ до кареты; спасибо ему; хоть и пора было-бы привыкнуть, но терпѣть не могу—уѣзжать изъ какого-нибудь мѣста—въ одиночку. Въ 12 я былъ уже въ Брнѣ: около 150 верстъ въ 5 часовъ съ небольшимъ,—утѣшительно, когда не къ чему присматриваться. Дорога бѣжитъ по равнинѣ. Слишкомъ замѣчательнаго нѣтъ на ней почти ничего, кромѣ Ваграмскаго поля: политое кровью, оно теперь можетъ назваться житницею Вѣны. Въ Брнѣ также было трудно сыскать квартиру, какъ въ Вѣнѣ, потому что ярмарка. Хоть не у Чернаго Орла, съ содержателемъ котораго, Захомъ, я познакомился еще въ Прагѣ, хоть и крошечную комнатку, но досталъ. Обѣдалъ у Заха, съ нимъ послѣ обѣда пошелъ къ Огералю [1]), издателю

---

[1]) Огераль (I. Ohéral)—литераторъ, издатель журнала «Vaterland Pilger», редакторъ издававшейся въ Брнѣ газеты «Моравія»; въ свое время Огераль былъ извѣстенъ, какъ превосходный знатокъ Моравіи. Въ Отчетѣ Министру Нар. Пр. (Ж. М. Н. Пр., 1841, № 8) И. И. С—кій пишетъ: Литераторъ Огералъ, писавшій болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается этнографіей Моравіи: я обязанъ ему за доставленіемъ многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Моравіи, и съ ними обоими гулять по городу. Потомъ въ театръ, гдѣ къ моему счастію играла знаменитѣйшая изъ Германскихъ пѣвицъ, Люцеръ, Чешка родомъ. Давали Элексиръ любви, слышанный мною не разъ въ Прагѣ. Люцеръ поетъ мило; но или сама не имѣетъ громкаго голосу, или театръ Брненскій глухъ, такъ что мнѣ показалось, что она хуже Унгаръ и Фреццолини, даже хуже Подгорской. Хлопали ужасно. Она разыгралась, пѣла вмѣсто повторенія что приходило въ голову, хохотала на сценѣ, и тѣмъ болѣе возбуждала всеобщій восторгъ. Она не стара—и мила—пампушка. Еще до театра мы условились съ Огералемъ ѣхать въ Райградскій монастырь, и сегодня ѣздили по желѣзной дорогѣ,—въ ³|₄ седмаго утромъ выѣхали, въ ³|₄ девятаго вечеромъ воротились. Тамъ я былъ принятъ и пріоромъ и прелатомъ радушно, и попалъ на праздникъ (Петра и Павла), а потому обѣдалъ въ монастырѣ за общимъ столомъ. Обѣдъ былъ очень богатый. Я не много подпилъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Руссъ, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ!»—Я послѣдній изъ нихъ,—отвѣчалъ я на этотъ комплементъ, и произвелъ этимъ театральный эфектъ. Самъ не знаю откуда брались у меня слова, хоть и говорилъ по Нѣмецки. Теперь я снова у своего Золотаго Оленя, и не мудрено, что хочу спать: третьяго дни спалъ отъ 12 до 5, вчера отъ 11 до 5. Покойную ночь и Вамъ, милая Маменька! Что-то вы дѣлаете теперь? Какъ-бы я желалъ хоть на минуту къ Вамъ! Охъ, еще долго ждать!—

Іюля 2. Брно.

Брно—городъ небольшой, и рисуясь прекраснымъ видомъ извнѣ, внутри представляетъ мало занимательнаго. За то онъ городъ промышленный, фабричный, торговый. Къ сожалѣнію это сдѣлало его совершенно Нѣмецкимъ. Только простой народъ говоритъ по Моравски. Я нашелъ въ немъ, впрочемъ, нѣсколько замѣчательныхъ властенцевъ: Огераля, Сушила [1]), издателя Моравскихъ

[1]) Франтишекъ Сушилъ (1804—1868)—извѣстный Славянскій патріотъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества св. Кирилла и Меѳодія, этнографъ, богословъ, поэтъ. По служебному положенію—священникъ и впослѣдствіи проф. богословія въ Брнѣ; какъ богословъ онъ извѣстенъ переводомъ на Чешскій языкъ Новаго завѣта, какъ этнографъ собраніемъ Моравскихъ пѣсенъ, какъ поэтъ переводами изъ Римскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями духовнаго характера.

пѣсенъ, Клацеля—поэта [1]), Іодля [2]), Бочка [3]) и т. д. Замѣчательна и молодежь, студенты. Вчера они собрались (около 30 человѣкъ), пили, пѣли—между прочимъ и за Русскаго гостя. Благодарю ихъ за пріемъ и честь; никогда однако не сойдусь съ ними въ мнѣніяхъ, и не разъ горячо принимался говорить за нашего Государя.

Іюля 5.

Два дни съ половиной былъ не дома; ѣздилъ въ Лунденбургъ, оттуда во владѣнія Лихтенштейна, Ейсгрусъ и Фельдсбергъ, богато украшенные садами и садовыми мелочами, оттуда къ Подлужакамъ. Сегодня воротился—и былъ въ театрѣ Чешскомъ. Публики еще менѣе, нежели въ Прагѣ, но публика чище и живѣе. Играли порядочно. Собираюсь опять въ дорогу.

Перо прегадкое, бумага тоже, чернило не лучше. Совѣстно писать. Да впрочемъ и нечего. Описывать Эйсгрусъ и Подлужаковъ долго. Когда-нибудь прочту изъ дневника моего.

Что будетъ не знаю, а хочется походить пѣшкомъ по Моравіи. Народъ здѣсь сохранилъ болѣе Славянскаго, нежели въ Чехахъ [4]).

---

[1]) Франтишекъ Клацель (род. 1808 г.)—Чешскій писатель, монахъ Августинскаго мон. въ старомъ Брнѣ—библіотекарь монастырской библіотеки; съ 1835 г. проф. философіи въ Брнѣ. Въ путевыхъ замѣткахъ о посѣщеніи Августинскаго мон. И. И. С—кій пишетъ про Клацеля: «Между монахами проф. Клацель, издавшій два томика стихотвореній и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между профессорами философіи въ Австрійской имперіи. Онъ читалъ мнѣ отрывокъ изъ своего перевода (?) старой Нѣмецкой сказки Reineke Fuchs, изв. по разсказу Гёте съ даннымъ ему названіемъ Kulišek. Разсказъ живъ, стихъ легкій, жизнь и поэзія въ цѣломъ. Цензура отмѣтила множество мѣстъ противъ духовенства и церкви и не позволила печатать. Клацель милый человѣкъ, Славянинъ въ душѣ, ученъ. Съ нимъ мы разсматривали библіотеку монастырскую. Онъ приводитъ ее въ порядокъ. Много инкунабулъ. Отыскалъ древности Чешскія: жизнь Елисаветы XIV столѣтія, отрывокъ изъ Псалтыри XIII столѣт., еще отрывокъ XIV стол.»—Впослѣдствіи навлекшій неудовольствіе за свой панславизмъ со стороны Австрійскаго правительства, Клацель былъ лишенъ каѳедры, и жилъ на покоѣ въ замкѣ одного Чешскаго патріота Фейта.

[2]) Ант. Бочекъ (1802—1847)—извѣстный историкъ Моравіи, профессоръ Чешскаго языка въ Оломуцѣ, въ Брнѣ.

[3]) Іодль Вольный извѣстенъ своими работами по топографіи Моравіи. (Письмо И. И. С—скаго Краевскому—Отеч. Зап. 1841. 12).

(Слѣдующее за симъ письмо, вѣроятно, отправленное изъ Оломуца (Olmütz) къ сожалѣнію не сохранилось. Чтобы восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ въ разсказѣ о странствованіяхъ по Моравскимъ землямъ, позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ Донесенія И. И. С—го Министру Народнаго Просв. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1841, № 8): «Занявшись Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Брнѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравіи, для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ, я поѣхалъ въ Оломуцъ (Olmütz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ профессоромъ Чешской литературы Шемберою. Еще молодой человѣкъ, онъ отлично дѣятеленъ и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чеш-

XXXII.

№ 21. Вратиславь (Бреслау) 1840. Іюля 25.

Видите, милая Маменька, гдѣ уже я. Не правда-ли, что вашъ сынокъ хоть-куда молодецъ? шляется, да и только. Одно худо: излѣнился писать къ Маменькѣ, забылъ свою акуратность, которою еще такъ недавно гордился. Впрочемъ, право, я достоинъ прощенія: въ дорогѣ, когда имѣешь при себѣ только бумажникъ съ карандашемъ, да нѣсколько клочковъ бумаги, писать и нѣчемъ и нѣ на чемъ; а воротишся къ портфейлю и чернилу, такъ спѣшишь записать въ дневникъ, что замѣтилъ на пути. Время же между тѣмъ летитъ, летитъ. Забыть, что у меня въ Харьковѣ есть Маменька я не забуду, потерять желаніе писать къ ней я не потеряю,—и только обстоятельства дѣлаютъ меня такимъ, что стоитъ подрать за уши.

И такъ я — во Вратислави, въ Пруссіи, чуть чуть не на границахъ Польши, по крайней мѣрѣ въ землѣ Поляковъ. Какъ мнѣ тутъ живется напишу тотчасъ; но прежде нѣсколько словъ о переѣздѣ сюда изъ незабвеннаго Оломоуца. Простившись въ Оломоуцѣ съ Моравaнами (17 Іюля), я направилъ свой путь на сѣверъ въ Австрійскую Силезію, къ Опавѣ (Троппау). По дорогѣ изъ Оломоуца до Опавы живутъ большею частію Нѣмцы,—и поэтому я могъ спать очень покойно. Богъ съ ними, съ этими Нѣмцами! Не хотѣлъ бы ихъ ни ненавидѣть, ни презирать; но какъ вспомню о Славянахъ, о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, сердце надрывается невольно. Сонъ въ этомъ случаѣ лучшее лекарство. За то въ Опавѣ я совершенно проснулся. Распросивши въ господѣ объ окрестностяхъ города, я выбѣжалъ изъ него, и давай шляться, останавливая каждаго нищаго, каждаго пастуха, каждую дѣвку и дѣвочку, каждаго мужика и распрашивая ихъ о чемъ попало, а при случаѣ записывая пословицы и пѣсни, я шелъ до Големовицъ, деревни отстоящей отъ Опавы не болѣе какъ въ 3 верстахъ, болѣе 3 часовъ; часа три пробылъ тамъ, на возвратномъ пути повернулъ въ другую тропинку, попалъ цѣлое стадо пастуховъ, пѣвшихъ пѣсню, предложилъ имъ за каждую пѣсню по крейцеру,

---

скій языкъ, и самъ обращаетъ неусыпное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей. Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную родину оригинальныхъ Ганаковъ, «Моравскую Палестину», какъ они называютъ ее, вникали въ ихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи. Далѣе я поѣхалъ въ Опаву (Troppau); впрочемъ въ самомъ городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энсъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опавы я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне, для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ». См. въ Приложеніяхъ къ письмамъ отрывки изъ Путевыхъ Замѣтокъ.

и солнце еще не зашло, а у меня весь запасъ бумаги былъ истощенъ. На другой день (а это было воскресенье) я поднялся рано и вышелъ изъ города въ другую сторону съ намѣреніемъ цѣлый день бродить. Гдѣ я былъ, право не знаю, знаю, что недалеко отъ Прусскихъ границъ, и видѣлъ съ одной горы Опаву такъ, какъ видѣнъ Харьковъ съ Хорошевской горы. Мѣста прекрасныя, народъ какъ народъ, небогатый, но веселый и радушный, въ господахъ хорошее пиво и ни полу-слова Нѣмецкаго. Въ этотъ день я издержалъ болѣе 4 рублей, но за то знаю Слезаковъ довольно порядочно, и пѣсень, какъ обращиковъ ихъ нарѣчія, имѣю, кажется, не менѣе 50. О Русскихъ тутъ имѣютъ понятіе, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ расказываютъ чудеса. На третій день утромъ я осматривалъ музеумъ, а послѣ обѣда поѣхалъ далѣе. Вечеромъ былъ уже въ Пруссіи, въ Нейштадтѣ, а на другой день въ 5 часовъ послѣ обѣда во Вратислави. Отъ Опавы до Нейштадта $7^1/_2$ миль, отъ Нейштадта до Вратислави $14^3/_4$, и того $22^1/_4$. До Нейштадта ѣдешь между горами, и еще болѣе видишь ихъ на лѣво къ западу; отъ Нейштадта равнина безконечно ровная и безконечно однообразная, и по обѣимъ сторонамъ дороги фруктовыя деревья, обыкновенно отдаваемыя казною въ аренду.

Пріѣзжаю во Вратиславь, занимаю № 15 въ «Силезіи», развертываю записную книгу, гдѣ каждый пріѣзжій долженъ записать свое имя и прочее, заглядываю въ предъидущую строку.—«Свиридовъ».—Онъ здѣсь? Въ какомъ номерѣ?—«№ 19».—Дома-ли?—«Кажется, дома. Позвольте я узнаю... дома».—Я къ нему и какъ старые знакомцы поцѣловались, засѣли, заболтались [1]). У каждаго было о чемъ говорить: скоро полгода какъ мы простились другъ съ другомъ въ Берлинѣ. Теперь уже ворочается онъ въ Россію и къ половинѣ Августа надѣется быть въ Харьковѣ. Счастливецъ! Съ нимъ ходили мы купаться, съ нимъ въ Вейсгартенъ ужинать.

На другое утро я пошелъ къ профессору Пуркинѣ [2]), къ которому былъ рекомендованъ Шафарикомъ и Ганкою. Онъ Чехъ и, какъ Чехъ, одинокъ, да и какъ Славянинъ не много имѣетъ знакомыхъ, потому что и Поляки тутъ все болѣе и болѣе нѣмечатся. Лишь только услышалъ отъ меня нѣсколько словъ по Чешски, какъ обнялъ меня по-отцовски... «Ну, вотъ такой гость, какъ ты — дорогой гость. Вонъ, вонъ изъ твоей Силезіи,—и ко мнѣ. Видишь

---

[1]) Ив. Алекс. Свиридовъ, впослѣдствіи проф. Харьковскаго университета по каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. См. о немъ въ письмѣ XIV.

[2]) Purkyně, Jan (1867—1869 г.)—докторъ медицины, проф. физіологіи сначала въ Бреславльскомъ, потомъ въ Пражскомъ университетѣ (съ 1849 г.). Кромѣ сочиненій по своей спеціальности извѣстенъ произведеніями литературными, именно переводами изъ Шиллера и Тасса.

(онъ повелъ меня по комнатамъ и привелъ въ уютную отдѣльную комнату)? Если только нравится, такъ вещи твои немедленно сюда. А будетъ, право, хорошо и покойно. Мацѣевскій, когда былъ во Вратислави, былъ тутъ-же: ему было не дурно. Тебѣ тоже не будетъ. Я—тихой старикъ. Дѣти мои (два маленькихъ мальчика) послушны. Будемъ себѣ жить хорошо». И старикъ (ему 54 года) опять обнялъ меня. Отказываться было бы тоже что обидѣть.— Пришелъ Свиридовъ. Послѣ обѣда мы пошли въ «Силезію», гдѣ я расплатился, отправивши вещи домой, оттуда въ театръ, а изъ театра и самъ пошелъ домой.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дому: было о чемъ и говорить, что и читать. Свиридовъ опять обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, а вечеромъ пилъ чай. Сегодня въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вратиславя въ Варшаву и Петербургъ. Я остаюсь—и самъ не знаю какъ на долго.—Время проходитъ такъ:—Утромъ въ 6 часовъ Эрнестина (одна изъ двухъ служанокъ) приноситъ мнѣ воду на умыванье. Въ половинѣ 7-го Пуркиня приходитъ самъ звать меня кофе пить. До 7-ми пьемъ кофе. Въ 7 Пуркиня идетъ въ Университетъ на лекцію, а я въ свою комнату заниматься. Воротившись изъ Университета, Пуркиня прямо ко мнѣ; болтаемъ, читаемъ. Потомъ расходимся и работаемъ до часу. Въ часъ иду въ кабинетъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе и болтовня до 4-хъ часовъ. Потомъ опять по угламъ. Вечеромъ, какъ придется, а чаще читаемъ что-нибудь вмѣстѣ. Въ 9 закусываемъ остатками отъ обѣда, еще нѣсколько читаемъ и расходимся спать. Доброму старику нравится мой домосѣдный образъ жизни, а мнѣ его. Дѣти премилые: сначала кажутся избалованными, но только сначала. Отецъ умѣлъ въ нихъ развить и умъ и нравственное чувство такъ, что они и умны и благородны не по лѣтамъ, и любятъ другъ друга по-ангельски. Въ старшемъ (ему уже около 9 лѣтъ) есть уже не мало и Славянскаго чувства и любви къ Чешскому языку [1]). Меньшой въ этомъ отношеніи смѣшонъ: говоритъ по Нѣмецки, знаетъ по Чешски только одно слово «ано» (да) и увѣряетъ, что этого довольно.

28 Іюля. Вторникъ.

Время идетъ прекрасно. Въ воскресенье однако иначе нежели въ будни: ни Пуркиня, ни я, ничѣмъ не занимались, а пересматривали новости, которыхъ набралось довольно много; а послѣ обѣда сѣли на лодку всей сѣмьей и поѣхали вверхъ по Одеру въ одинъ изъ садовъ, пили тамъ кофе, гуляли, веселились. Вечеромъ, воротившись домой, пѣли пѣсни.—

---

[1]) Вѣроятно Emanuel Purkyně, впослѣдствіи докторъ философіи, ботаникъ, профессоръ въ Бѣлѣ.

30-е Іюля.

Ай! Уже тридцатое. Подлинно, время летитъ! Ну много ли я настранствовалъ,—Плзень, Клатовъ, Будейовицы, Линцъ, Дунай, Вѣна, желѣзная дорога до Брна, Брно и южная Моравія, Оломоуцъ и восточная Моравія, Опава и Силезія, Вратиславь — и только; а между тѣмъ вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ дорогѣ. Въ Прагѣ уже меня ждутъ, потому что я обѣщался воротиться черезъ два мѣсяца, а между тѣмъ впереди еще остается порядочный кусокъ пути. Кусокъ пути—kausek cesty—Чехизмъ! Не порусски! Да этого мало, Маменька. Иногда выбѣжитъ изъ памяти самое обыкновенное русское слово. Однажды напримѣръ я чуть не бился лбомъ о стѣну, что бы вспомнить слово «жесть». Мучился, мучился и не вспомнилъ.

Между тѣмъ надобно же сказать хоть нѣсколько словъ о Вратислави. Правда, я мало знаю ее, потому что сижу цѣлый день дома и только вечеромъ выхожу изъ дому гулять вмѣстѣ съ Пуркинею; впрочемъ на нѣсколько строкъ фактовъ наберется. Вратиславь стоитъ на Одерѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Олава. Воды много, мѣсто ровное. Церквей чуть-ли не больше нежели воды, и все старыя, величавыя, съ башнями, почернѣвшія. Есть и между домами много напоминающихъ о прошедшихъ вѣкахъ: но тѣмъ страннѣе видѣть ихъ тутъ во Вратислави, гдѣ, наперекоръ обычаю, улицы довольно широки, ровны и пересѣкаютъ одна другую подъ прямыми углами, и гдѣ, рядомъ со стариной и скоро постарѣвшей, полуразвалившейся молодостію стоятъ домы, построенные въ современномъ вкусѣ, бѣленькіе, чистые, словомъ—красивые. Вокругъ нихъ (разумѣется не всюду) тополи и березы, липы и каштаны, а сами они подернуты кисеею винограда, вьющагося по стѣнамъ. Виноградъ вьется впрочемъ лучше по старымъ домамъ и рисуется на нихъ красивѣе; его ярко-темная зелень рисуется по бурымъ закоптѣлымъ стѣнамъ чудно и роскошно, вплетается въ рѣшетки оконъ, бѣжитъ къ кровлѣ, увивается вокругъ шпицовъ... Вокругъ Вратислави на мѣстѣ прежнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ Наполеономъ, идутъ аллеи для прогулокъ; подъ ними вода; за нею предмѣстія. Жаль что мѣсто ровное: любоваться Вратиславью нѣ отъ куда—все кусочки да кусочки. Третьяго дни мы обошли съ Пуркинею кругомъ всего города по аллеямъ. Вчера ходили въ ботаническій садъ: не великъ, но богатъ и прекрасенъ.

Приготовляюсь къ путешествію по землѣ Горныхъ и Дольнихъ Виндовъ, и надѣюсь изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между Поляковъ. Долго ли пробуду во Вратислави—не знаю. А вы, Маменька, пишите по прежнему въ Прагу.

Пуркиня приказываетъ Вамъ кланяться. Я сижу на софѣ, онъ противъ меня на креслѣ, и читаетъ. Большею частію сидитъ у меня. Прекрасный старикъ.

Цѣлую Вашу ручку. Поклонъ и почтеніе всѣмъ.

Срезневскій.

Какъ бы хорошо было, Маменька, если бы Вы написали Пуркинѣ письмо и поблагодарили бы въ немъ за пріемъ меня. Пришлите ко мнѣ, а я перешлю.

31 Іюля. Вчера вечеромъ ходили мы гулять въ Маргаритен-ау, здѣшній Пратеръ; и ворочаясь видѣлъ прелестное зрѣлище: партія гулякъ ѣздила за городъ по Одеру и ворочалась, освѣтивъ глав. лодку разноцвѣтными огнями, а изъ другой пуская фейерверки. Народу зѣвающаго были десятки тысячь, а на водѣ множество лодокъ, и все это при свѣтѣ искуств. огней составляло чудную картину [1].)

Для Амвросія [2]).

Мораво-Силезскія пѣсни.

1.

дорожку [1]).
Og wjm gá cestičku, wjm, wjm!
Kole nj růže kwětli, kole nj lipy rostli
Wjm, wjm.

Po nj chodžila ma miła-ła,
Když mne kochała, když miłowała
Ma miła-ła.

Na nj rozmarganky sadžiła
Pjsničku spjwage, pro mne dumage
Ma miła-ła.

Rozmarganky wyrosili-li
да да
Ene zawadli, ene opadli
Opadli!

Rozmarganky opadli
лелѣялъ
Kdo bude sadžič, miłowně chowač?
Opadli!

Oj wjm ga cestičku wjm, wjm!
Kołe nj trnečky rostů, kole nj badgaky kwětů.
Bjda má!

---

[1]) Приписка на полѣ.

[2]) А. Л. Метлинскаго.

[3]) Напечатанныя надъ нѣкоторыми словами переводы принадлежать И. И. С-кому; они надписаны въ подлинникѣ письма карандашемъ.

Wydž geščе gednû, ma mi ,ła
Na mne pohledni, a mne posłucheg
Ma miła-ła!
Guž ne słyši ma miła-ła,
утѣшить
W hrobečku leži! Kdo mne učeši!
Bjda má!
Wogaci gedû, na mně wołagû
Šawličku dawagû, mně počešagû,
To ge los mûg!
Wogakem budu ga, budu
Na wognu pûgdu, we wogně umru!
To ge los mûg
Og wjm ga cestičku, wjm, wjm!
Po nj wogacy gedû, Towařiša wezû
Mne, mne! [1]).

2.

Štyri koně we dwoře—
ни одинъ
Žaden s nima ne oře.
Oře s nima synáček,
гвоздика
Čerwený gak řebiček.
Gedže s nima do rolě
Zaorowač kukole.
Dyž kukolě dooral,
Na swû miłu zawołał:
«Podž, ma miłá, počkeg mne,
Powjm ga ci co ge mně.

---

[1]) Ой знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея цвѣли розы и росли липы.
Знаю, знаю.
По ней ходила моя милая,
Когда меня любила, когда миловала—
Моя милая
На ней сажала она розмарины,
Распѣвая пѣсни, про меня думая
Моя милая
Розмарины выросли
Да завяли, да осыпались
Осыпались!
Осыпались розмарины...
Кто жь будетъ ихъ сажать, лелѣять?...
Осыпались!
Ой, знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея ростетъ репейникъ, около нея
цвѣтетъ будякъ.
Горе мое
Выдь еще разокъ, моя милая,
Погляди на меня, меня послушай,
Моя милая!
Не слышитъ больше моя милая,
Лежитъ она въ гробу! Кто-жь меня утѣшитъ
Бѣда мнѣ!
Ѣдутъ солдаты, меня зовутъ;
Саблю даютъ мнѣ, меня утѣшаютъ
Вотъ моя судьба!
Стану солдатомъ
Пойду на войну, на войнѣ умру
Вотъ моя судьба
Ой знаю я дорожку знаю, знаю
По ней солдаты ѣдутъ, везутъ товарища—
Меня, меня!

Boli mně ma bławička,
Pobila mne mačička;
Pobila mne pro tebe,
By ně milowal tebe».
«Nechč če pro mne bige,
Ty možeš gidč ku giné».
«Ga ku giné ně pŭgdu,
Radšeg se dam na wognu».
«Na wognu se ně daweg,
Trudž rodžičŭm ně džełag.
«Na wognu se radšeg dám,
Trudž rodžičŭm udělam.
Když ga budu wogakem,
красивымъ
Budu šwarnym gonakem,
одежду
Dostanu šaty zeleny,
выпуски
A wyložky čerweny,
Wyložky čerweny...
To pro me potěšenj.
A konjčka wraného,
Wyskočim ga na něho.
Na konička wy-kočim
завѣю или какъ иначе?
Běłym šatkem zatočjm
вѣжливо
Pěkne se ti, ma miła,
прощусь, скажу adieu
Porŭčjm, porŭčjm [1]).

Poručjm se pěkně.
Twŭg Sr. [2]).

---

[1]) Четыре коня во дворѣ—
Никто на нихъ не пашетъ.
Одинъ на нихъ пашетъ молодчикъ,
Румяный, какъ гвоздика.
Ѣдетъ онъ съ ними на пашню
Запахивать куколь.
Когда куколь допахалъ,
Крикнулъ своей милой:
«Пойди, милая, подожди меня
Разскажу тебѣ, что со мной случилось.
Болитъ моя головушка,
Побила меня матушка,
Побила меня изъ за тебя,
Чтобъ не ухаживалъ я за тобой».
«Не хочешь, чтобъ изъ за меня тебя били
Такъ ступай къ другой».
«Я не пойду къ другой,
Лучше пойду на войну».
«Ты на войну не ходи,
Не огорчай родителей»
«Лучше я пойду на войну
Огорчу отца и мать.
Когда стану солдатомъ,
Буду я статнымъ молодцомъ;
Будетъ у меня зеленая куртка
Съ красными отворотами;
Красные отвороты—
Вотъ что меня утѣшитъ.
Будетъ у меня конь вороной—
Вскочу на него.
Вскочу я на коня
Махну бѣлымъ платкомъ
Вѣжливо прощусь съ тобой,
Прощусь съ тобой, моя милая».

[2]) Досвиданья. Твой Ср.

XXXIII.

№ 22. Вратиславь. 6 Августа 1840.

6-е Августа! Охъ и ахъ и ухъ! 6-е Августа! За 6-мъ и 7-е, а тамъ и послѣднее, а тамъ и Сентябрь — и годъ, какъ я выѣхалъ изъ Харькова. Вздумалъ было однажды ловить время за хвостъ и потомъ заставлять стоять тамъ, гдѣ я стою; а какъ одумался, такъ напрасно хотѣлъ: время всегда въ рукахъ, только не совладѣешь съ нимъ,—обманываетъ, отуманиваетъ, не движется и быстро летитъ, не даетъ и замѣтить, какъ поставитъ вверхъ ногами. Вотъ уже и двѣ недѣли какъ я во Вратислави, и скоро два мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Праги; гулять не гуляю, то и дѣло пишу да читаю, иногда недосыпаю,—времени ушло много—а въ итогѣ пріобрѣтеній мало, и въ будущемъ работы, работы, а что всего хуже—времени ушло много.

Что-же до моихъ работъ, такъ вотъ онѣ каковы: переписалъ одну старую и рѣдкую грамматику Дольно-Лужицкаго нарѣчія, переписываю собраніе Дольно-Лужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваю замѣчательности Библіотеки и Музеума древностей, по вечерамъ хожу на берегъ Одры болтать со сплавщиками лѣса изъ Ратибора по Слезски и т. п.

Гулялъ очень немного, и то вмѣстѣ съ Пуркиней. Перваго Августа—что-ли—ходили смотрѣть на красивый фейерверкъ; въ Воскресенье ходили въ Освицъ и Попловицъ (деревни близь Вратислави), гдѣ я нашелъ остатки двухъ старыхъ городищъ. Два раза ходили слушать Люцерову, о которой уже писалъ изъ Брна; опять видѣлъ ее въ Elisire d'amore и въ Свадьбѣ Фигаро: голосъ очень мягкой, нѣжный, пріемъ же ее здѣшнею публикою былъ еще нѣжнѣе,—ее осыпали цвѣтами. Вчера ходили смотрѣть Лира,' котораго игралъ Вѣнской актеръ Аншюцъ, знаменитый въ цѣлой Германіи трагикъ. Правда, что не легко понять актера; впрочемъ думаю, что нашъ Каратыгинъ выше сравненія съ Аншюцомъ. По городу ходилъ мало: заблудиться не заблужусь, лучшія строенія и улицы знаю; но тутъ и все.

Сегодня въ 10 часовъ ѣду въ Ополье (Оппельнъ) на Юго-Востокъ отъ Вратислави, на Одерѣ, къ Слезакамъ; а теперь (7-го половина) иду завтракать. Пуркиня уже ждетъ.

Ополье. 6-е Августа. 9-ть вечера.

Вотъ я и въ Опольи: 11½ миль отъ Вратислави; въ 10 выѣхалъ, въ 7½ пріѣхалъ. Personenpost идетъ каждый день, и между тѣмъ я получилъ 19-й Номеръ. Въ главномъ экипажѣ только 8 мѣстъ; слѣдовательно всѣ другіе помѣщены были въ бейвагенахъ, перемѣняющихся на каждой стан-

ціи. Это впрочемъ было для меня хорошо: почти на каждой станціи новые сосѣди, новый разговоръ. Для занимательности я принималъ на себя то ролю Чеха, то ролю Лапландца, то ролю Француза, и подъ разными формами разспрашивалъ о Слезакахъ, объ ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, а иногда и о Россіи, которая тутъ всюду какъ бревно въ глазу, такъ что и полчаса разговора не пройдетъ безъ воспоминаній, безъ толковъ, безъ споровъ о ней. Велемудрая политика Нѣмецкихъ глубокомысленниковъ уже рѣшила, что Франція получитъ Египетъ, Англія—Сирію, а Россія—Константинополь,—и занялась уже рѣшеніемъ вопроса, что послѣдуетъ за онымъ вышепомянутымъ дѣленіемъ Турціи. Удивительные, или, просто, удивительно-глупые люди эти Нѣмцы. Не безъ добрыхъ, не безъ ученыхъ людей между ними; но что глупость просвѣчиваетъ всюду, это и слѣпой увидитъ. Я говорю о Нѣмецкихъ Нѣмцахъ.

Теперь сижу и пишу; а за минуту проводилъ отъ себя — двухъ дѣвушекъ: одна—штубен-мэдхенъ = горничная, поившая меня чаемъ и славшая постель — Нѣмка съ кисловатой харѣнкой, другая кёльнерка, господствующая внизу при столѣ и въ буфетѣ—Полячка и премиленькая—въ родѣ Саши Робушевой, только съ карими глазами. Я изволилъ съ ними болтать и смѣшить ихъ своимъ неумѣньемъ говорить ни по Нѣмецки, ни по Польски. Обѣщались придти опять. Полька клялась душою, что придетъ и будетъ пѣть пѣсни. Едва-ли впрочемъ я буду ждать ихъ: мнѣ очень хочется спать.—

Ополье. 7-е Авг. Пятница.

День злосчастный, настоящая пятница Чешская (= Русскій понедѣльникъ). Ходилъ столько, что ноги устали, ходилъ и утромъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и на Сѣверъ, и на Востокъ, и на Югъ, и на Западъ, и по «дрогѣ», и по «ходнику»; а домой принесъ очень мало. Причиною отчасти я самъ: и я худо понимаю, и меня худо понимаютъ,—меня потому что мѣшаю Чешскій съ Польскимъ, а я потому что Слезаки безбожно скоро говорятъ, такъ скоро, что случалось изъ цѣлой рѣчи не понять, т. е. не разслышать ни полусловечка. Другая причина моихъ неудачь—работы полевыя: все жнетъ и сгребаетъ, не до болтанья съ такимъ даребакомъ, какъ я. Попалъ было нищаго, такъ—шепелявой, беззубой, и ничего не знаетъ; далъ ему грешель ($^1/_{180}$ талера) да и пошелъ прочь. Иду далѣе,—сидятъ дѣвки подъ липой, — я къ нимъ; заговорилъ, сѣлъ, сталъ закуривать трубку, — а они отъ меня; я упрашиваю ихъ остаться, а они бѣжать. Плюнулъ, да и далѣе. Иду далѣе... ну вотъ, думаю, наконецъ! Сидитъ мужикъ и пьетъ водку, и пьетъ, и разговариваетъ самъ съ собою, выдѣлывая какіе-то іерог-

лифы и руками и глазами. Къ нему:—«Помгай пôнъ бугъ!»—Га-га, пôне! Джіенкуіемъ!—и вдругъ съ водкой ко мнѣ, упрашиваетъ и Іезусомъ, и маткой Марэей и всѣми швентыми, что бы я пилъ. Отказывался, отказывался; наконецъ попробовалъ эту Нѣмецкую, гадкую, вонючую, картофельную водку,—чуть тутъ же не освободился отъ бремени. До сихъ поръ еще головой кручу. Великодушіе мое однако не помогло мнѣ. Слезакъ увидѣлъ, что я пью и присталъ, что бы я пилъ какъ надлежитъ. Человѣкъ, думаю себѣ, веселой. Лишь бы опустѣла бутылка, а тамъ и хорошо пойдетъ; а чтобы опустѣла безъ моего пособія, надобно подняться на хитрости. Ага! Вотъ камень; объ него эту канальскую бутылку, такъ и дѣлу конецъ. Взялъ, притворился пьющимъ,—и потомъ, какъ будто въ восторгѣ съ размаха руку въ сторону отъ себя—и хлопъ. Разумѣется, я долженъ былъ изумиться такой ожиданной нечаянности и приговорить: «Злэ, же јохъ ни вшецко допилъ»: Что-же!—«Тожъ то злэ, пôне: шкода фляжки; алэ гдо рôдъ піе горжаўку, про тего мôмъ еще» [1])—и вслѣдъ за тѣмъ вытащилъ изъ кармана еще одну фляжку, такую же только полную. Не бѣдовщина ли? Оставалось заплатить за бутылку—и далѣе.—Словомъ, всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь распросить, подслушать какую нибудь пословицу или новое слово, записать пѣсню—остались какъ раки на днѣ—у сѣти были, въ сѣть не попали. Уже вечеромъ только, зашедши къ какому то портному въ какой-то деревенькѣ, записалъ кое-что. Было бы и болѣе, да портной шелъ въ другую деревеньку на пиръ, и я долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что проводилъ его до той деревни. Хотѣлъ было вмѣстѣ съ портнымъ на пиръ; да вспомнилъ о водкѣ—и домой. Былъ 9-й часъ; усталые крестьяне ложились спать.

Вотъ и дома—и скучно. Хоть бы съ кёльнеркой поговорить; такъ у нея дѣла много, развѣ позже придетъ. А вчера, бестія, не приходила, заставивши меня не гасить свѣчь до 11 часовъ. Сегодня утромъ пришла и извинялась: работы было по уши. Кстати, по случаю хорошенькой кёльнерки: и въ Опольи и кругомъ народъ очень красивъ—особенно женщины. Прекрасныя, правильныя, нѣжныя и полныя огня лица, и станъ стройный, какъ у Ганачекъ [2]). Дѣти настоящіе ангельчики. Былъ-бы я живописецъ, такъ написалъ бы одну видѣнную мною дѣвочку: поднявши рубашонку, хлюпощется ногами въ лужѣ и улыбается, а каріе глазки изъ подъ разбросанныхъ бѣлыхъ волосъ такъ и сверкаютъ; въ двухъ шагахъ свинья спитъ въ грязи, а за нею мальчишка, лежа на травѣ, перебираетъ щетины ея хвоста Силезская аркадія!—

---

[1]) Экое горе: не допилъ всего.—Что за горе, поне: жаль бутылки; а кто любитъ выпить водки, про того есть у меня и еще.

[2]) О нихъ въ томъ письмѣ, которое пропало; Ганаки—одно изъ племенъ Моравскихъ.

10-ть вечера.

Наконецъ я утѣшенъ: кёльнерка приходила съ другою дѣвушкой, прачкой,—и я записалъ 8 пѣсень. Двѣ изъ нихъ прелесть. И я—влюбился—только ни въ кёльнерку, ни въ прачку, а—въ Силезское нарѣчіе. Когда имъ говоритъ такой голосъ, какъ прачкинъ, такъ это—музыка.—

Посылаю пѣсеньку, сочиненную Ганкою, имъ и писанную: содержаніе ея таково, что лучше всего не ворочаться съ нею въ Австрію. Сберегите ее, Маменька!

XXXIV.

№ 23. Ополье, 10-е Авг.

Два дни не былъ въ Опольи и вчера къ вечеру воротился опять сюда. Завтра буду во Вратислави и отправлю это письмо съ письмомъ къ брату; а потому и напишу немного.

Сначала о поѣздкѣ изъ Ополья: изъ Ополья въ Краппицъ въ дилижансѣ; оттуда въ Стрѣленъ пѣшкомъ верстъ 20, если не болѣе, съ проводникомъ за 5 сереб. грошей = 55 коп. асс.; изъ Стрелена съ фурманомъ въ Ополье. И утѣшенъ, веселъ, доволенъ самъ собою, даже не сержусь на того почтоваго приказнаго, который... впрочемъ объ этомъ послѣ. Кромѣ листка, на которомъ пишу, вся бумага исписана: тутъ и пѣсни, и пословицы, и сказки, и загадки, и описанія костюмовъ, и обычаи. Краппицъ преглупый городишка, въ которомъ говорятъ полу-Нѣмецкимъ языкомъ; но всетаки не по Слезки. Вмѣсто того чтобы идти въ гостинницу, я обѣгалъ городъ, и между тѣмъ спрашивалъ проводника до Стрелена. «Да тутъ дороги нѣтъ; заплатите дорого».—Проводника-фусгенгера—понимаете?—«Гаа»! И Нѣмецъ развѣсилъ уши и разставилъ носъ. «Да какого вамъ»?—Да простого мужика.—«До Стрелена?» отозвался какой то мужикъ. «Я изъ Стрелена пойдемъ-те со мною».—Ты Слезакъ?—«А то-жъ»!—Ну, такъ идемъ. Ночевать въ дорогѣ, гдѣ хочешь? «У зятя».—И пошли. Дорогою, пока стемнѣло, я то и дѣло садился и записывалъ, что мнѣ Слезакъ говорилъ. Въ девять пришли къ зятю. Избушка на курьихъ лапкахъ, передомъ на дворъ, коморкой на улицу, маленькая. Я расположился спать на соломѣ, на дворѣ, подлѣ коровы. Впрочемъ прежде нежели расположился, поужиналъ молока и хлѣба съ солью, за что зять ни крейцера не захотѣлъ взять, а очень радъ былъ, что принимаетъ дорогого гостя—„Чеха“ (я игралъ ролю Чеха) и видно, ученаго. «Пишите, пишите, пôне, да не забудьте написать, что молиться велятъ

а читать не учатъ. Дали намъ какого-то „затраценего Нѣмца“ учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ Фатеръ унзеръ вмѣсто Ойче нашъ. Ну что это за моленье. Этакъ больше согрѣшишь Ну что это Фатеръ унзеръ?» До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди къ коровѣ. Выспался славно, всталъ рано. Стаканъ воды, стаканъ молока—сливокъ, кусокъ хлѣба—и въ путь. Черезъ три часа былъ въ Стреленѣ. Тутъ тоже нечего было дѣлать. Проводникъ отыскалъ мнѣ повозку съ кучеромъ Слезакомъ, который тоже дорогою пересказалъ мнѣ кое-что, особенно, когда останавливались кормить лошадей, и когда въ гостинницѣ онъ нашелъ себѣ соперниковъ. Разболтался, распѣлся такъ, что про лошадей забылъ.

Теперь о почтовомъ приказномъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Гуттентагъ, и я взялъ билетъ, гдѣ ясно стоитъ, что почта отходитъ въ 9$^1/_2$ вечера. Прихожу въ 9$^1/_4$, прямо въ Passagier-Stube, жду. Бьетъ половина. Жду. Потомъ выхожу, спрашиваю; отвѣчаютъ: Personenprost давно ушла».—Да я трубы не слышалъ; мнѣ никто не приходилъ сказать, что бы я садился. — «Да мы этого не знаемъ».—Дѣло въ томъ, что кондуктору не хотѣлось ѣхать, и онъ отправилъ экипажъ съ одними письмами и посылками и съ кучеромъ—не въ $^1/_2$ десятаго, а въ 9. А моихъ три рубли пропало. И къ тому же еще день въ Опольи.

Впрочемъ все къ лучшему. Сегодня цѣлый день сидѣлъ въ комнатѣ, переписывалъ на чисто дорожныя замѣтки, написалъ письмо Пассеку, которому еще не писалъ изъ за границы,—и не замѣтилъ какъ день прошолъ. Въ Гуттентагъ ужъ не поѣду; а прямо во Вратиславь. Довольно пошлялся по Силезіи. Что бы узнать подробно, надобно остаться хоть на мѣсяцъ и болѣе; а этого не могу. Лучше далѣе.

Цѣлую вашу ручку, милая Маменька!—Ба, кёльнерка съ пѣснію...

Какія прекрасныя пѣсни знаетъ эта кёльнерка: не даромъ плачу по 11 коп. за номеръ. Очень спасибо ей.

Темнѣетъ. Скоро 8. Въ 10 ѣду,—и цѣлую ночь въ дорогѣ, а въ 8 утра у Пуркини.

Прощайте, Маменька. Кланяйтесь всѣмъ, кто помнитъ странствующаго старика Вашего.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Троичина,

Кадниковскаго уѣзда.

Бытовый очеркъ.

(*Продолженіе*).

2. Семейный бытъ.

Экономическая теорія, въ принципѣ отвергающая, во имя общаго благосостоянія, праздность отдѣльныхъ лицъ общества, и заставляющая каждаго человѣка трудиться, по мѣрѣ своихъ силъ, и создавать болѣе или менѣе полезные предметы — едва-ли гдѣ либо имѣетъ столько послѣдователей-практиковъ, какъ здѣсь. Здѣсь каждый трудится, и трудится съ ранняго утра до глухой ночи, не исключая и дѣтей, а о женщинахъ и говорить нечего— они прилежаніемъ и терпѣніемъ во многомъ перещеголяютъ мужчинъ, уступая первенство послѣднимъ только въ физической силѣ. Ребенокъ лѣтъ 6-ти, какого пола безразлично, уже нянька; съ утра до ночи онъ возится съ болѣе меньшими. Дѣвочка лѣтъ 8-ми уже помогаетъ матери въ домашнемъ обиходѣ и ее пріучаютъ прясть; на долю мальчика этихъ лѣтъ выпадаетъ также не мало работы, онъ пасетъ скотъ и находится, слѣдовательно, съ ранней весны и до поздней осени (если деревней не наняли общественнаго пастуха), въ каждый почти день съ утра до ночи, въ лѣсу, претерпѣвая при этомъ всевозможныя перемѣны погоды. 10—12 лѣтъ такой мальчикъ уже помощникъ отцу — онъ рубитъ жерди, городитъ изгородь, ѣздитъ за чѣмъ нибудь въ лѣсъ, коситъ траву и жнетъ хлѣбъ.

Женщины въ каждый день съ 4-хъ часовъ утра уже на ногахъ: носятъ дрова, топятъ печь и приготовляютъ обѣдъ своей семьѣ, за всѣмъ этимъ, нужно подоить коровъ, напоить и накормить ихъ, дать сѣна лошадямъ, напоить и накормить овецъ. Кормъ для коровъ еще требуетъ приготовленія, заключающагося въ мятьѣ соломы и смѣшеніи ея, на половину, съ сѣномъ; подобная смѣсь получаетъ названіе «трясаницы». Весною на обязанности женщины, кромѣ домашняго обихода, лежитъ еще жечь новинки подъ ленъ, нерѣдко и подъ рожь, посѣять ленъ, сборонить полосу и посѣять хлѣбъ, посадить въ огородъ рѣдьку, картофель, лукъ и т. п. Лѣтомъ до наступленія сѣнокосной

поры женщины и дѣти занимаются сдиркою березовой коры, въ сѣнокосъ женщина, послѣ домашняго обихода, бѣжитъ на пожню, иногда верстъ за 10, коситъ или сгребать сѣно, проработавши съ утра до вечера—бѣжитъ домой, гдѣ нужно подоить коровъ, прибрать въ избѣ, накормить и приласкать ребятишекъ, остававшихся дома.

Осенью она треплетъ и чешетъ ленъ, починяетъ и шьетъ за ново одежду, жнетъ и молотитъ хлѣбъ, убираетъ и очищаетъ изъ огорода овощи; зимою же кромѣ обычнаго домашняго обихода, прядетъ ленъ, тветъ холстъ, однимъ словомъ исполняетъ всевозможныя работы. И надо удивляться, какъ это «воздушное созданье», — какъ выразился какой-то поэтъ, — такъ трудолюбиво здѣсь, и еще болѣе тому, что оно (по видимому, конечно), нисколько не тяготится своимъ положеніемъ. Посмотришь, какъ, въ какой нибудь праздникъ, женщины вырядятся въ свои цвѣтные наряды да съ пѣснями и веселымъ здоровымъ смѣхомъ пройдутъ по деревнѣ, такъ и не повѣришь, что они только ночью, быть можетъ, вернулись съ пожни въ потѣ лица и исполнили за-день такую работу, которая и мужчинамъ еле «вмоготу», т. е. едва по силамъ.

Что касается мужчинъ, то они положительно завалены работами во весь годъ, отдыхомъ имъ служатъ дни большихъ праздниковъ—и только. Изъ нижеслѣдующаго уже видно, что̀ они дѣлаютъ въ продолженіи года.

Зимою крестьянинъ рубитъ лѣсъ, живя постоянно въ немъ, въ истопкѣ, нерѣдко 10 — 20 верстъ отъ деревни, или коптитъ на дегтекурномъ или смолокурномъ заводѣ, возитъ для дому дрова, воду, сѣно и т. п. Весною онъ плавитъ лѣсъ, суда, дрова и т. п. Пришедши съ устья Кубены домой, онъ тотчасъ же принимается за соху и топоръ, пашетъ землю, обноситъ поля и полянки изгородью за-ново, или починяетъ старую, рубитъ новины, корчитъ пни для смолы, сдираетъ береста, чиститъ сѣнокосныя полосы, лѣтомъ коситъ и сгребаетъ сѣно, огораживаетъ стоги, называемые здѣсь «зародами»; осенью жнетъ хлѣбъ, убираетъ его въ гумно, молотитъ и мелетъ его, ремонтируетъ или за-ново строитъ разныя хозяйственныя постройки и т. д. Дома здѣсь строятся большіе (благодаря, конечно, изобилію лѣсовъ)—передъ отъ 4 до 6 саж. въ длину и ширину; на столькихъ же саженяхъ строится сарай, съ дворомъ для скота и клѣтями. Рядомъ съ домомъ помѣщаются разнородныя постройки: хлѣвы, амбаръ, погребъ для овощей и т. п. Дома строятся большею частію одноэтажные, съ подвалами внизу, двухъ-этажные только у зажиточныхъ. Внутренность домовъ незатѣйлива: кирпичная или глиняная печь, рядомъ съ ней голбецъ (курятникъ), полати, лавки, скамейки, столъ, божница (мѣсто въ переднемъ углу, гдѣ ставятся иконы), вотъ и все. Окна въ домахъ вырубаются маленькія,—чтобы держалось зимою тепло въ избѣ,—отчего и днемъ царитъ

въ ней полутьма. Чистота и опрятность въ домахъ отсутствуютъ, такъ какъ всѣ способные къ труду члены семейства, съ утра до вечера каждаго дня, бываютъ заняты работой, а потому соблюдать имъ гигіеническія условія не приходится. Всѣ работы исполняются по приказу старшаго въ семействѣ; но такой старшій никогда не злоупотребляетъ (въ большинствѣ случаевъ) данной ему властію; онъ въ особо-важныхъ дѣлахъ всегда совѣтуется со всѣми младшими членами семейства и если замѣчаетъ, что кто либо изъ младшихъ умнѣе, или, какъ говорятъ здѣсь, «смышленнѣе» его, то безропотно передаетъ первенство тому. Бываетъ, что такимъ первенствомъ пользуется даже женщина, хозяйка, если не de jure, то de facto. Эгоизмъ и властолюбіе здѣсь не играютъ такой роли, какъ у людей интеллигентныхъ.

Таковъ семейный бытъ, сохранившійся въ данной мѣстности по завѣтамъ стариковъ! Но мы были бы неправы, не упомянувъ о томъ печальномъ явленіи, что все это годъ отъ году стало измѣняться. Примѣромъ этихъ печальныхъ явленій пока служитъ Ембская волость, гдѣ всѣ старые устои расшатаны, гдѣ отецъ калѣчитъ сына, малолѣтка, за то, что послѣдній испортилъ его трубку, гдѣ и наоборотъ, сынъ отца своего убиваетъ на-смерть за полштофъ вина, поставленный для того сосѣдомъ, врагомъ отца, и идетъ въ Сибирь и т. п.

Но о такихъ печальныхъ явленіяхъ въ народной жизни данной мѣстности мы когда нибудь поговоримъ особо. Вообще же, должно замѣтить, что семейный бытъ въ Троичинѣ пока еще держится старинки, дѣдовскихъ завѣтовъ.

3. Духъ населенія въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ и общественное управленіе.

Въ общемъ—населеніе очень религіозно, т. е. вѣритъ, какъ и подобаетъ, въ существованіе Бога, соблюдаетъ посты, ходитъ усердно въ церковь и тамъ не менѣе усердно молится, что же касается до пониманія религіи въ частности, то, какъ и вездѣ, въ необразованной средѣ, оно довольно невѣжественно: едва ли найдется хотя одинъ человѣкъ во всей мѣстности — изъ крестьянъ, конечно, — который бы зналъ Св. Евангеліе; большею частію не знаютъ даже заповѣдей и не умѣютъ прочесть наизусть самой краткой какой нибудь молитвы. Иконы хотя имѣются въ каждомъ домѣ, но отъ пыли и дыма въ такомъ находятся видѣ, что нужна большая спеціальность, — узнать какого святого на доскѣ было нѣкогда изображеніе. О существованіи праздниковъ знаютъ, но кромѣ Рождества Христова, Св. Пасхи и тѣхъ, въ которые варится, по обычаю, пиво или бываетъ гуляніе,—не празднуютъ, и въ дни ихъ занимаются

работами. Варится же пиво наиболѣе къ праздникамъ: Рождества Пресвятой Богородицы, Покрова Пресвятой Богородицы, днямъ Николая Чудотворца— 6-го декабря и 9-го мая — и въ день муч. Луппы, 23-го августа. Этотъ послѣдній день носитъ названіе «Николы на-рожденье», хотя ни въ святцахъ, ни въ календаряхъ мы не могли найти такого праздника, между тѣмъ онъ весьма распространенъ между мѣстными крестьянами.

Въ политическомъ отношеніи населеніе довольно невѣжественно. Страхъ передъ начальствомъ, хотя бы даже и воображаемымъ, доходитъ до сумасбродства. Пріѣздъ въ деревню станового пристава, или даже урядника производитъ такой переполохъ, что и представить себѣ трудно. Хозяинъ дома, гдѣ остановится начальственное лицо, дрожитъ какъ осиновый листъ осенью, твердя въ душѣ какія нибудь молитвенныя слова и тихонько приговаривая: «быть бѣдѣ», хотя бы такое лицо и не имѣло къ нему непосредственнаго отношенія. На душѣ у женщинъ еще тяжелѣе—они боятся за себя и за мужчинъ, чтобы и съ ними чего не приключилось,—«иначе, говорятъ они между собою,— зачѣмъ бы онъ (начальникъ) пріѣхалъ къ намъ? видно бѣда какая нибудь стряслась»,... а ребятишки залезутъ куда нибудь въ темный уголъ, пока не уѣдетъ начальникъ, боясь даже шевельнуться. Различенія начальства отъ не начальства здѣсь, можно сказать, не знаютъ. Каждый человѣкъ, одѣтый въ нѣмецкое платье, къ тому же не знакомый, — уже начальникъ, а если при этомъ обладаетъ еще на фуражкѣ кокардой, то большой начальникъ, всѣ приказанія котораго, какъ бы они нелѣпы не были, должны быть исполнены безпрекословно. Прежде чѣмъ исполнить приказанія такого лица, спросить у него права давать приказанія—никому и въ умъ не приходитъ. Неудивительно, что какой нибудь «ёра» поступитъ сюда въ становые пристава или въ урядники и такихъ дѣлъ натворитъ, столько приведетъ убытка населенію своими глупыми распоряженіями, что во всякомъ другомъ мѣстѣ его давно бы предали суду и ужъ, конечно, осудили бы, а у насъ даже не пожалуются, лишь скажутъ: «суди его Богъ»!...

Общественное управленіе волостью находится въ рукахъ волостныхъ старшинъ и писарей. Волостной старшина всегда пользуется большею властію и почетомъ, а потому на эту должность, за немногими исключеніями, избираются всегда тѣ изъ крестьянъ, которые и до выбора ихъ на должность волостнаго старшины пользовались въ своей средѣ нѣкотораго рода авторитетностію и которые, кромѣ того, умѣли бы какъ обходиться съ начальствомъ, чтобы послѣднее ихъ, крестьянъ, не притѣсняло. Къ сожалѣнію, такіе люди, т. е. пользующіеся въ своей средѣ авторитетностью, всѣми силами стараются въ послѣдніе годы «отнѣкиваться» отъ принятія на себя должности старшины, нерѣдко ставя «міру» за избавленіе отъ этой обязанности по ведру и по два

водки. Такое печальное явленіе объясняется тѣмъ, что должность эта не даетъ достаточныхъ средствъ къ существованію, а обязанностей же и отвѣтственности у старшины—цѣлая масса.

Всякія жалобы, прошенія, заявленія и т. п. подаются большею частію лично старшинѣ, который, разсмотрѣвъ прошеніе, или на словахъ выслушавъ просителя, созываетъ волостныхъ судей, истца и отвѣтчика, и начинаетъ судить. Судьи въ большинствѣ случаевъ люди малограмотные, а потому дѣла рѣшаются почти всегда такъ, какъ угодно старшинѣ или писарю.

Волостные писаря тоже играютъ не маловажную роль въ общественномъ управленіи, хотя это явленіе только самаго послѣдняго времени, ранѣе же они никакой роли въ этомъ дѣлѣ не играли, такъ какъ и вся обязанность волостнаго писаря заключается здѣсь только въ слѣдующемъ: вести исправно «входящую» и «исходящую» книги, писать старостамъ различнаго рода «приказы», составлять требуемыя высшимъ начальствомъ вѣдомости объ урожаѣ хлѣбовъ, о количествѣ скота и т. п. и, наконецъ, принятіе и отправка по земской почтѣ корреспонденціи. Тяжебныхъ дѣлъ здѣсь очень не много приходится разбирать волостнымъ судомъ, по причинѣ нахожденія въ мѣстности, а именно въ с. Троицко-Енальскомъ, 4-го мироваго участка. Всѣ дѣла объ оскорбленіяхъ рѣшаются мировымъ судьею, чѣмъ много облегченъ трудъ волостныхъ судей, а равно и писарей, на обязанности которыхъ лежало записывать въ книгу каждое рѣшеніе волостнаго суда въ подлинности.

Сельскіе старосты, они же и сборщики податей не пользуются почти ни какимъ почтеніемъ въ своей средѣ: «это свой братъ (хотя и старшина тоже свой братъ), можно и поругать—не осердится», говорятъ крестьяне; понятно и выбираются на такую должность всегда люди такъ-себѣ, надо же кого нибудь выбрать! Жалованья получаютъ волостныя старшины около 100 руб. въ годъ, волостные писаря — 120 руб., старосты — 10 — 15 руб., сельскіе писаря—3—5 руб. Понятно, за такія мизерныя жалованія стали избѣгать этихъ должностей, какъ нами уже говорено выше, всѣ зажиточные и пользующіеся авторитетностью крестьяне; платить же болѣе этого населеніе не имѣетъ возможности, такъ какъ по случаю малаго состава волостей (наибольшая волость въ мѣстности имѣетъ только 1685 рев. м. п. душъ, а есть и такія, гдѣ только 500 — 600 душъ всего) волостные и сельскіе расходы и безъ того ложаться тяжкимъ бременемъ на крестьянъ — отъ 80 коп. до 1 руб. на душу.

Что касается повинностей, то онѣ, благодаря чрезмѣрному трудолюбію населенія, выплачиваются довольно исправно; недоимокъ почти не копится.

Исправленіе проселочныхъ дорогъ, ремонтъ мостовъ и т. п. исполняется натурою, по приказу полицейскихъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ и подъ

личнымъ наблюденіемъ сельскихъ старостъ, за исключеніемъ только Архангельскаго тракта, который ремонтируется и исправляется земствомъ.

Перевозы чрезъ рр. Кубену и Ембу—тоже земскіе, отдаются такіе перевозы земствомъ съ торговъ, срокомъ на три года, частнымъ лицамъ, за что послѣдніе и получаютъ отъ земства по 100 руб. и болѣе въ годъ. На каждомъ перевозѣ имѣется доска, на обоихъ берегахъ рѣки, съ надписью: «перевозъ безплатный», съ обозначеніемъ лодокъ и поромовъ, на немъ находящихся, или по крайней мѣрѣ должныхъ по кондиціямъ находиться. Крестьяне деревни Хмѣлевской (Бережокъ-тожь), Нижеслободской волости, чрезъ р. Кубену, кромѣ земскаго перевоза, устраиваютъ еще для пѣшеходовъ безплатно лаву, т. е. плотъ чрезъ всю рѣку, въ 6—7 бревенъ въ рядъ, съ перилами по бокамъ.

Обывательскія почтовыя станціи содержатся тоже земствомъ и также отдаются съ торговъ, какъ и перевозы, срокомъ на три года; средняя плата за содержаніе ихъ приблизительно 150 руб. въ годъ за каждую лошадь, сколько опредѣляется земскими кондиціями содержать ихъ на той или другой станціи.

4. Обычаи и нравы.

Въ лѣтнее время въ каждомъ приходѣ, вблизи приходской церкви, происходитъ по одному, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по два раза въ годъ торжки, куда народу изъ окрестныхъ деревень приходитъ множество; люди пожилыхъ лѣтъ приходятъ туда для хозяйственныхъ покупокъ, привозимыхъ торговцами, какъ-то: косъ, серповъ и т. п., а молодые люди—ихъ большинство — приходятъ просто себя показать и другихъ (конечно, въ большинствѣ случаевъ невѣстъ) посмотрѣть, кстати и «кутнуть».

Такія сборища носятъ наименованіе «гуляній» и бываютъ они большею частью въ Троицынъ день, въ день св. Тихона, что 16-го іюня, въ первое воскресеніе послѣ дня Петра и Павла «молёбное» и даже въ самый этотъ день, какъ напр. въ Вальгской волости, наконецъ въ день Ильи Пророка, 20-го іюля. Въ Нижеслободской волости день Ильи Пророка празднуется по очереди, напримѣръ въ одинъ годъ въ деревнѣ П., въ другой — ближайшей къ ней О. и т. д. Крестьяне той деревни, по очереди въ которой должно быть празднество, варятъ къ этому дню пиво, на солодъ котораго рожь собираютъ по-душно со всѣхъ деревень, но хмѣль долженъ быть купленъ и варка пива произведена тою деревней, гдѣ назначено празднество. Въ самый день праздника приносится въ ту деревню изъ сосѣдней (гдѣ было ранѣе это празднество) общественная икона—образъ Ильи Пророка (который и остается опять въ этой деревнѣ въ теченіи года) и служатся молебны, почему и самое это празднество носитъ названіе «мольбы».

По окончаніи молебновъ, всѣ присутствующіе, кто и откуда бы не былъ, начинаютъ пить пиво, выставляемое на улицѣ на большихъ длинныхъ скамейкахъ. Носить пиво домой не позволяется никому, а пить его на мѣстѣ каждый имѣетъ право «сколько влѣзетъ», такъ какъ оно «мірское».

На сколько древенъ такой обычай, можно судить уже потому, что ежегодно принято, по окончаніи молебновъ, прилѣплять по одной свѣчкѣ, копѣечнаго достоинства, къ одному мѣсту, къ прежде прилѣпленнымъ, и такимъ образомъ изъ этихъ копѣечныхъ свѣчекъ въ настоящее время составился восковой подсвѣчникъ вѣсомъ не менѣе 20 фунтовъ! Этотъ подсвѣчникъ ставится во время молебновъ предъ образомъ Ильи Пророка.

Празднованіе этого дня въ дер. Хмѣлевской, той же волости, происходитъ нѣсколько иначе, а именно: въ ней празднуется не по очереди, а ежегодно, и пива не варится, а варится только сусло. Различается здѣсь празднованіе этого дня еще и тѣмъ, что образа Ильи Пророка не приносятъ сюда, хотя бываютъ иконы, но изъ мѣстной церкви, и аккуратно служатся молебны въ каждый годъ. Образа Ильи Пророка не приносятъ вотъ по какому случаю. Лѣтъ 50, а можетъ и 100 тому назадъ, этотъ образъ былъ принесенъ туда впервые, но тотчасъ же поднялась такая буря, громъ, что никто и никогда подобнаго по силѣ раскатовъ грома не слыхалъ; это принято за желаніе Ильи Пророка, чтобы его образъ никогда не былъ въ этой деревнѣ, и съ тѣхъ поръ не приносятъ.

Въ зимнее время молодые парни и дѣвицы въ каждый день, по вечерамъ, собираются въ какой нибудь домъ (большею частью по-очередно), гдѣ дѣвицы занимаются пряжею льна, а парни ухаживаніемъ за ними. Такія собранія называются «бесѣдами». На нихъ бываетъ 10—20 дѣвицъ и почти такое же количество парней. Лучшія изъ дѣвицъ сидятъ на почетныхъ мѣстахъ— въ переднемъ углу, третья часть изъ нихъ поетъ пѣсни, такая же часть, если не большая, находится въ объятіяхъ парней, возлюбленныхъ ими, а остальныя, болѣе худшія, занимаются между собою сплетнями, руганью и эхидно подсмѣиваются надъ лучшими сотоварками, завидуя ихъ счастію выслушивать любовныя изліянія; такая же зависть обуреваетъ душу и тѣхъ парней, которые не обладаютъ пригожестью лица и ухарьствомъ, а потому и менѣе любимы дѣвицами. Такія бесѣды начинаются съ октября, а иногда и съ сентября мѣсяцевъ, и кончаются съ наступленіемъ Великаго поста. Обнятіе дѣвицы парнемъ на бесѣдѣ въ глазахъ населенія ничего предосудительнаго не имѣетъ, но обнятіе дѣвицею парня—считается верхомъ безнравственности.

Танцы или вѣрнѣе пляски, сходныя по тѣлодвиженіямъ пляшущихъ съ пляскою святого Витта, бываютъ только въ пивные праздники или въ дни гулянія. Пляска совершается подъ игру на гармоникѣ молодыхъ парней или же подъ пѣсни вообще, какъ парней, такъ и дѣвицъ.

За два дня до Рождества Христова дѣвицы сообща пекутъ пироги. Матеріалы для этого, какъ-то: мука, соль, рыба или что либо иное, приносятся каждой, участвующей въ печеніи пироговъ. Пироги эти ѣдятъ частію сами, частью ребята изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣвицами.

Въ ночь на Новый годъ дѣти, въ возрастѣ 10—15 лѣтъ, имѣютъ обыкновеніе красть разные экипажи мѣстной деревни, какъ-то: сани, пошовни, соху, борону, телѣгу и т. п., и все это утаскиваютъ куда нибудь подъ гору, около деревни, и складываютъ ихъ въ одну кучу. Кража эта сопровождается сильнымъ крикомъ, хохотомъ и потому зачастую хозяинъ слышитъ это и поступаетъ въ данномъ случаѣ согласно своему нраву: если смирный, то не выходитъ на улицу, чтобы разогнать ребятишекъ, а только скажетъ: «ну, пусть потѣшатся», если не смирный, то—горе тогда маленькимъ воришкамъ! Онъ выскакиваетъ на улицу и бьетъ ихъ, но не смотря на получаемые иногда побои, обычай этотъ никогда не прекращался и не прекращается до сихъ поръ. Получивши «потасовку», ребятишки не покидаютъ своего дѣла и всю ночь просидятъ гдѣ нибудь вблизи «сердитаго», а дождутся таки того, что послѣдній уснетъ, и тогда они съ удвоенною смѣтливостью и энергіей утащатъ у него все, чтò будетъ можно. То-то будетъ у нихъ веселье, когда удастся утащить сани у «сердитаго»! Эти сани непремѣнно постараются разбить въ дребезги, чего съ другими не дѣлаютъ. На другой день вся эта куча разбирается хозяевами, и ребятишки уже ничего не трогаютъ болѣе.

Въ святки здѣсь по обычаю ходятъ ряжеными. По неимѣнію масокъ, рядятся въ свои домашніе костюмы и непремѣнно дѣвица мужчиною, а парень женщиною. Ряженыхъ сопровождаетъ толпа ребятишекъ. Парни большею частью разыгрываютъ роль старика горбатаго, хромаго, цыгана или начальника; для роли послѣдняго служитъ солдатскій мундиръ,

Въ масляную недѣлю бываетъ катаніе съ горъ. Катаются на «корёжкахъ» и «чункахъ». Катаніе съ горъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ по близости есть гора, бываетъ во всю зиму, но съ тою разницею, что тогда катаются одни только ребятишки, а въ масляницу—парни, дѣвицы, нерѣдко и пожилые люди, особенно женщины, катаніе которыхъ, впрочемъ, сопряжено еще, кромѣ удовольствія, съ повѣріемъ, а именно: если женщина скатится съ горы удачно, т. е. не упадетъ съ корежки и не уѣдетъ въ сторону, это считается за признакъ того, что у ней въ этотъ годъ выростетъ ленъ длинный и прямой, вообще хорошій.

Тамъ же, гдѣ нѣтъ естественной горы, дѣлается въ масляницу искусственная. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ катаніе бываетъ на лошадяхъ, причемъ лошади украшаются лентами, обвѣшиваются бубенчиками, и запрягаются непре-

мѣнно въ «пошовни», какъ наиболѣе почетный экипажъ. Въ пошовняхъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ два парня, двѣ или три дѣвицы. Одинъ изъ парней играетъ на гармоникѣ, а дѣвицы подпѣваютъ, а второй ямщичаетъ, т. е. исполняетъ должность ямщика. Въ с. Троицко-Енальскомъ устраивается для катанія на лошадяхъ кругъ на манеръ городскихъ. Въ деревнѣ Хмѣлевской, Нежеслободской волости, катаніе съ горы въ масляницу заканчивается сожженіемъ на рѣкѣ Кубенѣ дегтярной бочки, гдѣ разбиваются объ ледъ и корежки.

Въ Великій постъ по деревнямъ всего уѣзда, особенно въ данной мѣстности, пекутся калачи и ступки. Калачи бываютъ изъ крупчатки второго сорта, а ступки изъ гороховой муки и имѣютъ формы пирамиды. Всѣ эти яства покупаются молодыми парнями, которые по вечерамъ, за неимѣніемъ бесѣды, собираются къ пекарю и тамъ играютъ въ карты, ставя эти предметы вмѣсто денегъ. Кромѣ картъ, игръ въ «калачи» много, наиболѣе принятыми являются слѣдующія: рубка къ стулу, рубка на стулѣ, бросаніе черезъ воронецъ и ѣда. а) Рубка къ стулу: Кладется калачъ на полъ вертикально и такъ, чтобы онъ плотно прилегалъ къ стулу, который бываетъ просто деревянный обрубокъ, затѣмъ его требуется перерубить однимъ ударомъ топора. Вся трудность въ подобной игрѣ заключается въ правильности удара: на $^1/_4$ дюйма ударить пониже, то топоръ уйдетъ въ полъ и калачъ будетъ цѣлъ, на то же разстояніе взять повыше, то нижняя часть калача останется непрорубленною. б) Рубка на стулѣ. Игра эта состоитъ въ томъ, что кладется на стулъ 3—4 калача, и нужно ихъ тоже однимъ ударомъ топора перерубить всѣ. Калачи дѣлаются большіе, еле обнимаетъ ихъ остріе топора, такъ что нужна замѣчательная правильность удара, чтобъ всѣ перерубить. Какъ въ первой игрѣ, такъ во второй и въ послѣдующихъ наградою выигравшему служитъ отдача безвозмездно перерубленныхъ калачей. в) Бросаніе черезъ воронецъ. Бросаніе черезъ воронецъ калачей совершается такъ: изъявившій желаніе бросить, садится на лавку, лицомъ къ стѣнѣ, беретъ въ руки условленное количество калачей и бросаетъ черезъ голову; если ему удастся перебросить ихъ всѣ черезъ воронецъ, то калачи, какъ сказано, поступаютъ въ его пользу, въ противномъ случаѣ онъ долженъ уплатить за эти калачи деньги пекарю и калачи къ тому же отдать тому, съ кѣмъ былъ спортъ. Бросаютъ еще и такъ: бросающій садится на лавку и прижимаетъ головою къ стѣнѣ монету (обыкновенно копѣйку) и затѣмъ тоже бросаетъ черезъ воронецъ условленное количество калачей, и если всѣ ихъ переброситъ, и копѣйка не выпадетъ изъ-подъ головы, то игра удалась. г) Ѣда. Берутся съѣсть условленное количество калачей и если съѣдятъ, то не платятъ ничего, а въ противномъ случаѣ уплачиваютъ за нихъ вдвое противъ стоимости.

Въ Великомъ же посту варится кисель изъ гороховой муки, который ѣдятъ съ постнымъ (льнянымъ) масломъ, и тоже бываетъ спортъ на «ѣду». При этомъ наѣдаются иногда такъ, что требуется медицинская помощь.

Вошло въ обычай при продажѣ и покупкѣ лошадей слѣдующее: продавецъ долженъ держать подъ уздцу свою лошадь полой своей одежи, передавая ее покупателю, который въ свою очередь принимаетъ ее тоже полою одежи и кромѣ того трижды обводитъ вкругъ себя.

Въ Великій четвергъ вся семья «окуривается», т. е. шагаетъ черезъ горящій на сковородкѣ вересъ. Это дѣлается во-первыхъ для того, чтобъ очиститься отъ грѣховъ, а во-вторыхъ для того, чтобы во весь годъ не знать болѣзней.

Въ тотъ же день умываются съ серебра, т. е. кладутъ въ умывальникъ нѣсколько серебрянныхъ монетъ и водою съ нихъ умываются. Это дѣлается для того, чтобъ не знать болѣзней глазъ.

25-го марта не чешутъ головъ, дабы не болѣла голова.

Съ зимы въ первый разъ выгоняютъ скотъ на пастьбу вербами, нарочно оставляемыми для этого въ Вербное воскресеніе.

5. Преданія.

Въ старину было нашествіе въ Кадниковскій уѣздъ какого-то воинственнаго народа, который на пути своемъ дѣлалъ страшныя опустошенія и звѣрства; когда дѣйствительно было нашествіе—достовѣрно неизвѣстно: одни говорятъ, лѣтъ 100 тому назадъ, другіе—200; также неизвѣстно и то какой это былъ народъ: по однимъ преданіямъ это были разбойники съ Волги, по другимъ—народъ, извѣстный подъ именемъ чуди; а, быть можетъ, это были бѣглые Новгородцы или Поляки. Г. Мерцаловъ въ своей статьѣ: «Панскій наѣздъ» [1]) говоритъ, что «въ Вологодской лѣтописи встрѣчается извѣстіе, что въ Сентябрѣ 1612 года польскіе и литовскіе люди съ черкасами и казаками пришли на Вологду безвѣстно, «изгономъ», города и посады выжгли и подъ предводительствомъ пана Голеневскаго, гетмана Шелковецкаго и атамана Баловня воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали. Шайки ихъ разсыпались по всему сѣверному краю и доходили даже до Холмогоръ»...

Быть можетъ такія шайки этихъ рыцарей безъ чести заходили и сюда, потому что по всѣмъ преданіямъ они извѣстны подъ именемъ пановъ. Паны прибыли въ Кадниковскій уѣздъ по однимъ преданіямъ съ низовья рѣки

[1]) Вологодскій Статистическій Сборникъ, издаваемый губ. стат. Комитетомъ, т. 5-й.

Кубены, по другимъ—изъ Вельскаго уѣзда, и было ихъ очень много, и жили нѣкоторые изъ нихъ долго, устраивали даже поселки свои, какъ это мы увидимъ ниже. По прибытіи своемъ навели на мѣстныхъ жителей сильнѣйшій страхъ, такой, что и теперь еще ихъ именемъ пугаютъ ребятишекъ, когда они расплачутся. Паны занимались грабежомъ, и ограбленныя деревни нерѣдко сожигали, какъ это, напримѣръ, случилось съ деревней Куненской, Нижеслободской волости. Бывали случаи и сожиганія ими людей; вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, какъ говоритъ преданіе. Когда паны прибыли въ деревню Хмѣлевскую, той же волости, то жители этой деревни отъ страха всѣ разбѣжались по лѣсамъ, остался въ деревнѣ одинъ только крестьянинъ, по имени Иванъ, которому и поручено было разбѣжавшимися жителями хранить ихъ имущества, зарытыя въ землю. Иванъ залѣзъ у себя въ домѣ въ стогъ соломы, думая тѣмъ спастись отъ пановъ, но ошибся—паны открыли его убѣжище и потребовали показать имущества, будучи увѣрены, что онъ знаетъ ихъ, коли не убѣжалъ самъ. Иванъ отвѣтилъ имъ, что «знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ» ни о какомъ имуществѣ. Паны сильно озлились на него и стали пытать: рвать жилы, ногти, но все было безуспѣшно; тогда они разложили у ручья,—что̀ близь деревни—огонь, на который, т. е. на огонь и положили Ивана и начали медленно жечь, не переставая спрашивать, гдѣ находится имущество, но Иванъ былъ мужикъ непреклоннаго характера и постоянно твердилъ одно и то же: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю»,—съ тѣмъ и умеръ. Послѣ этого событія и ручей сталъ называться Ивановскимъ и до сихъ поръ носитъ это названіе. Это событіе было такъ давно, что деревня Хмѣлевская тогда состояла изъ 3—4-хъ домовъ, а теперь въ ней около 70-ти. Но паны были и послѣ того въ этой, или, по крайней мѣрѣ, по преданію, вблизи этой деревни. Вотъ какъ говоритъ преданіе: Въ трехъ верстахъ отъ сказанной деревни, на берегу р. Кубены, при сліяніи ея съ Ембою, была битва «нашихъ» съ «панами». Паны приплыли туда въ лодкахъ, съ низовья Кубены, и хотѣли устроить тутъ городъ (вѣроятно, только поселокъ), но наши имъ не позволили, отчего и произошла битва, продолжавшаяся очень долго и которая была тяжела для обѣихъ сторонъ, но наши, въ концѣ концовъ все-таки побѣдили, главному начальнику ихъ выкололи лѣвый глазъ, а имущество ихъ отняли и раздѣлили между собою. Много было убитыхъ особенно пановъ; но однако нѣкоторые изъ нихъ спаслись—тѣмъ, что побросались въ свои лодки и поплыли опять въ низъ по теченію Кубены, откуда и прибыли. Наши тогда ничего подѣлать не могли, такъ какъ не имѣли лодокъ. Доказательствомъ вѣроятности происходившаго, пожалуй, можетъ служить найденная на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, происходила битва, сѣкира (родъ топора), которая находится у пишущаго сіи строки.

Паны ходили всюду, нерѣдко и по одиночкѣ; такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ деревни Якуненской, той же волости, по прозванію «Олень», разъ встрѣтилъ въ своей поскотинѣ пана, который, впрочемъ, задолго до этого добивался встрѣчи съ Оленемъ, у котораго по слухамъ хранилось имущество и деньги всей деревни, и паны это знали (вѣроятно, этотъ былъ ихъ лазутчикъ). Олень, встрѣтивши пана, видитъ невозможность для себя защититься отъ него, такъ какъ панъ былъ вооруженъ копьемъ, а у Оленя не было даже и палки; видя это, онъ пустился на хитрость. Онъ началъ быстро удирать отъ пана по направленію ближайшей изгороди, перепрыгнувъ черезъ нее, тутъ же засѣлъ подъ елкой, вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ и панъ и, чтобъ скорѣе перепрыгнуть черезъ изгородь, онъ сперва перебросилъ черезъ нея копье, что и нужно было Оленю; онъ тогда выскакиваетъ съ быстротою настоящаго оленя и, схвативши панское копье, тутъ и прикололъ послѣдняго. Копье это долго хранилось въ деревнѣ, какъ трофей побѣды, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время одинъ кузнецъ исковалъ его на ножи: «сталь-то ужъ очень хороша»!.... объяснилъ намъ кузнецъ. Одежда пановъ была черная, длинная, на манеръ монашеской.

По преданіямъ, въ Ембской волости паны были ни кто иной, какъ разбойники съ Волги. На счетъ одежды преданія сходны съ преданіями Нижеслободской волости.

Изъ пребыванія пановъ въ Ембской волости сохранилось слѣдующее преданіе: Пріѣхавши въ Ембу, паны вознамѣрились убить Антона, крестьянина дер. Агафоновской, слывшаго за богатыря, но это не удалось имъ: Антонъ всюду оказывался побѣдителемъ, однажды даже уздечкой одному повстрѣчавшемуся пану выбилъ всѣ зубы. Беззубаго пана, уже старикомъ послѣ того, кто-то видалъ въ Пошехоньѣ, гдѣ онъ занимался уже хлѣбопашествомъ.

Послѣ нашествія пановъ, въ Ембской волости найдены были во многихъ мѣстахъ копья и проч.

У пишущаго сіи строки, между прочимъ, была глиняная фляжка, изящной работы и древней конструкціи, съ гербами по бокамъ ея, пріобрѣтенная имъ въ дер. Исаковской, Ембской волости; эта фляжка въ настоящее время находится въ Вологдѣ, въ вологодскомъ музеѣ древностей, чтǒ при домикѣ Петра Великаго. По преданію, фляжка эта была подарена однимъ паномъ одной старухѣ, отъ которой происходитъ то семейство, гдѣ до сихъ поръ хранилась эта фляжка. Вотъ что говоритъ преданіе объ этомъ подаркѣ: Когда паны пріѣхали изъ Вельскаго уѣзда въ эту деревню, т. е. Исаковскую, состоявшую тогда изъ трехъ дворовъ (а нынѣ ихъ 50), то жители этой деревни, по примѣру другихъ, разбѣжались въ лѣса; въ деревнѣ осталась одна лишь старуха, которая не испугалась (быть можетъ не могла отъ

старости убѣжать) пановъ и встрѣтила ихъ по русскому обычаю съ хлѣбомъ и солью. Это очень понравилось главному изъ пановъ и онъ уѣзжая подарилъ ей эту фляжку, говоря: «на, старуха, это тебѣ на память».—На вопросъ старухи, что они за люди? панъ отвѣтилъ, что «вольные, съ Волги, ѣздимъ по Руси народъ въ свою шайку забирать, главный же нашъ начальникъ живетъ на Волгѣ». Были ли эти дѣйствительно «вольные люди» съ Волги, Стеньки ли Разина отряды или Пугачева, или просто Поляки съ Литовцами, налгавшіе старухѣ, не желая открыть ей своего имени и ремесла,—преданіе объ этомъ умалчиваетъ.

Въ Митюковской волости, въ лѣсныхъ пустошахъ подъ названіемъ:—Фоминская, Родіониха, Слюниха, Матрениха и Лѣсная,—не далеко одна отъ другой отстоящихъ, жили въ старину тоже какіе-то люди, которыхъ по преданію народъ тоже называетъ панами; но эти паны занимались мирнымъ ремесломъ—хлѣбопашествомъ и охотой. Какой тутъ жилъ народъ? Откуда онъ пришелъ, куда и почему скрылся?—преданіе тоже умалчиваетъ, но что люди тутъ живали—это удостовѣряется сохранившимися до сего времени на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ указываетъ преданіе, они живали, обломками кирпичей, отъ нѣкогда существовавшихъ печекъ, а также замѣтны борозды-слѣды пашни, не смотря на то, что на такихъ мѣстахъ выросъ уже строевой лѣсъ.

Въ Азлецкой волости есть пустошь Ивониха (Иваниха-тожъ), гдѣ прежде была деревня Иваниха, въ этой деревнѣ встарь долго жили паны, занимавшіеся набѣгами съ цѣлію грабежа въ сосѣднія деревни. До настоящаго времени еще сохранились слѣды этой деревни: отброски отъ желѣза, гдѣ находилась тогда кузница и множество кирпичей. Тутъ же, неподалеку, есть холмъ, имѣющій видъ насыпи и около его—остатки какого-то строенія.

Паны жили и въ Троицко-Енальской волости, гдѣ, по преданію, они и окончили свою разбойническую дѣятельность: часть ихъ была взята нашими войсками, неизвѣстно откуда пришедшими, а часть—разбѣжалась. Они разграбили деревню Родіоновскую и награбленное имущество зарывали въ землю въ своемъ поселкѣ, который гдѣ-то недалеко отъ этой деревни находился. Изъ этого поселка они дѣлали набѣги на сосѣднія деревни; особенно часто они производили грабежъ въ Ухтомской волости; во время гулянія тамъ 16 Іюня они производили страшный переполохъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Стоило только появиться на это гуляніе 20—30 панамъ, какъ вся масса народа бросалась бѣжать куда кому попало, оставляя даже и имущество свое, что̀ конечно было панамъ на руку.

Награбленныя деньги паны зарывали въ землю; о такихъ кладахъ много бывало и записей, по которымъ нерѣдко и находили ихъ. Вотъ преданіе объ одномъ изъ такихъ кладовъ: въ Троицко-Енальской волости была прежде церковь

деревянная, отъ того мѣста, гдѣ она находилась, нужно взять прямую линію на гору, гдѣ находился панскій поселокъ, и вотъ тамъ, при скрещиваніи этой линіи съ прямою же линіею отъ ближайшей деревни (Бакланово), зарытъ въ землю пивной котелъ, наполненный серебромъ и золотомъ: котелъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, находится подъ громаднымъ камнемъ.

Въ той же волости, если ѣхать на Вотчу, то на пути будетъ мѣстечко, называемое «Большая осина», гдѣ зарытъ въ землю панами цѣлый котелъ денегъ, исключительно золотой монеты; но, чтобы найти его, нужно спѣть 40 пѣсенъ, не упоминая ни дружка, ни подружки, и кромѣ того во время пѣнія надо находиться на осинѣ вверхъ ногами. Много было попытокъ къ отысканію этого клада, но всѣ онѣ кончались безуспѣшно, такъ какъ никто не могъ найти во 1-хъ 40 пѣсенъ безъ дружка или подруженьки, а во 2-хъ—никто не въ состояніи столь долго находиться въ висячемъ положеніи на воздухѣ, къ тому-же внизъ головой; такъ кладъ и не открытъ.

Близь деревни Заозерья, Нижеслободской волости, есть тоже кладъ — корчага золота. Кладъ этотъ находится въ 100 саж. въ южную сторону отъ озера. Попытокъ отыскать этотъ кладъ было дѣлано много, но все безуспѣшно,— кладъ и по сіе время находится не открытымъ.

Въ другихъ мѣстахъ такія попытки будто бы увѣнчивались успѣхомъ. Такъ разсказываютъ, что крестьянинъ деревни Засухинской, Нижеслободской же волости, по имени Панкратъ, умершій лѣтъ 50 тому назадъ, разъ въ своей жизни нашелъ кладъ: корчагу золота и серебра. Кладъ этотъ найденъ Панкратомъ единственно по указанію преданія: гдѣ онъ по преданію долженъ быть, тутъ дѣйствительно и оказался. Отыскалъ онъ этотъ кладъ съ другимъ крестьяниномъ, но деньги получилъ одинъ всѣ, обманувъ своего товарища.

Объ этой находкѣ говорятъ слѣдующее: Панкратъ, дорывшись до корчаги, вдругъ бросилъ свой заступъ, и, быстро выскочивъ изъ ямы, побѣжалъ и крикнулъ: «пугаетъ! бѣжи и ты—задавитъ»! и товарищъ его тоже побѣжалъ, отступившись отъ клада. (Въ ту пору, вслѣдствіе невѣжества, слово «пугаетъ» производило паническій страхъ у слышавшихъ его, да и теперь еще недалеко ушли крестьяне данной мѣстности отъ подобныхъ суевѣрій). Когда они прибѣжали домой, то Панкратъ тайно отъ товарища сходилъ туда и досталъ эту корчагу и съ тѣхъ поръ зажилъ богато. Потомки его и теперь еще въ своей деревнѣ слывутъ за богачей. Было-ли это правда или ложь—рѣшить не беремся, но думается, что правда, такъ какъ намъ лично извѣстны два случая нахожденія кладовъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, а именно: Одинъ крестьянинъ вблизи самаго г. Кадникова, копавшій глину, отрылъ корчагу серебра, вѣсомъ около 1 пуда; всѣ монеты были копѣечнаго достоинства и трехугольной формы. Это было въ 1877 году. Затѣмъ, одна крестьянка Маныловской волости, дер. Докукинской, жавши въ

полѣ рожь нашла глиняную кубышку, наполненную серебрянной монетою, тоже копѣечнаго достоинства, съ надписями на нихъ: «Великій князь Иванъ». Нѣсколько штукъ такихъ монетъ пріобрѣтено отъ послѣдней и пишущимъ сіи строки, остальныя же она распродала по коммерчески — 15 коп. за штуку. Кладъ этотъ открытъ въ 1887 году.

6. Повѣрья, суевѣрія, ворожба и заговоры.

По мѣстнымъ вѣрованіямъ, умершій человѣкъ, въ 40-й день послѣ своей смерти, приходитъ невидимо домой, чтобы посмотрѣть и узнать, какъ живутъ его семейные и сожалѣютъ-ли о его кончинѣ, а потому въ этотъ день пекутся шаньги (родъ блиновъ) и ставятся они подъ иконы, на почетное мѣсто, чтобъ было чего умершему покушать, когда онъ придетъ. Въ этотъ день вся семья находится въ слезахъ, желая увѣрить тѣмъ умершаго, что онъ имъ дорогъ, и что безъ него стало жить плохо. Къ вечеру, видя шаньги нетронутыми, конечно,—женщины начинаютъ «причитать», горько жалѣя и о томъ, между прочимъ, что онъ (умершій-ая) «не изволилъ ничего покушать».

Есть такое повѣрье, что кто желаетъ быть невидимымъ, то долженъ, во время пасхальной утрени или обѣдни придти въ баню и найти тамъ «банника» (нечистый духъ, завѣдующій банями), который въ это время обыкновенно спитъ, снять съ него шапку и съ такой шапкой бѣжать какъ можно скорѣе въ церковь,—если успѣешь добѣжать до церкви, прежде чѣмъ банникъ догадается о томъ, то желаніе смѣльчака будетъ исполнено: въ этой шапкѣ онъ будетъ невидимъ, въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ смерть—банникъ ни за что не проститъ такой дерзости, догонитъ его и убьетъ. Но разъ человѣкъ добѣжалъ до церкви съ такою шапкою,—сила банника парализована; онъ уже никакого вреда сдѣлать смѣльчаку не можетъ.

Въ Троичинѣ вѣрятъ также и въ слѣдующее врачебное средство: Если нарвать на канунѣ Иванова дня—23-го іюня—пукъ разныхъ травъ и цвѣтовъ (особенно папоротника) и такимъ пукомъ въ банѣ,—которую слѣдуетъ истопить въ тотъ день какъ можно жарче, — обтереть свое тѣло, то въ продолженіи цѣлаго года не познаешь никакой болѣзни.

Отъ свирѣпствующей въ деревнѣ эпидеміи, по мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ, можно избавиться слѣдующимъ образомъ: Если заболѣваніе еще не коснулось дома, то вбиваютъ въ косякъ дверей лошадиную подкову, черезъ которую болѣзнь не можетъ перейти. Когда заболѣлъ кто нибудь изъ семейства, то для предупрежденія распространенія болѣзни, остальные члены семьи шагаютъ черезъ горящій на сковородкѣ вересъ, что̀ называется, какъ уже сказано, «окуриваются». Окурившіеся — внѣ опасности. Когда же случается, что и

окурившійся, не смотря на это, заболѣваетъ, то это объясняется тѣмъ, что въ числѣ окуривавшихся былъ человѣкъ «нечистый», «поганый», и горе тому, на кого падетъ подозрѣніе!

Если же эпидемія появилась гдѣ нибудь по близости, но не въ самомъ селеніи, то, чтобъ не допустить ея въ селеніе, вокругъ него объѣзжаютъ съ сохой и бороной вверхъ зубьями; бабы при этомъ, взявши по вѣнику-голику, идя за сохой, съ распущенными косами, неистово кричатъ и машутъ голиками, желая тѣмъ «напугать» болѣзнь. Но это суевѣріе осталось еще въ самыхъ отдаленныхъ отъ врачебныхъ пунктовъ деревняхъ, въ ближайшихъ же къ нимъ—оно уже не существуетъ.

Отъ чесотки лѣчатся слѣдующимъ образомъ: натапливаютъ жарко баню и тамъ по окончаніи хвостанья (стеганія себя вѣникомъ), натираютъ больное мѣсто золой изъ каменцы (банной печи).

Ребенка, только-что родившагося, прежде всего приносятъ къ отцу, который долженъ его подержать на рукахъ своихъ и поцѣловать еще не обмытаго. Это дѣлается для того, чтобъ отецъ любилъ своего ребенка не переставая.—Для этой же цѣли, новорожденнаго, при крещеніи, одѣваютъ въ грязную отцовскую рубаху, нерѣдко даже въ подштанники, и не смотря на увѣщеванія священниковъ, что грубо и не человѣчно одѣвать или вѣрнѣе—обвертывать ребенка въ какое нибудь дегтярное или пропотѣвшее отцовское рубище,—все-таки обычай этотъ существуетъ. Даже вымыть такое рубище не полагается, ибо тогда смоется «отцовская любовь».

При началѣ косьбы, натачивая косу, говорятъ:

«Коси коса гладко,
Люби коса лопатку,
Лопатка песокъ,
Косецъ пирожокъ»,

и не ѣдятъ соломатъ (любимая крестьянами ѣда, приготовляемая изъ толокна, смѣшаннаго съ водою, солью и масломъ) до тѣхъ поръ, пока не поставятъ первый зародъ сѣна. Такъ поступаютъ для того, чтобъ не сгнило сѣно и не было черно.

Когда городятъ осѣкъ, т. е. изгородь вокругъ скотскаго выгона, то во весь этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, не берутъ съ собою пищи, а работаютъ голодные. Въ эти дни не борются, не сдираютъ съ деревъ коры и начинаютъ это дѣло непремѣнно въ скоромный день. Не ѣдятъ въ этотъ день для того, чтобъ не съѣлъ медвѣдь коровы, не борются,—чтобъ не было борьбы коровы съ медвѣдемъ, не дерутъ коры, чтобы медвѣдь не содралъ съ коровъ кожи; въ скоромный же день начинаютъ работу для того, чтобъ не убилъ медвѣдь коровъ, вслѣдствіе чего пришлось бы остаться на постной пищѣ.

Если коровы не пришли къ ночи домой, то хозяинъ ихъ идетъ на то мѣсто, гдѣ они ночевали, беретъ съ него немного земли, которую и разсыпаетъ по двору. Послѣ этого скотъ долженъ приходить въ каждый день аккуратно во дворъ.

Чтобъ уберечь скотъ отъ истребленія медвѣдемъ, нужно найти медвѣжью голову и зарыть ее въ воротахъ двора.

Привораживаютъ, т. е. пріучаютъ собаку новые хозяева такъ: берутъ кусокъ хлѣба и обводятъ имъ вокругъ себя и собаки трижды, и этотъ хлѣбъ отдаютъ собакѣ съѣсть; послѣ этого собака не должна убѣжать къ своему прежнему хозяину.

Отстриженные ногти не бросаются, а складываются въ одно мѣсто, такъ какъ они пригодятся въ будущей жизни. По повѣрью, послѣ смерти на тотъ свѣтъ придется лѣзть въ гору, на что̀ необходимы хорошіе ногти. Не стригутся ногти и въ чужомъ домѣ, изъ-за боязни поссориться съ хозяиномъ дома.

При колотьи рыбы «съ лучемъ», первую заколотую рыбу должно зарыть въ землю, какъ-бы она не была велика, что дѣлается для того, чтобъ во всю осень былъ удаченъ ловъ ея.—Когда ставятся кряжи для зайцевъ, то перваго зайца не берутъ по той же причинѣ.

Когда весною плывутъ на баркахъ или плотахъ, и на берегу увидятъ зайца, то говорить объ этомъ нельзя, потому что упомянувъ слово «заяцъ»— вызовешь несчастіе (вѣроятно потому, что зайца считаютъ самымъ несчастнымъ изъ животныхъ, такъ какъ его даже птица и та обидитъ): разобьетъ барку или плотъ, или то-ли другое посадишь на мель. Свистать во время сплава тоже не полагается.

Если въ какую-либо осень появилось много той или другой дичи или звѣря, то говорятъ, что «нашъ лѣшій выигралъ это у другаго», если мало— значитъ, проигралъ.

Земляной медвѣдь (кротъ), по понятію крестьянъ, очень полезенъ тѣмъ. что будучи высушенъ и положенъ въ воротахъ двора, ограждаетъ скотъ отъ истребленія звѣрьми.

При закладкѣ амбара, надъ четырьмя угловыми камнями, идущими подъ закладныя бревна, говорятъ: «святы Боже, святы крѣпки, святы безсмертны помилуй насъ!», и затѣмъ плюнувъ по три раза на каждый камень ограждаютъ этимъ отъ пребыванія въ немъ мышей.

При началѣ жатвы, первая горсть хлѣба затыкается жнецами за поясъ и съ него жнутъ до обѣда. Это дѣлаютъ для того, чтобы не уставала спина. По окончаніи жатвы овса, оставляется на послѣдней полосѣ часть, съ одинъ снопъ не болѣе, несжатою и къ концу жнитва вся семья приходитъ дожинать эту полосу, храня гробовое молчаніе, и оставляя недожатыми нѣсколько

волоконъ, которыя беретъ набольшій изъ семьи и закручивая ихъ, не срывая, говоритъ: «Вотъ тебѣ, Илья (Илья пророкъ, который считается у крестьянъ главнымъ кормильцемъ и поильцемъ людей и скота, такъ, какъ по ихъ понятію, онъ производитъ дождь и громъ), борода, а ты пой и корми моего добраго коня!» Затѣмъ сжатое связывается въ одинъ снопъ и снопъ, этотъ приносится домой, гдѣ и ставится въ переднемъ углу. Простоявъ тамъ нѣсколько дней, уносится въ сѣнникъ (клѣть), гдѣ и лежитъ до Покрова дня, когда его отдаютъ скоту, чтобъ онъ не околѣлъ съ голоду и холоду во время зимовки.

При закладкѣ новаго дома, кладется подъ закладныя бревна нѣсколько звонкихъ монетъ, дабы жилось богаче. При переходѣ же, послѣ раздѣла, въ новый домъ соблюдается слѣдующее: переходятъ въ «глухое время»—полночь— и такъ, чтобъ никто изъ семейниковъ не зналъ. Напримѣръ, если мужикъ съ женой и дѣтьми переходитъ отъ брата, то сначала онъ одинъ перейдетъ, а затѣмъ уже на 2-й переходитъ и жена его съ дѣтьми. Прежде чѣмъ войти въ избу, впускаютъ туда пѣтуха и ждутъ, не запоетъ ли скоро, если запоетъ, то значитъ въ новомъ домѣ заживется весело, а если не запоетъ, то на оборотъ.

При настилкѣ потолка въ новомъ домѣ, къ одному брусу, называемому «матица», привязывается коровай хлѣба и соли, дабы жилось сытѣе.

Тѣ угли, которые быстро выскакиваютъ изъ печи, во время ея топки, убираются женщинами, и во время родовъ съ этихъ углей пьютъ воду, чтобъ родить также скоро, какъ тѣ угли выскочили изъ печи. Съ этою же цѣлью пьютъ настой изъ травы, называемой здѣсь «прострѣлъ».

При посѣвѣ озимаго, не ѣдятъ въ полѣ ничего, дабы не съѣлъ озимь червь, а яровое сѣется, положивши въ сѣмена просфору.

Больнаго кумухой (лихорадкою) лѣчатъ такъ: пишутъ на лоскуткѣ бумажки начальныя и конечныя буквы каждаго слова молитвы, начинающейся словами: «Иже на всякое время, на всякій часъ»...

При воспаленіи какого бы то ни было мѣста, прикладываютъ къ воспаленному мѣсту глину, размѣшанную въ квасѣ.

Застарѣлыя раны лѣчатъ творогомъ, прикладываемымъ къ ночи; свѣжія же раны—настоемъ водки съ березовыми почками.

Бѣльма на глазахъ сгоняютъ виномъ, настоеннымъ съ камфорою: пріемъ такъ: утромъ и вечеромъ спускать по 1 каплѣ.

Чтобы спорился хлѣбъ, кладутъ въ амбаръ какую-нибудь глиняную фляшку или горшокъ, наполненный всякимъ житомъ.

Когда отелится корова, то ее доятъ 8 сутокъ въ нечистую посуду и молоко это отдаютъ теленку, затѣмъ уже доятъ въ чистую, но передъ этимъ хозяйка вливаетъ въ эту посудину воды, приготовляетъ горячихъ угйле ,ладану

и мѣшокъ, потомъ начинаетъ молиться Богу. Засимъ беретъ все приготовленное, встаетъ къ печному столбу и говоритъ: «Матушка, коровушка, стой также крѣпко, какъ вотъ этотъ столбъ», потомъ обмываетъ и обтираетъ мѣшкомъ корову, приговаривая: «косточки, суставчики, собирайтесь въ одно мѣстечко», и «какъ скоро насыпается въ мѣшокъ зерно, такъ скоро наливайся у коровушки молочко», и наконецъ окуриваетъ корову ладаномъ на горячихъ угляхъ. Теленка же держатъ отъ 1 до 2-хъ недѣль въ избѣ. Приносятъ его въ избу въ мѣшкѣ и тотчасъ же прикладываютъ къ печной заслонкѣ, приговаривая: «Какъ эта заслоночка держится печки, также крѣпко держись и ты своего двора».

О томъ, сколько человѣкъ будетъ въ томъ семействѣ, въ которомъ дѣвушкѣ придется жить по выходѣ замужъ, гадаютъ, или по мѣстному выраженію—«ворожатъ», слѣдующимъ образомъ: берутъ въ руки столько соломенокъ (понятно не мятыхъ), сколько можно захватить и бросаютъ ихъ въ нетесанный потолокъ, изъ круглыхъ бревенъ; число застрявшихъ въ щеляхъ потолка соломенокъ обозначаетъ число членовъ того семейства, въ которомъ будетъ жить гадальщица.

Чтобъ узнать, съ которой стороны прiѣдетъ женихъ или въ которой сторонѣ онъ живетъ, дѣвицы выходятъ въ святки на то мѣсто, гдѣ скрещивается нѣсколько дорогъ, и на этомъ мѣстѣ кружатся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ. Куда, т. е. въ которую сторону упадетъ та или другая дѣвица головою, оттуда и должно ждать себѣ жениха.

О пригожести или уродствѣ жениха узнаютъ слѣдующимъ образомъ: прибѣгаютъ къ полѣнницѣ съ дровами; закрывши глаза берутъ на угадъ первое попавшееся подъ руку полѣно, и съ нимъ каждая дѣвица бѣжитъ на бесѣду, гдѣ эти полѣнья тщательно разсматриваются: у которой оно окажется прямымъ и гладкимъ, то выйдетъ за красавца, а у которыхъ полѣнья окажутся кривыми или шаршавыми, будутъ имѣть жениха криваго, хромаго или испещреннаго оспою.

Во время рекрутскаго набора, родители рекрута, желая узнать, будетъ-ли ихъ сынъ принятъ въ солдаты, ворожатъ такъ: на ночь кладутъ во дворъ сапоги его и на утро осматриваютъ ихъ, если они пошевелены и лежатъ на другомъ мѣстѣ, то сынъ будетъ принятъ—и на оборотъ. По повѣрью, если сынъ будетъ принятъ въ солдаты, то «дворовушко» перевернетъ сапоги, или «поплачетъ», или же другимъ какимъ-либо движенiемъ, но непремѣнно дастъ знать о томъ съ напряженiемъ, слѣдящимъ за этимъ въ послѣднюю ночь передъ наборомъ родителямъ...

О смерти гадаютъ слѣдующими способами: а) когда дожавши послѣднюю полосу, семья собирается уже домой, тогда бросаютъ черезъ голову серпы,

и чей серпъ воткнется въ землю, тотъ и умретъ, не доживши до слѣдующей жатвы; б) когда въ день имянинъ неудачно испекутся пироги, то это считается тоже за признакъ того, что имянинникъ въ этомъ году умретъ: в) въ ночь на Новый годъ всѣ члены семьи берутъ по ложкѣ и, зачерпнувъ ими воду, выносятъ ихъ въ холодное мѣсто, а на утро осматриваютъ: у кого въ ложкѣ вода застыла съ небольшимъ хотя углубленіемъ въ срединѣ, тотъ умретъ въ этомъ году, а у кого она застыла ровно или даже съ бугоркомъ, тотъ будетъ жить; г) въ эту же ночь ставятся гдѣ-нибудь около дома полѣнья дровъ въ снѣгъ и на утро тоже осматриваютъ—чье полѣно упало, тотъ и умретъ.

Чтобы найти потерянную вещь, нужно завязать на полотенцѣ узелокъ и не развязывать до тѣхъ поръ, пока утерянная вещь не найдется.

Сѣверное сіяніе означаетъ войну.

Солнечное затмѣніе обозначаетъ бѣду, случившуюся надъ кѣмъ-нибудь изъ царствующаго дома.

О томъ, любятъ-ли такіе-то (парень и дѣвица) другъ друга, дѣвицы въ святки ворожатъ слѣдующимъ образомъ: Берутъ сковородку, наполняютъ ее водой, спускаютъ туда два нитяныя шнура къ краямъ сковородки и такъ, чтобы они находились одинъ противъ другаго и, раскручиваясь, сходились бы на срединѣ ея, должны закрутиться въ одну веревку. Закрутились—значитъ загаданныя особы любятъ другъ друга и скоро повѣнчаются. Бываетъ иногда и такъ, что одинъ изъ шнуровъ (напр., долженствовавшій показать отношеніе парня къ дѣвицѣ), отходитъ отъ другаго, а тотъ, дѣвичьинъ, напротивъ, стремится къ нему; это объясняютъ такимъ образомъ, что парень не любитъ загаданной дѣвицы, сватаетъ другую, а дѣвица его любитъ всѣмъ сердцемъ и упрашиваетъ не жениться на другой. Присутствующая тутъ же дѣвица сильно печалится этимъ, и на глазахъ ея навертываются слезы, до того сильна вѣра въ это гаданіе.

Чтобы узнать, богато-ли будетъ житься въ замужествѣ, въ святки же дѣвицы бѣгаютъ, около полуночи, къ хлѣбнымъ амбарамъ слушать, затаивъ дыханіе, у замка: если въ амбарѣ чуется шорохъ, похожій на то, какъ бы рожь въ сусѣкѣ пересыпалась, то значитъ, будетъ житься богато; если почуется, что грызутъ дерево мыши,—бѣдно.

Чтобы узнать, которая изъ дѣвицъ выйдетъ всѣхъ скорѣе замужъ, ворожатъ слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣсколько овса и раскладываютъ его на полу въ кучки, по числу участвующихъ дѣвицъ, затѣмъ выпускаютъ изъ голбца пѣтуха, и вотъ онъ, которую кучку начнетъ скорѣе клевать, та дѣвица и выйдетъ всѣхъ скорѣе замужъ.

У того, кто ѣстъ не снимая шапки, по повѣрью, теща будетъ глухая

Чешется вдоль по носу—быть въ семьѣ покойнику.

Если лошадь или другое какое-нибудь домашнее животное, купленное на сторонѣ, будетъ сытымъ, гладкимъ, вообще удачно оклиматизируется, — это значитъ, что пришлось «по двору», «дворовушко полюбилъ». Любовь дворовушка выражается по отношенію къ лошадямъ въ сплетеніи (въ скручиваніи) ихъ гривы въ веревку, что̀, по повѣрью, является положительнымъ признакомъ любви. Вѣра въ подобное очень глубока у жителей.

Теперь перейдемъ къ заговорамъ. Вѣра мѣстнаго населенія въ силу заговоровъ, какъ, впрочемъ, и въ силу повѣрій и гаданій, вслѣдствіе слабой степени умственнаго развитія, не преоборима и, вѣроятно, останется таковою до тѣхъ поръ, пока невѣжество не будетъ вытѣснено знаніемъ. Заговоры, какъ и всякое суевѣріе, безспорно языческаго происхожденія и, тамъ, гдѣ цивилизація давно уже существуетъ и глубоко пустила свои корни, если можно такъ выразиться, тамъ, конечно, заговорамъ нѣтъ мѣста, но въ данной же мѣстности ихъ такъ много, что приводить ихъ въ настоящемъ очеркѣ всѣ не считаемъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ много даже не удобныхъ для печати, а ограничимся только нѣсколькими.

а) Заговоръ охотника отъ злаго человѣка [1]).

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь,
Пойду перекрестясь:
Изъ избы въ двери,
Изъ дверей въ ворота,
Во чистое поле,
За овраги — темные,
Во лѣса — дремучіе,
На тихія болота,
На веретище (древне-поле),
На горы высокія.
Буду я въ лѣсахъ
Добраго звѣря бить:
Бѣлку, куницу,
Зайца, лисицу,
Полениковъ и рябей,
Волковъ и медвѣдей,
На синихъ моряхъ,
Озерахъ и рѣкахъ
Буду я бить:
Гусей, лебедей,
Сѣрыхъ утицъ.
Кто злой человѣкъ
На меня, раба Божія (имъ рекъ),
Иль на собаку мою,
Иль на ружье мое
Пойметъ злобу.—

то въ тотъ день никого не убить, сколько не стрѣляй, а если взглянетъ на собаку, то ей никакой дичи не найти. Но эта преграда не существуетъ, если охотникъ, собираясь на охоту, проговорить приводимый здѣсь заговоръ.

Тому бы злому человѣку:
Съ берега синя моря
Песокъ вызыбать,
Изъ синя моря
Воду выпить,
Въ лѣсу — лѣсъ перечесть,
Сучье сосновое и еловое
И ячменную мякину

[1]) Крестьяне вѣрятъ, что если, идя на охоту, повстрѣчается имъ злой человѣкъ и впервые взглянетъ на ружье, то въ тотъ день никого не убить, сколько не стрѣляй, а если взглянетъ на собаку, то ей никакой дичи не найти. Но эта преграда не существуетъ, если охотникъ, собираясь на охоту, проговорить приводимый здѣсь заговоръ.

Въ глазахъ износить,
Дресвянной камень
Зубамъ перегрызть.
Не кому моего промысла
Не оговорить и не озавидовать
Какъ Божья милость возстаетъ—
Въ бурѣ и падерѣ
Ломитъ темные лѣса,
Сухіе сырые коренья—
Вотъ такъ бы у того
Лихаго, злаго человѣка,
Сердце, кости и суставы бы ломило.
И такъ по Божьей милости
Громъ гремитъ
И стрѣла, летаетъ за дьяволомъ.—
Такъ бы такая же стрѣла
Пала на того злаго человѣка.
Будьте мои слова и крѣпки и мѣтки!
Аминь! (повторяется трижды).

б) Заговоръ о томъ, какъ приворожить къ себѣ дѣвицу:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
И пойду я, рабъ Божій (имя рекъ)
Изъ избы въ двери,
Изъ дверей въ ворота,
Во чистое поле,
Въ восточную сторону.
На восточной сторонѣ
Есть бѣлополотнянное шатрище,
Въ бѣлополотнянномъ шатрищѣ,
Сидитъ храбръ Вихоръ—Иванычь,
У храбра Вихря Иваныча
Есть двѣнадцать братцей,
Двѣнадцать разсыльщичковъ;
Разсылаетъ, посылаетъ
По всѣмъ сторонамъ...
Пошли мои слова,
Храбръ Вихрь-Ивановичъ,
Рабѣ Божіей (имя рекъ),
Гдѣ бы эти слова
Ея рабу Божію (имя рекъ)
Не захватили:
Въ пути-ли дорогѣ,
Сидящую-ли спящую,
Такъ бы ударили ея
Въ ротъ и животъ,
И въ горячую кровь!
Не могла-бъ безъ меня
Она не жить не быть,
Не день дневать,
Не ночь ночевать,
Не часъ часовать...
Будьте мои слова
И крѣпки и лѣпки,
И заперты они
Ключами, замками!...

Заговоръ этотъ нужно проговорить парясь въ банѣ и когда выйдешь изъ бани, то вѣникъ нужно бросить черезъ голову на-отмашь. Весьма полезно, говорятъ вѣрующіе въ силу заговора—для этой цѣли обтереть въ банѣ свое тѣло сахаромъ, солью и т. п. и сохраня это, скормить съ какими нибудь сластями дѣвицѣ, но чтобъ послѣдняя не догадалась объ этомъ, тогда цѣль будетъ достигнута.

в) Остановить кровотеченіе въ ранѣ:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
Пойду на восточную сторону,
Къ Океанъ—морю.
На Океанъ—морѣ
Стоитъ плита бѣлая,
На этой плитѣ бѣлой
Сидитъ красна дѣвица;
У красной дѣвицы
Въ рукахъ тарелочка
На тарелочкѣ иголочка
Со шелковою ниточкой.

Она той иголочкой
Шьетъ и ушиваетъ
И тоску унимаетъ
У раба Божія (имя рекъ)
Руду заклинаетъ....

Этотъ заговоръ нужно проговорить трижды и трижды же плюнуть въ рану.

г) На стоянку рыбы. (Этотъ заговоръ произносится при ловлѣ рыбы «съ лучемъ». Прежде всего требуется, по словамъ нашихъ кудесниковъ, чтобы рыболовъ воткнулъ свою острогу въ какую нибудь колодину).

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
И пойду изъ дверей въ ворота
На восточную сторону,
Помолюсь и покорюсь
Петру и Павлу,
Святымъ апостоламъ.
Петръ и Павелъ
Выносили ключи золотые,
Отпирали моря
Озера и рѣки глубокія,
И выгоняли рыбу
Изъ-подъ тины, колодины,
Изъ-подъ горючаго каменья;
Чтобъ не боялась она
Ни стуканья, ни булькaнья,
Ни луча моего огненнаго,
А бѣжала-бъ на него,
Что на красное солнышко ..
Будь въ моей статьѣ
Ключъ и замокъ
Въ вѣкъ по вѣку
Отнынѣ до вѣку!..
Аминь! Аминь! Аминь!

д) Отъ чесотки на дѣтяхъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ врачевателя), и. т. д.

Въ чистомъ полѣ
Стоитъ баня,
Въ этой банѣ
Сидитъ чистая баба—
Она схвастываетъ,
Она споласкиваетъ
Уроки и призоры,
Завидости и переговоры,
Со чистаго лица,
Со ясныхъ очей,
Со буйной головы
И съ черныхъ бровей
Раба Божія (имя рекъ ребенка).
Не будь не уроковъ,
Не будь не призоровъ,
Не будь и завидости.
Не будь и переговоровъ!..
Аминь! (трижды).

е) Отъ падежа скота во дворѣ [1]).

На стояломъ дворѣ
У раба Божія (имя рекъ хозяина)
Стану я выгонять
Скорби и болѣзни

---

[2]) Во время зимы, отъ холоду и голоду, нерѣдко скотъ падастъ, т. е. околѣваетъ во дворѣ, но крестьяне убѣждены, что это случается не иначе, какъ отъ злаго глаза какого нибудь «лиходѣя», и потому достаютъ колдуна, знахаря, который, придя во дворъ, вбиваетъ тутъ въ разныхъ мѣстахъ 90 штукъ осиновыхъ кольевъ и приговариваетъ этотъ заговоръ.

Изъ разнаго скота:
Лошадей и телятъ,
Коровъ и жеребятъ,
Овецъ и свиней.
Полетите вы
Скорби и болѣзни
Во дремучіе лѣса
И на долгіе моха,
Во толстую дуплю,
Въ землю, коренье!...
Тамъ вы болите,
Тамъ вы щемите
И тамъ вы палите,
А у раба Божія (имя рекъ)
Ни какого скота:
Ни рогатаго,
Ни комалаго,
Ни пестраго,
Ни пѣгаго—
Не щемите и не палите...
Будьте мои слова
И крѣпки и лѣпки,
Въ вѣкъ по вѣку,
Отнынѣ до вѣку!
Аминь! (повторяется трижды).

ж) Отъ «порчи» на свадьбѣ.

Встану я, рабъ Божій,
Дружка княжая,
Благословясь и перекрестясь,
Со князем молодымъ
И княгиней молодой,
И со всѣмъ княжимъ поѣздомъ,
И пойду я изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота,
На широкую улицу,
И поставлю я тамъ,
Дружка княжая,
Желѣзный тынъ
Отъ земли до неба,
Отъ востока до запада,
Для оговорщичь,
Для оговорщиковъ,
Отъ колдуновъ и колдуній.
Стану я запирать
Желѣзной этотъ тынъ
Двѣнадцатью замками,
Двѣнадцатью булатными ключами;
И брошу я эти ключи
По середь синя моря.
Какъ изъ синя моря
Портодѣямъ и портодѣйкамъ
Ключей не достать,
Такъ и у меня, раба Божія,
Дружки княжіе,
Ни князя молодого,
Ни княгины молодой
Не испортить, не довести,
Ни въ дверяхъ, ни въ воротахъ,
Ни во всѣхъ двѣнадцати вѣтрахъ! [1])

з) Отъ зубной боли

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
Пойду изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота,
Во чистое поле,
Подъ красное солнце.
Выйду въ зеленыя луга,
Во зеленыхъ лугахъ
Стоитъ желѣзная баба,
На этой бабѣ

[1]) Проговариваетъ этотъ заговоръ дружка надъ головою жениха, отправляя его къ вѣнцу. Крестьяне вѣрятъ, что на свѣтѣ есть такіе колдуны,—мало того, что могутъ испортить жениха въ своемъ присутствіи и весь свадебный поѣздъ пустить волками (оборотнями) но даже не присутствуя—могутъ спустить порчу по вѣтру, и эта порча возымѣетъ такое же дѣйствіе, что и лично. Вотъ почему въ этомъ заговорѣ и упоминается о 12-ти вѣтрахъ.

Стоитъ милостивый Ной.
Помолюсь и покорюсь
Милостивому Ною:
Милостивый Ной!
Сходи на тотъ свѣтъ:
Не болятъ-ли тамъ зубы,
Не ноютъ-ли скулы,
Не пухнутъ-ли десны?
Сходилъ Ной туда—
Не болятъ тамъ зубы,
Не ноютъ тамъ скулы,
Не пухнутъ тамъ десны..
Вотъ такъ бы у раба Божія (имя рекъ).
Не болѣли бы зубы,
Не ныли бы скулы,
Не пухли бы десны...
Будь въ моей статьѣ
Ключи и замки
Въ вѣкъ по вѣку,
Отнынѣ до вѣку!..

и) Чтобъ не обожгла оса, слѣдуетъ трижды проговорить:

Осы, вы, осы,
Бумажные носы!
Есть у меня
Ножъ въ ножнахъ,
. . . .
Топоръ за поясомъ!

Послѣ этого, по повѣрью, осы теряютъ силу своего жала.

і) Приводъ медвѣдя:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ)
Благословясь и перекрестясь,
И пойду я на то мѣсто,
Гдѣ ушибь медвѣдя.
Какъ мурашъ (муравей),
Жилища своего держится,
Такъ бы держался и медвѣдь
Своей ушиби,
И какъ мурашъ не страшится
И никого онъ не боится,
Посѣщая свое жилище,
Такъ бы и черный медвѣдь
Не боялся меня и не страшился
И также бы часто посѣщалъ
Свою ушибину!

Сидя на лабазѣ и проговоривъ трижды этотъ заговоръ, охотникъ вполнѣ увѣренъ, что медвѣдь къ нему придетъ, но этого мало,—надо, чтобы онъ, медвѣдь, не задралъ его, однимъ словомъ надо его «сократить», обезоружить; для этого тоже народный умъ создалъ особый заговоръ, который мы приводимъ ниже:

к) Сократить медвѣдя.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ)
Благословясь и перекрестясь,
И пойсду я по слѣдамъ
Егорія храбраго
На восточную сторону;
И попрошу Егорія храбраго:
«Сократи лѣснаго звѣря
Чернаго медвѣдя
По зубамъ и по лапамъ
И по ретивому сердцу!»
Чтобы онъ не злился,
Чтобы онъ не гордился...

Послѣ этого послѣдняго заговора охотникъ вполнѣ увѣренъ, что не только медвѣдь придетъ, но что онъ и обезоруженъ; если случится, что предположенія его не оправдались, то приписывается это «злому глазу», повстрѣчавшемуся ему на дорогѣ.

7. Свадьбы.

Женятся молодые люди большею частью въ періодѣ отъ 18 до 25 лѣтняго возраста, а равно и дѣвицы выходятъ замужъ въ эти же годы. Выборъ жены дѣлается всегда, за немногими исключеніями въ последнее время, родителями и родственниками жениха. Невѣста, болѣе или менѣе слывущая въ своемъ кругу за «богачку», если къ тому же она «не балованная»,—идеалъ всѣхъ молодыхъ людей и ихъ родителей. Лучшей невѣсты и искать нечего, по ихъ понятію, прочія качества невѣсты, а равно и жениха, играютъ второстепенную роль при заключеніи брачнаго союза. «Не любятъ,—слюбятся», говорятъ, напр., родители той и другой стороны.

Сватовство происходитъ такимъ образомъ: двое изъ родственниковъ жениха, обыкновенно мужчина и женщина (сватъ и сваха), разодѣвшись въ праздничныя одежды, отправляются въ домъ невѣсты и садятся тамъ на лавкѣ такъ, чтобъ приходилось имъ смотрѣть какъ разъ «вдоль половицъ», т. е. вдоль того тесу, изъ котораго сколоченъ полъ;—это значитъ, что они пришли «сватомъ». Затѣмъ, они съ родителями невѣсты заводятъ довольно витіеватый разговоръ, изъ котораго въ концѣ концовъ оказывается, что они желаютъ взять за своего родственника ихъ дочь и на такихъ-то условіяхъ (условіе о приданомъ). Послѣ того какъ сторговавшись, т. е. условившись о приданомъ,—начинается обоюдное угощеніе. Сваты посылаютъ за водкой (а если они за-ранѣе были увѣрены, что отказа не послѣдуетъ, то и водку принесли съ собой) и угощаютъ родню невѣсты; тѣ, въ свою очередь, угощаютъ сватовъ чаемъ, пирогами и т. п. и подносятъ имъ на блюдѣ, для отдачи жениху, полотенце, называемое, «ширинка», концы котораго имѣютъ разныя причудливыя вышивки; такое полотенце за-ранѣе приготовляется каждою дѣвицею для этой цѣли. Послѣ этого невѣста считается «запорученною», т. е. запросватанною.

Если какая либо сторона мало знаетъ другую (по отдаленности, напримѣръ), то прежде чѣмъ «засватывать» или отдавать дочь, происходятъ бесѣды родителей со своими ближайшими родственниками и знакомыми, и на такихъ бесѣдахъ рѣшается это дѣло такъ или иначе.

Бываютъ и у жениха иногда «смотрины» со стороны родственниковъ невѣсты, заключающіяся въ обозрѣваніи—достаточно-ли богатъ женихъ, чтобы могъ прокормить свою жену и будущую семью? Конечно, при такихъ осмотрахъ не обходится и безъ обмана со стороны жениха; если онъ не обладаетъ зажиточностью, то ко дню «смотринъ» такой женихъ беретъ у сосѣда для показу, подъ видомъ своего,—всевозможнаго имущества: одежду различнаго рода, хлѣба, домашняго скота и проч. Подобные обманы, конечно, на другой же день свадьбы и обнаруживаются, но что̀ сдѣлано уже, того не вернешь

родители невѣсты, немного «потужа», великодушно прощаютъ это жениху, и онъ по прежнему пользуется гостепріимствомъ у нихъ, какъ «любезный зятюшка».

Послѣ запросватыванія, невѣста шьетъ «дары», т. е. подарки жениху, его семейнымъ и близкимъ родственникамъ, заключающіеся въ кумачныхъ, ситцевыхъ и полотняныхъ рубашкахъ, полотенцахъ и платкахъ, нерѣдко и «суконную пару» жениху. Такіе дары роздаются на 2-й или на 3-й день послѣ свадьбы, и невѣста (тогда уже «молодица»), раздавая ихъ, обязана каждому, принимающему подарокъ, кланяться въ ноги.

Во время запоручиванія, во все время до вѣнчанія, у невѣсты неотступно находятся ея подружки, которыя помогаютъ ей шить «дары», а по вечерамъ, вмѣстѣ съ ней, «причитаютъ», т. е. громко-прегромко оплакиваютъ потерю дѣвичьей жизни, «волюшки», хотя на самомъ-то дѣлѣ такое оплакиваніе почти всегда бываетъ искуственное, не искреннее, и совершается оно только, какъ обычай старины. Въ послѣдніе годы многія уже дѣвицы, не желая лицемѣрить, стали выходить замужъ безъ такого причитанія, «по новому въ тихомольку», какъ замѣчаютъ старушки, вспоминая свое прежнее золотое времячко когда они съ такими «причетами» ходили въ каждый вечеръ по всей деревнѣ.

За нѣсколько дней до вѣнчанія у невѣсты бываетъ вечеръ, или такъ называемый «дѣвичникъ», на который является женихъ съ пряниками, конфектами и прочими сластями, которыми онъ и угощаетъ невѣсту и ея подружекъ. На такомъ дѣвичникѣ подружки невѣсты поютъ пѣсни, въ которыхъ восхваляется она, и стараются провести этотъ вечеръ какъ можно веселѣе, дабы не скучала невѣста; равно и женихъ долженъ не ударить себя лицомъ въ грязь. На его обязанности лежитъ вести съ невѣстою пріятный разговоръ.

На канунѣ свадьбы, т. е. вѣнчанія, жениха, равно и невѣсту водятъ въ баню; жениха—молодые ребята, его товарищи,—невѣсту-же дѣвицы. На Митюковскомъ стеклянномъ заводѣ установился обычай, когда ведутъ жениха или невѣсту въ баню, то сопровождается это шествіе ружейными залпами публики, и придя въ баню женихъ долженъ угостить своихъ товарищей водкою, невѣста въ данномъ случаѣ угощаетъ своихъ товарокъ пряниками, орѣхами и т. п. Кромѣ того, должно упомянуть, что отправляясь въ баню, товарищи жениха или товарки невѣсты, несутъ надъ головою того или другаго вѣникъ (которымъ предназначается париться), увѣшанный лентами, лоскутками ситца, кумача и т. п. украшеніями.

Утромъ, въ день свадьбы, до прибытія жениха, къ невѣстѣ собираются всѣ ея подружки, и невѣста начнетъ «красоту красить», т. е. причитать, нося на тарелкѣ или блюдѣ ленты, бусы, зеркальцо и т. п., и вызываетъ своими причетами (въ которыхъ принимаютъ участіе и подружки) попеременно то одного, то другаго родственника своего, которые находятся тутъ-же.

Крàсота начинается такъ:

Отшатнусь я, сиротиночка,
Отъ стѣны бѣлокаменной,
Встану я со лавочки
На свои-то рѣзвы ноженьки:
Пораздайтесь, люди добрые,
На всѣ четыре стороны!
Дайте мнѣ, сиротиночкѣ,
Въ бѣлой новой горницѣ
Походить, покрасоваться,
Да подумать, покрасоваться,
Вольной волюшкѣ
Да дѣвичей красотѣ!..
Погляди-ка, моя матушка,
Да родимые брателка,
На меня-ль на сиротиночку:
Каково я срядилася?
Каково я нарядилася?
Во все-ли платье цвѣтное?
Во всю-ли дѣвью красоту?..

Затѣмъ, невѣста смотрится въ находящееся на тарелкѣ зеркальцо и спрашиваетъ себя: «куда дѣвать» ей «красоту»? вызываетъ сначала мать и, низко кланяясь, подавая тарелку, проситъ ее «похранить дѣвью эту красоту», но тутъ оказывается красотѣ «не мѣсто-мѣстечко». Отдается эта красота всѣмъ, по-очередно, родственникамъ невѣсты и наконецъ своимъ подружкамъ, но мѣста ей нигдѣ не находится. Послѣ этого невѣста, какъ бы раздѣваясь, скидываетъ съ себя бусы, платокъ. и начинаетъ причитать:

Отходила я, отгуляла,
Открасовалася,
Отжила дѣвицею,
Отжила невѣстою!..
Да на это времячко
Родимая матушка
И родимой мой братушко!
Вы снимите съ сиротиночки
Меня—платье цвѣтное,
Да снесите вы его
На торги, на ярмарки,
Да продайте платье цвѣтное.
На чужой сторонушкѣ
Мнѣ ничто не надобно,
Только надо сиротиночкѣ
Трои лапти ковыряны.
Да сермягу сѣрую,
Да рукавицы-вачеги,
Да фату печатную
Во вьюги—мятелицы
Ходить мнѣ за овсеницей...
Погляди-ка, матушка,
На меня на сиротиночку!..
То не яблонька шатается,
Не шелковый клубъ катается,
А твое чадо убивается,
Съ дѣвьей красотой
Разстается!..

Слушая эти причеты, всѣ родственники, не говоря о родителяхъ, горько плачутъ; нерѣдко даже и публика плачетъ, особенно если отдаютъ невѣсту далеко, или за «неровню», т. е. за старика или вдовца.

Въ то же утро, т. е. въ день свадьбы, къ жениху, по его приглашенію, являются всѣ его родственники, гдѣ ихъ угощаетъ женихъ и, получивъ отъ родителей благословеніе на вступленіе въ бракъ, онъ вмѣстѣ съ родственниками отправляется въ невѣстѣ. (Прежде было, да и теперь еще отчасти сохранился обычай, что женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, кладетъ нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ въ свой правый сапогъ и, придя къ ней, велитъ розуть его, та исполняетъ желаніе жениха, и найденныя деньги въ сапогѣ поступаютъ въ пользу ея. Такое шествіе называется «поѣздъ», которымъ управляетъ «тысячкой» (ко-

торыми бываютъ обыкновенно крестные отцы жениха) или «дружка», т. е. знахарь. Если невѣста живетъ далеко, то поѣздъ отправляется на лошадяхъ; женихъ ѣдетъ на парѣ, а иногда и на тройкѣ («знай, нашихъ!»), а прочіе поѣзжане большею частью ѣдутъ на одиночкахъ. На каждой подводѣ подвязано подъ дугу по нѣскольку колокольчиковъ. (Колокольчики берутся съ собой даже и въ томъ случаѣ, когда къ невѣстѣ отправляются не на коняхъ, а пѣшкомъ; въ этомъ случаѣ обязанность несущаго колокольчикъ — безпрерывно брящать имъ до прихода къ невѣстѣ). У дома невѣсты, поѣзжанъ останавливаютъ молодые ребята и дѣвицы, не пускаютъ въ домъ, прося выкупа, который заключается въ подаркѣ дѣвицамъ пряниковъ, а ребятамъ—денегъ «на мячь», или вѣрнѣе сказать на водку, такъ какъ мячей почти никогда на эти деньги не шьютъ. Просьба эта выражается тѣмъ, что одинъ изъ бойкихъ парней, загораживая поѣзжанамъ входъ въ домъ невѣсты, говоритъ слѣдующее:

«Князь молодой,
Тысячкой—баринъ второй
И всѣ поѣзжане!
Мнѣ заказано
Къ вашему княжескому поѣзду
Подойти поближе,
Поклониться пониже,
Съ вами поздороваться:
Здраствуйте, господа сенаторы!
Я самъ не изъ конторы,
Живу богато:
Полна пазуха блохъ,
Да и въ головѣ довольно...
Гребешкомъ не покупаемъ,
Только пальчикомъ ковыряемъ...
и т. д. въ этомъ родѣ.

Затѣмъ, уполномоченный отъ парней, обращается къ жениху и восхваляетъ его.

«Не бѣла заря занимается,
Не красно солнце выкатается,
(Имя рекъ) жениться собирается:
Съ постели вставаетъ,
На рѣзвыя ноженьки
Сафьяновы сапоженьки
(Имя рекъ) надѣваетъ;
У батюшки и матушки
Благословенія проситъ.
Батюшка съ матушкой
Его благословили,
А мы—народъ не дураки,
Услышали версты за полторы» и т. д.

И кончается эта рѣчь тѣмъ, что велѣно ему, парню, «съ васъ попросить на кожу да на шерсть рубликовъ шесть», при этомъ присовокупляется, шутки ради, что «для новой родни—беремъ и серебрянны рубли»...

Когда выкупъ учиненъ—входъ въ домъ свободенъ. Размѣстившись въ домѣ такъ, чтобъ женихъ и его самые близкіе родственники заняли самыя почетныя мѣста, а менѣе близкіе—менѣе почетныя, весь поѣздъ принимается за истребленіе приготовленныхъ закусокъ и питій. Въ это время является невѣста со своими подружками и, послѣ долгихъ причитаній, усаживается рядомъ съ женихомъ. Въ тотъ моментъ, когда она садится къ жениху, какой нибудь изъ родственниковъ ея, для пущаго торжества, дѣлаетъ въ избѣ ру-

жейный выстрѣлъ [1]) и даже не одинъ, а когда послѣдуетъ выстрѣлъ, то съ улицы послѣдуетъ тоже неистовый стукъ въ стѣну. Послѣдній производятъ мальчишки, отъ 8 до 15-ти лѣтняго возраста включительно, собравшіеся у дома и ждущіе подачки пироговъ со свадебнаго стола, что̀ имъ и выбрасывается. Затѣмъ дѣвицы поютъ разныя хвалебныя пѣсни, за этими пѣснями (также съ пѣснями въ своемъ родѣ) подносятъ на тарелкѣ каждому изъ «поѣзжанъ» «зайчика», который дѣлается изъ платка и увѣшивается кольцами, серьгами, лентами и прочими бездѣлушками. Каждый изъ поѣзжанъ обязанъ посмотрѣть этого «зайчика» и вмѣстѣ съ нимъ положить на тарелку сколько нибудь денегъ (смотря по средствамъ). Деньги, собранныя такимъ образомъ, идутъ въ пользу дѣвицъ и дѣлятся ими по ровну. Затѣмъ поѣзжанамъ,—кромѣ того семейства, въ которое выходитъ невѣста,—подносятся родителями невѣсты или самою невѣстою «дары»: кому платокъ, кому полотенце. Въ Ембской волости, по окончаніи столованія, всѣ зрители, запасшись дресвяными каменьями, бросаютъ ихъ въ потолокъ и въ стѣны, каменья отъ удара разсыпаются и обдаютъ гостей градомъ дресвы. Нерѣдко при этомъ гости уѣзжаютъ отъ такого торжества съ «фонарями» и цапинами на лицѣ. Въ другихъ волостяхъ подобный глупый обычай уже искоренился. Получивши угощеніе, всѣ отправляются въ церковь, вмѣстѣ съ невѣстою и ея родственниками.

По окончаніи вѣнчанія, весь свадебный персоналъ отправляется къ жениху, гдѣ послѣ угощенія гостей, которое продолжается на этотъ разъ недолго, «молодыхъ» дружка отправляетъ «на покой», въ какую нибудь холодную клѣть или горницу, хотя бы на дворѣ было 40° мороза.

Гости, попировавъ еще немножко, расходятся по домамъ, если они однодеревенскіе съ женихомъ, а если нѣтъ, то остаются у жениха. На другой день всѣ опять отправляются къ невѣстѣ, что̀ называется уже «хлибенами», и затѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько дней, въ которыхъ бываютъ по-очередные пиры, которые ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ свадебныхъ пировъ на Сѣверѣ, а потому мы и не будемъ объ нихъ говорить.

8. Народное образованіе и народное здравіе.

Народное образованіе, или такъ называемая «грамотность», находится здѣсь далеко не въ блестящимъ состояніи. Для всей мѣстности, болѣе чѣмъ съ 30-ю тысячнымъ населеніемъ, существуетъ всего только 8 школъ, содержимыхъ земствомъ. Школы эти находятся въ волостяхъ: Вальгской, Нижеслободской, Ембской, Вотчинской, Троицко-Енальской, Зубовской, Кумзерской и Азлецкой. Число учащихся въ нихъ, какъ видно изъ докладовъ Кадников-

[1]) Ружья заряжаются однимъ порохомъ, съ примѣсью нюхательнаго табаку. Послѣдній кладется для того, чтобы, шутки-ради, вызвать чиханіе у гостей.

ской уѣздной земской управы очередному собранію 1888 года было въ 1887—8 году слѣдующее:

	Училось			Кончило.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Въ училищахъ:						
Вальгсломъ.	33	7	40	8	1	9
Нижсслободскомъ	45	6	51	7	—	7
Ельбскомъ.	37	5	42	2	—	2
Вотчинскомъ.	29	8	37	3	1	4
Троицко-Енальскомъ	22	7	29	1	1	2
Зубовскомъ	22	9	31	1	1	2
Кумзерскомъ	49	10	59	4	—	4
Алзецкомъ	39	4	43	5	2	7
Итого.	276	56	332	31	6	37

Правда, есть еще нѣсколько церковно-приходскихъ школъ въ мѣстности, но о дѣятельности ихъ ничего не слыхать, да и крестьяне охотнѣе отдаютъ дѣтей своихъ въ земскія школы, нежели въ церковно-приходскія, во первыхъ потому, что здѣсь учатъ «считать и писать больно хорошо», а во-вторыхъ, по окончаніи курса, дается льгота по воинской повинности, чего въ церковно-приходскихъ школахъ нѣтъ, да и учителями тамъ бываютъ невѣжественные и зачастую пьяные дьякона, являющіеся въ школу не для преподаванія науки (которую они и сами-то плохо знаютъ), а для битья несчастныхъ учениковъ...

Какъ на одну изъ главныхъ причинъ столь слабаго развитія грамотности въ Троичинѣ, можно указать на разбросанность здѣсь селеній, вслѣдствіе каковой разбросанности посѣщеніе школы для многихъ становится очень затруднительнымъ, если не безусловно невозможнымъ. Необходимость ежедневно ходить въ школу за 10—15 верстъ отъ дома, при 30—40° мороза въ зимнее время, едва-ли можетъ быть отнесена къ удобствамъ въ дѣлѣ распространенія грамотности; нанять же постоянную квартиру, гдѣ нибудь вблизи школы здѣшніе крестьяне, по своимъ крайне ограниченнымъ средствамъ, не могутъ.

Учителями земскихъ школъ бываютъ большею частію кончившіе курсъ въ Тотемской Учительской Семинаріи или же въ Вологодской Духовной Семинаріи, послѣдніе занимаютъ должность учителя въ данномъ случаѣ только въ ожиданіи священническаго мѣста и по открытіи его—поступаютъ въ священники, а потому неудивительно, что такіе учителя относятся къ этому дѣлу весьма «халатно», какъ можно выразиться. За то воспитанники Тотемской учительской Семинаріи вполнѣ оправдываютъ свое назначеніе — выходятъ люди прекрасные и настолько знающіе свое дѣло, что лучшаго и желать нечего.

Жалованіе учителямъ Земство платитъ 200 руб. въ годъ, но прослужившимъ въ Земствѣ въ этой должности не менѣе 5-ти лѣтъ,—содержаніе увеличивается на 50 р. въ годъ, по постановленіямъ Земскаго Собранія. Это дѣлается для того, чтобъ наиболѣе способныхъ удержать на земской службѣ подольше, заинтересовавъ ихъ прибавкою жалованія, и нельзя сказать, чтобъ эта мѣра не имѣла успѣха.

Есть еще способъ полученія грамотности чрезъ домашнихъ учителей, въ большинствѣ случаевъ чрезъ «золоторотцевъ» или такъ называемыхъ «босяковъ». Приходитъ, напримѣръ, босякъ въ ту деревню, гдѣ нѣтъ по близости школы, объявляетъ крестьянамъ свое желаніе учить ихъ ребятишекъ. Тѣ, обыкновенно, соглашаются и торгуются въ цѣнѣ (цѣна бываетъ около 2 р. въ зиму за ученика). Сторговавшись въ цѣнѣ, крестьяне устанавливаютъ между собою очередь: куда, т. е. въ которой домъ собраться учителю и его ученикамъ сегодня, куда завтра и т. д. Набравши такимъ образомъ, «босякъ», человѣкъ 10—15 ребятишекъ, ходитъ всю зиму по-очереди и учитъ, получая и одежду, и содержаніе (такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такіе учителя бываютъ буквально босяками) съ того крестьянина, чья очередь отвести ему квартиру съ учениками. Само собою разумѣется, пользы ждать отъ такого «ученія» нечего, вреда же для нравственности учащихся—цѣлая масса...

Что касается медицинской части мѣстности, то она находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, нежели народное образованіе, хотя многаго не достаетъ еще и въ этомъ отношеніи, но за неимѣніемъ средствъ въ Земствѣ пока приходится ограничиться тѣмъ, что̀ есть.—А есть въ мѣстности три врачебные пункта, одинъ изъ которыхъ находится въ с. Троицко-Енальскомъ, другой въ деревнѣ Хмѣлевской (Бережокъ тожъ), Нижеслободской волости, 3-й въ Кумзерской волости. При врачебномъ пунктѣ въ с. Троицко-Енальскомъ и Кумзерской волости находится по одному фельдшеру и имѣются большія аптечки, при пунктѣ же въ дер. Хмѣлевской, какъ центральномъ изъ всего участка мѣстъ, есть земская больничка на 17 кроватей, которыя почти постоянно заняты больными. При больницѣ живутъ: врачъ, два фельдшера (одинъ при больницѣ, другой для разъѣздовъ), акушерка и оспопрививатель.

Жалованія платится: врачу 1200 руб. въ годъ, фельдшерамъ по 300 р. [1]); но больничному сверхъ того дается еще 3 р. въ мѣсяцъ квартирныхъ, такъ что онъ получаетъ 336 руб. въ годъ; акушерка получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, оспоприviватель 20 р. въ мѣсяцъ за то время, когда онъ находится при исполненіи своихъ обязанностей, что̀ бываетъ не во весь годъ.

Обязанности врачей и фельдшеровъ, по постановленіямъ Земскаго Собранія, приблизительно заключаются въ слѣдующемъ: Врачъ обязанъ, кромѣ завѣдыванія больницей, не менѣе какъ два раза въ мѣсяцъ объѣзжать ввѣренный ему участокъ, какъ для пріема лично больныхъ, такъ и для повѣрки дѣйствій фельдшеровъ въ пунктахъ. Разъѣзды по участку безплатны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лично какой нибудь больной пожелаетъ имѣть врача или фельдшера къ себѣ въ домъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ такой больной обязанъ представить врачу прогоны на 2 лошади туда и обратно, или же прислать своихъ лошадей, и врачъ тогда не имѣетъ права отказаться отъ посѣщенія больнаго лично или чрезъ посылку туда фельдшера. Кромѣ того во время эпидеміи, врачъ, а равно и фельдшеръ, должны неотлучно находиться тамъ, гдѣ она появилась и до тѣхъ поръ, пока не прекратится эпидемія совсѣмъ. Въ с. Троицко-Енальскомъ, какъ и въ Кумзерскомъ пунктѣ, по неимѣнію врача, обязанность поѣздокъ къ больнымъ, а равно и къ прекращенію эпидемій лежитъ на мѣстномъ фельдшерѣ.

Больничный фельдшеръ находится неотлучно при больницѣ.

Акушерка ѣздитъ лишь по требованію на родовспоможеніе.

Оспопрививатель приступаетъ къ дѣлу и въ томъ мѣстѣ, т. е. въ той волости, гдѣ укажетъ ему врачъ.

Чтобы исполнить врачу всѣ тѣ обязанности, какія возложены на него, въ данной мѣстности нѣтъ никакой физической возможности, потому что этотъ врачебный участокъ имѣетъ протяженіе на 150 верстъ. Ну, гдѣ же одному человѣку успѣть всегда и вездѣ своевременно оказать помощь? Понятно, что «правила» и «обязанности» остаются только на бумагѣ правилами и обязанностями, а на дѣлѣ—врачъ всегда поступаетъ такъ, какъ ему самому желательно.

Да и поступаютъ сюда, надо сказать правду, врачи въ большинствѣ случаевъ для того: одни, чтобы деньги нажить [2]), другіе—практиковаться, и какъ только мало-мальски это желаніе ихъ исполнится, то сейчасъ же удираютъ отсюда, отъ этого «медвѣжьяго угла», ближе къ центру Россіи...

А. Шустиковъ.

---

[1]) Прослужившему не менѣе 5-ти лѣтъ прибавляется тоже, что̀ и учителю, 50 р. въ годъ, по постановленію Собранія въ сессію 1890 года.

[2]) Особенно выпукло выражается это у лицъ не русскаго происхожденія.

ОТДѢЛЪ II.

О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 13 марта 1892 г.)[1]).

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ пѣніемъ своимъ доставилъ намъ возможность ознакомиться изъ непосредственнаго источника съ нѣкоторыми образцами былинной русской народной поэзіи. Въ Олонецкомъ краѣ, откуда прибылъ къ намъ Касьяновъ, имѣется не мало представителей этой поэзіи, слывущихъ подъ именемъ сказителей. Много прослушалъ ихъ въ 60-хъ годахъ П. Н. Рыбниковъ; А. Ѳ. Гильфердингъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ 1871 г. записалъ 318 былинъ съ голоса 71 пѣвца; при посѣщеніи лишь части Олонецкаго края въ 1886 году мнѣ удалось въ нѣсколько дней прослушать до 10 пѣвцовъ. Не первые это пѣвцы и, надо надѣяться, не послѣдніе; при сочувственномъ отношеніи и поощреніи со стороны ученыхъ и собирателей, особенно сказавшемся въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ, быть можетъ, и молодое крестьянское поколѣніе съ подобающимъ уваженіемъ отнесется къ этимъ памятникамъ исконной старины, и, при заботливости стариковъ, восприметъ ихъ для передачи въ свою очередь дальнѣйшему потомству; такая преемственность возможна и въ наши дни, въ чемъ я могъ убѣдиться, прослушавъ на мѣстѣ нѣсколько былинъ отъ Ив. Троф. Рябинина, перенявшаго ихъ отъ покойнаго отца своего Троф. Григорьевича; мнѣ извѣстно также, что и внукъ этого сказителя Ив. Степ. Рябининъ перенялъ былины своего дѣда. Такимъ образомъ можно желать и надѣяться, что долго еще не изсякнетъ на Руси эта замѣчательная отрасль поэтическаго слова русскаго народа, сохраненіемъ которой онъ смѣло можетъ гордиться въ средѣ другихъ народовъ.

Не менѣе древними по своему происхожденію, не менѣе важными и интересными въ поэтическомъ отношеніи являются произведенія, въ которыхъ народъ выражаетъ непосредственное чувство и отношеніе свое къ событіямъ, по сравненію съ былинами, болѣе частнаго характера, по преимуществу въ кругу семейной жизни, имѣющимъ болѣе или менѣе рѣшающее вліяніе на судьбу отдѣльныхъ лицъ и ихъ семействъ; къ этому роду произведеній относятся причитанія и плачи, извѣстные на сѣверѣ подъ общимъ именемъ: «причеть». Хранительницами этого рода поэзіи являются исключительно женщины, по преимуществу пожилыя, обладающія большою памятью, звонкимъ голосомъ и твердымъ знаніемъ до мельчайшихъ подробностей всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся семейныхъ обрядовъ, въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ они изстари ведутся на Руси. Обладаніе такими качествами создало особыхъ спеціалистокъ, такъ называемыхъ на сѣверѣ «стиховодницъ», безъ авторитетнаго участія которыхъ не обходятся въ крестьянствѣ ни свадьба, ни похороны, ни рекрутскій наборъ. Благодаря строгому отношенію стиховодницъ къ своимъ обязанностямъ, самый сложный изъ обрядовъ—свадебный—на долго еще можетъ сохранить свою первобытную чистоту неприкосновенною отъ пришлыхъ городскихъ

[1]) Въ этомъ засѣданіи крестьянинъ Олонецк. губ., Петрозаводск. у., с. Космозера И. А. Касьяновъ пропѣлъ нѣсколько былинъ.

новшествъ. Стиховодницы причитаютъ стихи, строго примѣняясь къ каждому данному случаю, при чемъ, сохраняя неизмѣнными опредѣленный мотивъ и общія мѣста въ текстѣ стиховъ, относительно частныхъ подробностей тутъ же сочиняютъ новые стихи, вполнѣ соотвѣтствующіе окружающей обстановкѣ и характеру тѣхъ лицъ, которымъ причитаютъ. Мелодіи довольно разнообразны, но имѣютъ одинъ общій характеръ, заключающійся уже въ самомъ названіи этого рода поэзіи причитаніями или плачами; во всякомъ случаѣ это плачъ съ членораздѣльно и явственно произносимыми словами на извѣстный ладъ, опредѣляемый каждымъ случаемъ и сопровождаемый воплями и рыданіями окружающихъ, близко заинтересованныхъ людей, въ общемъ производящій крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе на человѣка посторонняго, даже и при такомъ веселомъ, повидимому, событіи, какъ свадьба.

Таковы общеизвѣстныя болѣе или менѣе черты причети; но нигдѣ, кажется, онѣ не проявляются съ такой отчетливостью и постоянствомъ, какъ въ Олонецкой губерніи; едва-ли гдѣ найдутся стиховодницы, какъ напр. Арина Ѳедосова, изъ Кузаранды, Петрозавод. у. въ Заонежьи, хранящая въ своей памяти ту массу причитаній, которыя составили солидный сборникъ Е. В. Барсова [1]) и легли въ основу труда г-жи Агреневой-Славянской объ Олонецкой свадьбѣ [2]); къ сожалѣнію отъ этой стиховодницы обстоятельства позволили мнѣ записать лишь одну свадебную пѣсню; причеть же я записалъ отъ двухъ другихъ стиховодницъ, пользующихся большою извѣстностью въ крестьянской средѣ — это Аксинья Плотникова изъ д. Обѣльщины Великогубск. вол. Петрозавод. у. и Прасковья Мошина, изъ д. Завьяловой, Шунгской вол. Повѣнецк. у. Отъ первой мною записаны образцы причети свадебной, отъ второй—свадебной же, похоронной и рекрутской. Всѣ онѣ характеризуются стройностью стиха и опредѣленной мелодіей, при чемъ нѣкоторымъ разнообразіемъ отличаются лишь мелодіи свадебной причети, похоронныя же и рекрутскія монотонны и трудно поддаются нотной записи; языкъ причети обладаетъ поэтической образностью и обиліемъ эпитетовъ, носящихъ нерѣдко чисто мѣстный характеръ. Позволю себѣ для примѣра привести нѣсколько образцовъ. Вотъ начальные стихи свадебной причети, которая заводится, «какъ просватаютъ дѣвушку, глаза перекрестятъ»:

Мнѣ-ка смѣть-ли красной дѣвушки
Пропустить да и звыцёнъ го́лосокъ
Во хоромноёмъ строеньици,
У жаланныхъ моихъ родителей,
У ростителя у татиньки,
У родимоёй у маменьки:
Вы не дуйтесь о́гни плящіе,
Не гори-тко ты, луцина сосновая,
Не зажигайся-ко, свѣща нетоплёная,
Не здымайся, права руценька
У жаланныхъ родителей
Бить плотно́го рукобитьица!
Я поворо́цюсь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола дѣву́шка и отъ дубового
Я ко своимъ жаланнымъ ко родителямъ:
Глупо сдѣлала, невольна красна дѣвушка,
Я сама била плотно́го рукобитьиця.
Я не гнѣваю жаланныихъ родителей:
Вы послушайте, жаланные родители,
Што вѣдь я скажу невольна красна дѣвушка:
Отъ стола люди расходятся,
Отъ вѣнца-то разъѣзжаются.
Вы роздумайте-ко эту крѣпку думушку,
Поразрушайте плотно́го рукобитьиця;
Ну́ньку дѣвушка схватилася:
Я назадъ-бы воротилася
Ко жаланныимъ родителямъ.
и т. д. [3]).

Или вотъ нѣсколько стиховъ, которыми невѣста послѣ просватанья приглашаетъ своихъ родственниковъ на «красну свадебку», которая въ то же время и «слезливое пированьице», потому что тутъ совершается разлука съ вольной волюшкой:

---

[1]) «Причитанія сѣвернаго края».

[2]) «Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями: обрядными, голосильными, причитальными и завывальными», въ 3 ч. М. 1887.

[3]) Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее музыкальное изданіе.

Вы гостите-ко на ону красну свадебку,
На слезливоё мое да перованьицё,
И на розлукушку, на вольню мою волюшку,
И на розчёсъ да мою младую головушку,
И на розбивъ да мою русу косушку.
и т. д. [1]).

Вотъ наконецъ причеть, посвященная банѣ, въ которой и совершается собственно разлука съ дѣвичьей волею, олицетворенною здѣсь и съ проклятіемъ улетающею отъ невѣсты:

Отпустите въ теплу парну меня баенку,
Ужо дайте-ко мнѣ мылье съ умываньемъ,
И тонку бѣлую рубашецьку,
И отъ терема до берега
Все мосты дубовые,
Столбики тоцёные,
Грядоцьки кленовые;
Ужо дайте-тко братцевъ ясныхъ мнѣ-ка соколовъ;
Вы возьмите-ко оружье заряжоное,
Вдругихъ-же пистолеты заруканные,
Занарядъ клади по фунту цёрна пороху
Какъ подъ эты подъ мостики дубовыи.
Какъ у эвтого цюжа сына отецькова
Есь подкопаны подкопы сорока сажонъ
Й закацёны боцьки сорока ведёръ
И со лютымъ со зельемъ цёрнымъ порохомъ.
Истребить дала я вольну свою волюшку,
Идуцй да въ эвту парную я баенку.
Прихожу я къ теплопарноей ко баенкѣ:
Не въ баенку меня да отредили,
Столько съ волюшкой съ красной да розлуцили!
Какъ зашла я въ теплу парну эвту баенку,—
Моя волюшка съ головушки кидаласе,
Во мѣдноемъ тазу въ воды купаласе.
А со тазику во каменку бросаласе,
Говорила подневольнёй красной дѣвушки:
Будь да проклята, душа да красна дѣвушка!
Сиротать да будё вольнёй пойти волюшки!
Роскатись-ко, тепла нарна теперь баенка,
По единому по малому бревёшецьку!
Полецю я теперь вольна волюшка
Во цистое въ широкое во полюшко;
Я повыберу видь въ поли деревиноцьку,
Саму горькую высокую осиноцьку,
Я сяду видь на саму на вершиноцьку;
Будутъ вѣтрушки теперь да повиватн;
Воля вольная вѣкъ свой да горевати,
И сердецюшко мое да тосковати,
И больше волюшки — меня вамъ не видати!
(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонецк. г.)

Вотъ причеть похоронная, при оплакиваніи маленькаго до 10 лѣтъ:

Какъ пустили въ домъ вы скорую смерётушку?
А не нищей-ли каликой перехожеей?
А не славнымъ-ли бурлакомъ петербурскіимъ?
Не пріѣхалъ вѣдь родитель батюшко
Со цюжой со дальнёй со сторонушки;
Нѣту при доми надёжи свѣта батюшки.
Допустили въ домъ вы скорую смерётушку!
Я бы видла скорую смеретушку,
Не отдала бъ болѣзно свое дитятко.
Не спросила бы да вѣдь болѣзная,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ разстается.
Были заперты косевцяты окошецьки,
Призаложены новы сѣни рѣшёщцяты;
Да откуль зашла видь скорая смерётушка?
Кабы видла я круцинная головушка
Во дому злу скорую смерётушку,
Откупила золотой казной безсцетною,
Обсадила вкругъ жемцюгомъ перебраньнымъ,
Поизнавѣсила бы цвѣтнымъ парцйшецькомъ
И не отдала болѣзно свое дитятко.
Мнѣ-ка не мила домова своя жирушка,
Вся любимая дворовая скотинушка,
Столько осталось бы болѣзно при мнѣ дитятко!
Ужь ты стань, возстань, болѣзно мое дитятко,
Ужь ты стань, возстань ко кушаньямъ сахарніимъ,

[1]) Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее музыкальное изданіе.

И ко пітьицамъ медовыимъ.
У насъ справлено видь кушаньё сахарнеё
И приготовлены видь пітьица медовыи,
И вся видь собрана порода именитая
И проводить тебя, скацёная жемцюжинка,
И на второе-то на оное пришествіе,
На вѣковѣцьну на тосвѣтную на жирушку.
И на яву-то ты намъ больше не объявисьсе,
И во сняхъ-то ты намъ больше не покажисьсе!
Попрошу ощё, болѣзно, тебя, дитятко,
Не упросишь-ли Владыку Царь-Небесного:
Ты не прйдешь-ли въ домову нашу жирушку,
Во сердецьное любвное гостинищё,
Засмотрить-же насъ круцинныихъ головушокъ,
Къ намъ по вецеру поздёхонько,
И по утрышку ранехонько;
Ты въ день приди по красному по солнышку,
Въ вецеру пойди по свѣтлому по мѣсяцу,
Всю роздій тоску великую круцинушку;
Што не бросить бы домовон намъ жирушки
Со этой со великой со круцйнушки!
Поосталась безъ великого призрѣнія
Сирота ль да безъ болѣзного безъ внуцята.

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонецк. г.).

Позволю себѣ привести еще плачъ по отцѣ семейства:

Я цёго сижу, круцинная головушка!
Попустить было горюшици
Не складнеё да не умильнё прицитаньицё!
Што же сдѣлалось въ домовой нашей жирушки?
И прихожу какъ ко крылецьку ко перёному
И приpоссыпалось пилёное крылецюшко,
И на слезахъ стоятъ косевцяты окошецьки,
Прикруцинивши хоромно пристроеньице...
Што же сдѣлалось въ домовой нашей жиружки?
Какъ не стало у насъ законноёй семеюшки
Уже вашего родитель-батюшка!
Ужь какъ станемъ жить въ домовой нашей жирушки
Безъ своёй милойзаконноёй семеюшки!
Какъ безъ вашего родителя, безъ батюштюшки,
Убивать да станутъ буйны вѣтероцики,
Обижать да будутъ добры людушки!
Отг вѣтрушка нѣту заборонушки,
Отъ дварыихъ отъ людушекъ заступушки.
Вы послушайте, сердцьны мои дѣтушки,
Намъ гдѣ оно великое желаньицё,
Ужо доброе да намъ да добродумьицё?
И приклоните ко вы младыя головушки
Ко жаланному спацливому ко дядюшки,
Онъ не вложитъ ли великово желаиньци
До васъ, многокруцинныихъ головушекъ?
И послѣ своего родителя вамъ батюшки
И не будетъ вамъ крещенскіихъ покупоцекъ.
И не буоетъ вамъ христовскіихъ обновоцекъ.
И будутъ міромъ да на васъ видь наступать,
Отправлять то васъ во службу государеву.
Ужь какъ нѣту въ живности родитель-батюшки,
Не заступитъ въ волостиомъ да во правленьици,
Не упроситъ видь властей да милосердныихъ.
Какъ да тошнёхонько, законная семеюшка!
Вся сгорѣла бы домова наша жирушка,
Какъ вся пала бы дворовая скотинушка!
Штобы въ лѣсъ срослись поля да хлѣбородныи!
И водой снесло луга да сѣнокосныи!
Столько была бы законная семеюшка!
Онъ выростилъ бы сердецьныихъ васъ дѣтушокъ;
Я вполнѣ была въ домовоёй бы жирушки,
Въ удовольствіи съ законноёй семеюшкой,
На удивленье многіимъ да людушкамъ,
А какъ нынецько теперюшка
Сиротать пойдемъ, сердецьны малы дѣтушки,
Безъ вашего родителя безъ батюшка!
Розберутъ да васъ по службамъ государевымъ,
И поoставите круцинну меня головушку
Безъ призрѣнія, горюху горегорькую!
Прощай, прости, законная семеюшка!
Какъ послѣ тебя, законная семеюшка,
Всякой день будё въ головушки мѣшатца,
Безвремянно бѣлый свѣтъ да видь-терятца,

Какъ со этой со великой со круцинушки
Мнѣ во темноемъ лѣсу да заблудитца!
Аль мнѣ пасть да въ кругло малое озерушко!
Какъ во этомъ кругломъ малоемъ озерушкѣ
Будутъ лўды [1]) видь теперь да недвигуціи,
Будутъ камушки на нихъ да некатуціи,
Со моёй тоски великоёй круцинушки.

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Остается упомянуть о причитаніи рекрутскомъ, гдѣ между прочимъ есть намекъ на нѣкоторую разницу между наборами прежняго времени и нынѣшнимъ: тогда легче можно было откупиться; вообще-же стихъ рекрутскій не изображаетъ особенныхъ тягостей военной службы; очевидно, онъ уже принаровленъ не къ прежней рекрутчинѣ, а къ нынѣшней воинской повинности:

Ужь вы слушайте, сердецьны мои дѣтушки:
Собираютца да видь все люди добрые
Въ это волостное да видь правленіе
Да й во славную во службу государьскую
Да й во эты солдаты новобранные.
Ужь вы слушайте, сердецьны мои дѣтушки:
И хорошо бы жить во службы въ государскоёй,
И да не вамъ бы сиротамъ да доставалосе:
Какъ пріотняли купцы да именитые,
Либо славные крестьяна да прожитные,
Отредили бы сердецьныхъ своихъ дѣтушекъ.
И ужо вас̂ъ теперь, сердецьныхъ моихъ дѣтушокъ,
Пріотпустятъ въ города да въ Повѣнецкіи
Да й ко этыимъ ко жѐребьямъ казенныимъ,
Да снимать видь будутъ русые кудёрушки.
Проклинать будёшь родимую сторонушку,
Забывать будёшь жаланныихъ родителей.
Ужь какъ допрежь сего, до этой поры времяцька
Залагали видь домову свою жирушку,
Продавали видь игривую скотинушку,—
Оставались на катуцемъ синемъ камушкѣ.
Нунеча видь не берутъ золотой казны безсцетныя,
А берутъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ
И отлуцяютъ отъ домовой своей жирушки,
Отъ лавоцекъ видь насъ да отъ торговыихъ,
Отъ улицекъ видь насъ да отъ торговыихъ.
Насъ не въ славныи бурлаки петербурскіи,
Везўтъ насъ во солдаты новобранныи.
Сиротать пойдутъ жаланныи родитли,
Тосковать будѐ все родъ-племе сердецьное!
И оружьице даютъ да намъ военное
И платьице даютъ да намъ казенное.
Забыв̂ать да намъ родимая сторонушка,
Ужо вся наша прохладна красна жирушка
И вся̂ гульба наша молодецкая!
Вы прощайте-ко, жаланные родители,
И примѣцяйте насъ во платьици казенноемъ,
Съ оружьицомъ видь насъ да со военныимъ,
Не при теплыихъ при куньихъ шубоньках̂ъ.
Вси прощайте-ко, поля да хлѣбородныи,
Зелёныи луга да сѣнокосныи,
Во гуляньи насъ, души красны дѣвушки,
При компаньицы, дородны добры молодцы,
И теперь вся̂ прощай насъ, вольня волюшка!

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Такова причеть въ Олонецкой губерніи.

---

[1]) Подводныя скалы.

Такой же въ общемъ характеръ и причети Архангельской; но при обширности этой губерніи, при разнообразіи географическаго положенія различныхъ частей ея и связанныхъ съ нимъ условій быта, которыя безъ сомнѣнія отражаются и на поэтическихъ произведеніяхъ, тамъ можно встрѣтить и рѣзкія уклоненія отъ указаннаго общаго характера; такъ напр. поморы—обитатели побережья Бѣлаго моря, исключительнымъ своимъ занятіемъ имѣютъ рыбные промыслы; съ наступленіемъ весны все мужское населеніе этихъ мѣстностей отправляется на Мурманскій Берегъ, гдѣ и промышляетъ до поздней осени, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ, сопряженнымъ съ ловлею рыбы въ океанѣ на маленькихъ судахъ, часто на большомъ разстояніи отъ берега. Не проходитъ года безъ того, чтобы нѣсколько поморовъ не сдѣлались жертвою Мурманскихъ промысловъ; частью гибнутъ отъ бурь, частью отъ болѣзней, быстро развивающихся при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Женское населеніе, съ нетерпѣніемъ дождавшись осени, при появленіи перваго поморскаго судна выходитъ на взморье встрѣчать своихъ мужей и братьевъ и тутъ-то многія узнаютъ печальныя вѣсти о погибшихъ. Вопли и плачи оглашаютъ тогда селеніе. Велика радость однихъ, при свиданіи со своими, безысходно и тяжко горе другихъ, лишенныхъ даже послѣдняго утѣшенія—похоронить близкаго человѣка.

Такія условія, надо думать, создали особый видъ похоронной причети въ приморскомъ селеніи—Ворзогорахъ, Онежскаго уѣзда. При посѣщеніи этого селенія я не могъ здѣсь найти спеціалистки-стиходобницы, но за то каждая женщина, имѣвшая несчастье потерять кого нибудь изъ ближней родни, въ особенности же лишившаяся мужа, была уже и стиховодницей.

Четыре вдовы, еще молодыя женщины, оплакивали передо мной своихъ мужей, изъ которыхъ трое погибли на Мурманскихъ промыслахъ и одинъ былъ убитъ въ гор. Онегѣ, во время сборовъ на эти промыслы. Каждая стиховодница строго различала въ своей причети двѣ части: одну изъ нихъ онѣ называли «з а ч а л о м ъ», гдѣ, послѣ общаго приступа, излагались иногда подробности несчастія и вторую часть «о б и д н ы е с т и х и», гдѣ изображались тяжелыя послѣдствія—вдовье сиротство.

Позволю себѣ привести образцы этой причети. Вотъ плачъ по мужѣ, убитомъ въ Онегѣ:

З а ч а л о:

Ушолъ да какъ мой доброхотъ да корминецъ
За матушку то Онегу широкую,
На хорошенько то лённо судёнышко
Изъ своево то да теплого витого гнѣздышка,
Ужь увѣщалъ мня вдову горегорькую:
Ужь не надолоцько, говоритъ, поры ды времени.
Три денёцька прошло поры ды времени;
Пріѣхалъ, аль нѣтъ моя бо̀льша сизъ голубушка
Изъ за матушки ты Онеги широкіе?
Само спрашиваетъ у меня, да докладывается:
Пріошелъ мое красно солнце угрѣвное
Во свой домъ да тепло витое гнѣздышко.
Испугалась я бѣдная вдова горегорькая
Стала середъ то я теплого витого гнѣздышка,
Безъ ума пала̀ да безъ цювствія.
Стала по ранному то по утря̀нному ста̀ванью.
Ужь поѣхала я, бѣдна вдова горегорькая,
За матушку ту Онегу широкую,
На хорошо то лекко-лённо судёнышко;
Ступила я бѣдная вдова горегорькая
На хорошо лекко-ленно суденышко:
Ходитъ маленько то сердецнёе дитятко
Ужь по хорошему то лекко-ленному суденышку.
Спрашиваю бѣдна вдова горегорькая
Ужь у маленького то сердецнёго дитятка:
Ужь пришелъ ли твое красно солнце угрѣвное?
Ужь сказало мало сердецнеё дитятко:
Ужь не пришелъ то красно солнце угрѣвное!
Ужь пошла то съ малы̀мъ сердецьнимъ дитяткомъ
Ужь ко цюжому то младу ясному со̀колу;
Па̀ли вопа̀ли въ его ножки рѣзвые:

Ужь понсши-ко его тѣла бѣлого!
Ужь пошелъ то ясенъ младъ крылатъ ды ясе́нъ соколъ
Со маленькимъ то сердецьнымъ дитяткомъ,
Искали два де́нецька поры ды времени;
Нашли то его тѣло бѣлое;
Присѣцена мла́дая бу́йная го́лова,
Ужь пролита его кровь горецяя
Ужь моего то доброхота ды корминеца,
Раздроблёно то его сердце ретйвое!

Обидные стихи:
Што думаю я своимъ умомъ разумомъ?
Ужь какъ стану я бѣдна вдова горегорькая
Дыкъ безъ своего доброхота ды корминеца?
Ужь оставилъ ма́лыхъ то моихъ сердецьныхъ дѣтоцекъ,
Ужь не оставилъ много то совнны, золотой казны.
Ужь нахо̀жусь я бѣдная вдова горегорькая
Въ мірѣ да по міру по крещёному.

(Причитала вдова Елиз. Вологина, с. Ворзогоры, Онежск. у., Архангельской губ.).

А вотъ плачъ по мужѣ, погибшемъ на Мурманѣ:

Зачало:
Що за цюдо, що за диво!
Ужь сегодне то по сегоднему денѐцьку
Зазываютъ то меня бѣлую лебедь безцясную,
Безцясную то вдову горегорькую
Во гость мйлое го̀стбище любимое!
Ужь какая радось да веселье не малое?
Що пришелъ мой равзе доброхотъ да корминецъ
Отъ славнаго Питенбурха города,
Со пецяльня синя солона̀ моря,
Отъ самого то отъ Мурманского берегу,
Со имѣньемъ со богасьтвомъ богатымъ?
Ужь обробѣла я бѣдная вдова горегорькая,
Ужь охъ безумная я нерозумная;
Хоша умъ мой по бу́йной по го̀ловы.
Не бывать то тому туману со синя̀ моря,
Ужь не подняться маревы́ со бу́йнымъ вѣтромъ усильцивымъ;
Ужь такъ же не прйдетъ мой доброхотъ да корминецъ!

Обидные стихи:
Ужь на кого то ты меня пріоставилъ
Бѣдную горюшу безцясную!
Ужь топерь какъ то я стану жить красоватися,
Безъ тобя то мой доброхотъ дый корминецъ?
Ужь у меня то у безцясной у лебеди
Не съ тую не съ которую сторону
Не поителя то у меня да не кормителя.
Не доброхота у меня да не надѐщика!
Нѐ на ково положитьсе понадѣитьсе!
Не роду то у меня да не племени
Не съ тую не съ которую сторону!
Ужь пріобрали хорошіе гладкіе роскосливы згодвица,
Ужь пріобидѣли меня бѣдную лебедь безцясную.
Обрали хороши ты цясты роспашны поля!
Ужь топерь какъ то я стану жить гореватися,
Ходить міръ по міру по крещѐному,
Прибирать мірски ты кусоцьки поданные.
Ужь топерь тошнехонько тошнетъ ретиво̀ серце;
Бѣжатъ горькія слезы гореція!
Ужь какъ пойду то во дикіе суземки дремуціе
Искать хорошей то коваль шелково́й травы;
Дакъ не вижу пути дорожки широкіе,—
Такъ обидѣли цюжи млады ясные соколы
Меня бѣдную вдову горегорькую.
Живу то я бѣдная безцясная горюша горегорькая!
Ужь какъ подоспѣютъ скорби ты болѣзни тяжелые;
Лежу на холодной то пецьки кирпи́цьные;
Ужь не топитсе пецька кирпицьная
Цѣлую святу недѣльку семиденную!
(Причитала вдова Дарья Жолубова. Село Ворзогоры, Онежск. у., Арх. губ.).

Надо замѣтить, что спеціалистки-стиховодницы причитаютъ отъ имени пострадавшихъ людей; при этомъ конечно не можетъ въ сильной степени сказаться непосредственное чувство. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Ворзогорской причети. Здѣсь слышенъ плачъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, не поддающійся никакой мелодіи, плачъ, надрывающій душу, съ неподдѣльными проявленіями лично-переживаемаго горя. Не легко добиться плача по заказу отъ такой причетницы; «Обидно вѣдь больно плакать-то, вспоминать-то тяжко», говоритъ она при этомъ.

Такова причеть ворзогорская, и какъ кажется, въ этомъ самомъ видѣ и должна представляться причеть похоронная въ ея самобытномъ, коренномъ значеніи.

Ѳед. Истоминъ.

Заговоры и повѣрья.

Отъ ружья.

I. Чтобы ружье было вѣрно и не давало осѣчки, при чисткѣ надо соблюдать слѣдующее [1]):

Для смывки нужно взять отъ печки глины съ боку и песку, это положить въ воду; нужно наговорить на воду, тогда смывать ружье. На последѣ сказать: кто испортилъ ружье, тому песку въ глаза. Кто станетъ наговаривать, долженъ свое имя называть.

Заговоръ: Лягу помолясь, встану благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды, подъ батюшку море океанъ, на батюшкѣ морѣ океанъ состоитъ Святая, Соборная Апостольская церковь, въ той Святой Соборной Апостольской церкви стоитъ престолъ, за этимъ престоломъ сидитъ матушка пресвятая Богородица, за ризой нетлѣнною, за свѣчами неугасимыми.

Я, рабъ Божій, какъ зовутъ, пойду близко, поклонюсь низко, ты, Матушка Пресвятая Богородица закрой и защити меня, раба Божія, нетлѣнной своей ризой отъ уроковъ [2]).

Ты водица, красна дѣвица, идешь съ востока и до запада, подмываешь круты берега, и вымываешь желты пески, смой у меня всѣ уроки, съ ручной моей ручницы, съ огненной бойницы, съ китай желѣза, съ нѣмецкаго складнаго замка, съ пороха и дыма, съ синяго свинца, съ глазу и съ мишени, съ острой цѣли, всѣ мои уроки сзади заходящаго, сбоку заглядящаго, отъ двуногаго и отъ одноногаго, отъ чернаго, отъ русаго, отъ рыжаго, отъ хитки, отъ прытки, отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки простоволоски, отъ всей дьявольской сатаны, во вѣки во вѣковъ. Аминь.

Стоитъ дубъ корень-корястый, вокругъ дуба корень-корястаго змѣй-змѣище о двѣнадцати головищахъ; пожираетъ красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ и чистыя звѣзды и всю Господию колесницу; я рабъ божій, ему я отвѣчу: не жри, не глотай красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ и чистыя звѣзды, а сожри и проглоти у меня раба божія всѣ мои уроки съ ручной моей ручницы, съ огненной моей бойницы, съ китай-желѣза, съ нѣмецкаго складнаго замка и съ пороха и дыма, съ синяго свинцу, и зъ глазу съ мишени, съ острой цѣли, не около меня раба Божія, не около думы, моей кроткой, не около моей плоти, а вотъ тебѣ мѣсто и забавище, около заднихъ дверей, около заднихъ петлей тамъ ты забавляйся и прохлаждайся, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Будь мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче висячихъ замковъ и острѣй булатныхъ ножей, во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

II. Собираясь ловить зайцевъ, надо предназначенныя для этого петли подвергнуть слѣдующимъ операціямъ:

Зайцевъ ловить, первое дѣло надо на скать петель, потомъ нужно выварить въ чугунѣ эти петли, потомъ вывѣсить на воздухъ, чтобы вывѣтрѣли; потомъ взять изъ подполья, изъ четырехъ угловъ путеннику [3]) и моху, подкурить эти петли. Еще достать съ дерева вольховую губу [4]) натирать ею, когда станешь привязывать за очипъ.

Заговоръ: Мать Божья, Вышнихъ, Творецъ, небесныхъ Отецъ, будьте мнѣ пособщики и помощники, пособите и помогите наговорить на нитяныя петли на мочальные

---

[1]) Сохранены особенности рѣчи разсказчика.

[2]) Т. е. отъ «худаго глаза» глаголъ «изурочить»; означаетъ «сглазить».

[3]) Паутина.

[4]) Нарость на ольхѣ.

петельники, на березовые мотыльки, падите о суды—переговоры на умётны кости, на ихи, на болота, на гнилыя колоды, на черную грязь, лежитъ бѣлая тропа заячья и зайкина, теките и бѣгите бѣлые звѣри—зайцы и зайки изъ-за горъ, изъ-за морей, изъ-за темныхъ лѣсовъ, къ моимъ ловушкамъ, къ нитянымъ петлямъ къ мочальнымъ подпетельникамъ, къ березовымъ мотылькамъ, росту своего не слышите, ушей своихъ не видите, такъ бы и не видали и не слыхали моихъ ловушекъ, нитяныхъ петель, мочальныхъ подпетельниковъ, березовыхъ мотыльковъ. Моимъ словамъ. Аминь. Замкну свои словакрѣпкимъ замками и висячими ключами.

Прійми Самъ Господь мой ключь. Моимъ словамъ Аминь. Мать Божья, вышнихъ творецъ, небесныхъ отецъ, закрой и защити нетлѣной ризой раба божія отъ уроковъ, съ моими ловушками, и поставушками съ нитянными пнтлями, съ мочальными подпетельниками, съ березовыми мотыльками. Моимъ словамъ Аминь Трижды.

(Заговоры записаны въ дер. Ѳемляной Черевишевской вол. Тюменскаго окр. Тобольск. губ., населенной почти исключительно ссыльно-поселенцами и каторжниками, отбывшими срокъ наказанія). *Сообщ. Д. Чл. С. К. Патканова.*

Купля, продажа скота.

(Изъ разсказовъ о народныхъ повѣрьяхъ).

Лошадь продается съ уздою (мѣстное—обротью), корова съ подойникомъ, или горшкомъ и съ ломтемъ хлѣба. (Разумѣется продажа домашняя, а не базарная). Вступленіе къ торгу—ударъ по рукамъ; проэктъ договора—помолиться Богу; укрѣпленіе—могарычь и расчетъ; вводъ во владѣніе—передача изъ полы въ полу; при чемъ съ товара, какъ премія—уступка на поводъ. Могарычь общій—съ одного вора пьютъ.

Есть, говорятъ крестьяне, такіе люди, отъ которыхъ ничего не отведешь.

— Вотъ мы одноважды,—говоритъ какой нибудь солидный, пожилой крестьянинъ,—купили на Выселкахъ корову. Пришли это мы съ покойнымъ дядей,—царство ему небесное!—на Выселки; спрашиваемъ бабу у колодца:—что, молъ, тетка, нѣтъ-ли гдѣ коровки съ молокомъ продажной?—Есть—батъ,—вонъ возлѣ новой-то избы домъ то хорошій стоитъ, тамъ спросите. Пришли, спросили—есть; поглядѣли—корова ничего; цѣна? Запросили 22 рубля, сторговались за 17. И что битья было: старикъ—хозяинъ и такъ и сякъ: и на зарѣзъ то эту цѣну давали [1]) и, наконецъ, выбожился: вотъ мое правое слово—дай Богъ церкви невзвидать!—дешевлѣ не уступлю [2]); да и удой показали—ничего, доитъ.

Привели мы корову домой ужъ въ сутиски (въ сумерки). На утро корова сдала молоко какъ слѣдуетъ, а въ вечерній удой убавила наша новокупка. Бабы глядь-поглядь, а въ хвостѣ виситъ прядь волосъ, знать, надрѣзана была. Дальше-больше, корова и тѣла на себѣ не держитъ, и молока мало даетъ. Батюшка-покойникъ—не къ ночи будь помянутъ—и говоритъ:—подождемъ, батъ, до другова теленка. Да нѣтъ, не наше счастье: такъ и продали на мясо.

Лучилось (случилось) по зимѣ, десятникъ по ряду отвелъ у насъ фатеру (квартиру) для нищей. Раскалякались, баба оказалась съ Выселокъ; мы и спроси ее:—что, молъ, вотъ такіе-то и такіе-то за люди? А что? говоритъ.—Да такъ! мы вотъ у нихъ коровенку купили, да проку не было: ни молока, ни приплоду.—И... и... захотѣли, батюшки! я ихняя, въ снохахъ была. Было этакъ-же, коровку стали продавать: торгуются, а большой деверь хиыль въ избу къ свекору,—я въ чуланѣ въ тѣ поры была, ребенка

---

[1]) На племя за всякую животину дороже платятъ, нежели при куплѣ на убой.

[2]) «Выбожиться»—кулацкій пріемъ.

кормила,—что, батюшка—баитъ—совсѣмъ чтоли продаватъ?—Будетъ и въ половину. Такъ вотъ они какіе! Меня тоже не возлюбили за то и хозяина-то мово въ солдаты отдали.—Да намъ опосля-то сказывали ваши мажики (мужики) на базарѣ, чито у нихъ старикъ-то былъ волхва и ужъ ни коровы, ни лошади спроста не продастъ: у коровы въ хвостѣ, у лошади въ холкѣ выстрижетъ.

Нижег. губ. Зашт. гор. Починки. Ив. Мамакинъ.

Заговоръ отъ лихорадки, лихоманкой и кумохой въ простонародьи называемой.

Волосы черныя, брови черныя, глаза каріе, подбородокъ круглый, ротъ средній, лицо чистое, особыхъ примѣтъ не имѣетца.

Благослови меня, Господи, ради Василья Иеусовы молитвы творити и стихъ проговорити. Во городѣ во Ерусалимѣ, во Божьей церкви за престоломъ спала Мати Пресвятая Богородица, спала-почивала три дня и три нощи; не много Ей спалось, много во снѣ Ей видѣлось. Привидѣлся ей сонъ страшенъ и ужасенъ про Господа Бога и про Сына своего: будто Мой Сынъ распятъ на горѣ, на лобномъ мѣстѣ злобномъ, на древѣ кипарисѣ, руки растяпши, ноги прибивши, въ головѣ кедръ возложенъ, сквозь реберъ копье проложено, бѣги кровь и вода... въ семъ дому чистота. Пойду я, рабъ Илья, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота въ чистое поле, на синее море. На синемъ морѣ стоитъ бѣлый (sic), дубъ Маврынскій (sic); подъ тѣмъ бѣлымъ дубомъ Мавроискимъ (sic) сидятъ двѣнадцать сестеръ—Иродовыхъ, всѣ простоволосы [1]). На встрѣчу имъ идетъ батюшка Михаилъ Архангелъ и Гавріилъ Архангелъ спрашивати:—что вы за люди?—Мы люди, Иродовы дочери. И сталъ онъ ихъ батюшка Михаилъ Архангелъ и Гавріилъ Архангелъ спрашивати: куда вы идете?—Мы идемъ въ міръ кости ломати. Аминь!

Считается также дѣйствительнымъ средствомъ, если больной пролежитъ между двухъ деревьевъ въ лѣсу и на одномъ изъ нихъ опояшетъ съ себя поясъ съ мѣднымъ кольцомъ, а женщина повяжетъ красный платокъ и кто возьметъ эти вещи, на того перейдетъ болѣзнь, а повѣсившій ихъ выздоровѣетъ.

Какъ окуриваютъ новотелыхъ коровъ.

Когда у новотелой коровы, въ двѣнадцатый удой [2]), молозиво выдоется, приступаютъ къ окуриванію, что продѣлывается преимущественно въ вечерній удой. Самый процессъ окуриванія производится такъ: баба въ черепокъ кладетъ горячіе угли и ладону, обнося его вокругъ коровы съ молитвою: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Стоящая съ другаго бока коровы спрашиваетъ:—чево, баба, куришь?—Уроки.—Кури гораже! и принимаетъ подъ выменемъ черепокъ съ куревомъ. Затѣмъ молоко признается годнымъ къ употребленію, не поганымъ.

Побасенка.

Когда у меня отца ещс не было, я съ дѣдушкой жилъ. У насъ было полтараста ульевъ, пятьдесятъ пчелъ: каждая пчела три улья заняла; какъ на походъ полетятъ—ворота затрещатъ; коя сильна тащитъ свинью, коя поздорове тащитъ по коровѣ, которая недомогаетъ ворота затворяетъ. Мы съ дѣдушкой возмемъ по гнету да выломимъ по соту и ѣдимъ яво, инда не хотца. Купимъ на семишникъ меду, наводимъ сыты да и хлебанимъ.

(Тамъ же). *Ив. Мамакинъ.*

[1]) По понятію простолюдина замужней женщинѣ открытую голову постороннему мужчинѣ грѣхъ показывать; развязкой можно ходить лишь дѣвушкамъ.

[2]) 12 дней называется срокомъ. Поросятъ, телятъ сроку рѣжутъ, ранѣе же сего времени считается грѣхомъ ѣсть мясо ихъ.

„Заговоръ для присухи“.

«Утренняя зоря Марея, вечерняя Катерина, полуношная Катерина, утренняя роса медвяна, вечерняя—сахарна, благословите меня раба божія (имя); лягу я рабъ божій благословясь, встану перекрестясь, пойду изъ избы во двери, изъ двора воротами, черезъ три высоки порога—путемъ дорогой, въ день подъ цонцо (sic), въ ночь подъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ буйныя вѣтры, на море на окіанъ, на островъ на буянъ, на море на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, стоятъ три дуба зеленыхъ, подъ темя тремя дубамъ зеленымъ цари вѣтрамъ, цари вихорямъ, цари царевичамъ, короли королевичамъ, а я, рабъ божій подойду поклонюся, вашей вѣрѣ приложуся: Ужъ вы батюшки вѣтры, батюшки вихоря сильные, могучіе богатыри, вы сослужитѣ мнѣ службу вѣрну и неизмѣнну, пошлитѣ своихъ пословъ—почталіоновъ и курьеровъ, и отберитѣ отъ меня раба божья (имя) всю мою тоску тоскующую, сухоту сухотующую, тоску неисповѣдиму и плачъ неутолиму, да понесите отъ меня раба божія (имя) къ рабицѣ божьей (имя), черезъ горы, черезъ долы, черезъ быстрыя рѣки, нигдѣ не заплутайтѣ не залытайтѣ, нигдѣ неоставьтѣ не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ заплотахъ, а оставьтѣ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ, въ ретивомъ сердцѣ. Батюшки вѣтры, батюшки вихори! сильные могучіе богатыри: Лука, Марко, Матвѣй, Гаврило, пятый вихорь! Задуйтѣ, завѣйтѣ въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердцѣ, въ сердцѣ, въ печень, въ кровь горячу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ 77 суставовъ соедиппенныиъ суставомъ, и въ 77 жилъ соединенною жилою, не могла бы она безъ меня раба божія (имя) не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хоть бы она въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все-бы меня раба божья (имя) на разумѣ держала; не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, не подруженьки, а только бы я, рабъ божій (имя), былъ бы милъ пріятенъ, пригляденъ, казалось бы ей мое бѣлое лицо бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори: вы ходили гуляли по всѣмъ городамъ пригородкамъ, по всѣмъ тюрьмамъ, богадѣльнямъ, по всѣмъ печальнымъ несчастливымъ людямъ, въ тѣхъ тюрьмахъ и богадѣльнахъ сидятъ три молодца отъ младости и до старости, отъ старости и до сѣдой бороды, они плачутъ и рыдаютъ о тятинькахъ, о мамонькахъ, о кумушкахъ, о подруженькахъ и о своемъ житье гуляньице; вы и отъ нихъ отберитѣ всю тоску тоскующую, сухоту сухотующую да понеситѣ къ рабицѣ божьей (имя) черезъ горы, черезъ долы, черезъ быстрые рѣки, нигдѣ незаплутайтѣ, не залытайтѣ, нигдѣ неоставьтѣ: не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ заплотахъ, а оставьтѣ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ и въ ретивомъ сердцѣ, не могла бы она безъ меня, раба божья (имя), не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы, плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не жила, гдѣ бы она негуляла, хоть бы въ торху торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала: не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, не подруженьки, а только бы я, былъ милъ пріятенъ, пригляденъ, казалось бы ей мое бѣлое лице—бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори, вы ходили гуляли по горамъ, по доламъ, гнули, ломали яблони кудрявы, ракитовы кусты, всѣ шолковые травы, прутья вѣтви пригибали къ матери сырой землѣ, такъ пригнитѣ, такъ покоритѣ рабицу божью (имя), ко мнѣ рабу божью (имя) не могла бы она не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху, и въ перекрой мѣсяца,

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Задуйте завѣйтѣ въ широкіе двери или въ косящето окно, или выйдетъ на прекрасное крыльцо, подсѣклись-бы у ней рѣзвые ноги, опустились бы у ней бѣлыя руки, усякло бы у ней ретивое сердцѣ, не могла бы она

не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Задуйтѣ, завѣйтѣ хошь на сонну, хошь на парну, хошь на пьяну или на погану, не могла бы она не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, не минуты миновать; ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца; гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала; не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки—подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя) ,былъ-бы ей милъ, пріятенъ, пригляденъ, казалось-бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Еще есть въ темномъ лѣсѣ, въ топкомъ болотѣ стоитъ изба, въ той избѣ живетъ стàръ-матёръ человѣкъ, у того стара-матёра человѣка есть три дѣвицы, три огненныя огневицы, у нихъ три печьки: печка мѣдна, печка желѣзна, печка оловянна; они жгли дрова двою годовалы, трою годовалы, пяти годовалы, жарко, ярко, пылко, емко, а вы съ тѣмя дѣвицами, съ тѣмя треия огненными огневицами совокупитеся и сложитеся и пуститѣ мою тоску, и пуститѣ мою сухоту съ дымомъ, съ паромъ, съ жаромъ; а они, сильные могучіе богатыри, тугой лукъ натягали, калену стрѣлу накладывали и каленой стрѣлѣ приказывали: Полетай, наша каленая стрѣла выше лѣсу стоячева, ниже облака ходячева; не пади наша каленая стрѣла не на воду, не нà землю, не на сосну зелену, не на яблонь кудряву, не на ракитовы кусты, не на шолковые травы; а пади наша каленая стрѣла къ рабицѣ божьей (имя) на бѣлое тѣло въ ретивое сердцѣ, рошшибитѣ и роспалитѣ ея бѣлотемную грудь, разожгитѣ и роспалитѣ ея бѣлое тѣло и ретивое сердцѣ, не могла бы она безъ меня раба божья (имя) не жить, не быть, не дню дневать, ни минуты миновать, ей бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца; гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала; не милъ бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя), былъ бы ей милъ, пріятенъ, пригляденъ; казалось бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори сильные могучіе богатыри: Лука, Марко, Матвѣй, Гаврило, пятый вихорь! Еще той тоски мало, вы ходили гуляли по горамъ, по доламъ, по зеленымъ лугамъ, на тѣхъ на горахъ, на тѣхъ на долахъ на зеленыхъ лугахъ есть теляточка, ягняточка, ососочки-поросеночки, они плачутъ и рыдаютъ о тятинькахъ и о мамонькахъ; а вы сильные могучіе богатыри, и отъ нихъ отберитѣ тоску тоскующую, сухоту сухотующую да понеситѣ ту тоску тоскующу къ рабицѣ божьей (имя) черезъ горы, черезъ долы, черезъ быстрыя рѣки, нигдѣ незаплутайтѣ, не залытайтѣ, нигдѣ не оставьтѣ не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ заплотахъ, а оставьтѣ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ, въ ретивомъ сердцѣ, не могла бы она безъ меня раба божья (имя) не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала все бы меня на разумѣ держала, не милъ бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя), былъ бы милъ пріятенъ, пригляденъ, казалось бы ей мое бѣлое лице—бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

(Когда будешь говорить: «Полети моя тоска, полети моя сухота» — тогда дуй свой духъ на вѣтеръ).

— «Полети моя тоска, полети моя сухота, какъ лѣтуча пчела, какъ жалюча оса, не пади моя тоска, не пади моя сухота не на воду, не на землю, не на сосну зелену, не на яблонь кудряву, не на ракитовы кусты, не на шолковые травы; если на землю падешъ—земля выгоритъ, а на сосну падешъ — сосна высохнетъ; а пади моя тоска, пади моя сухота къ рабицѣ божьей (имя) на бѣлое тѣло въ ретивое сердцѣ, въ сердцѣ въ печень, въ кровь горячу, въ 77 суставовъ соединенныхъ суставомъ, въ 77 жилъ

соединенныхъ жилою; не могла бы она не жить не быть, не дню дневать, не часу часовать, ни минуты миновать; ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы она меня на разумѣ держала, не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя) былъ бы милъ пріятенъ, пригляденъ, казалось бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

(Сіе говори трижды и, трижды дуй свой духъ; за каждымъ приговоромъ:

— «Полети моя тоска, полети моя сухота». Дуй и говори три раза. По семъ говори:

— «Ей-бы лѣчиться не вылѣчиться, не взять бы ей лѣкарства не съ воды, не съ травы, не съ пеньёвъ, не съ кореньевъ, не съ матери сырой земли; ей бы парить не спарить, мыть не смыть, говорить не отговорить; а кто станетъ мыть отмывать, парить отпаривать, или говорить отговаривать—бери того шопота и ломота; какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и его щека со щекой несходилася. Стану я рабъ божій (имя) замкомъ запирать, ключемъ закрѣплять, отдамъ ключь и замокъ страху польскому да раку морскому, а ракъ морской отдасъ Щукѣ-калугѣ, а щука-калуга отдасъ подъ латырь-камень, а бѣлъ латырь-камень въ верху воды нестоитъ. Когда этотъ камень на верхъ выпловетъ, тогда рабица божья (имя) отъ меня раба божья (имя) отойдетъ».

(Слѣдуй прежде съ утренней зори. Дуй трижды и пущай по вѣтру заговоръ на зорѣ»).

Списано въ Шайтанскомъ заводѣ, Екатеринбургскаго уѣзда въ 44 в. отъ г. Екатеринбурга по Московскому тракту къ г. Перми; съ книжки писанной уставнымъ (церковно-печатнымъ) письмомъ крестьянина того же завода Василья Иванова Шулина.

Дѣйствительный Членъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ г. Екатеринбургѣ.

Петръ Шилковъ.

Г. Екатеринбургъ 2-го Апрѣля 1892 г.

Проводки и проводочныя пѣсни

въ Ростовскомъ уѣздѣ

Бесѣды въ Перовѣ [1]).

Ростовскаго уѣзда есть сельцо Перово съ 80-ю слишкомъ дворами, верстахъ въ 5 отъ Петрова. Не смотря на то, что это сельцо помѣщичье, но — хоть за корову да въ Перово — говорятъ дѣвицы вольныхъ деревень. Въ такомъ почетѣ Перово въ околоткѣ. Въ самомъ дѣлѣ—молодцовъ тамъ очень много, и молодцы тамъ—народъ все Питерской, наметаной, веселой? Лѣтомъ въ той сторонѣ вся молодежь въ Питерѣ, только зимой къ Рождеству являются всѣ домой. Тутъ-то пойдутъ на бесѣдахъ проводки (особенно о Святкахъ). Бесѣда то же, что—въ Пересл. у. посѣдки [2]); но въ бесѣду ходятъ здѣсь всѣ срядныя, дѣлаютъ проводки и поютъ проводочныя пѣсни (въ родѣ караводныхъ). Въ бесѣдахъ съ проводками—однѣ взрослыя дѣвицы (послѣ приходятъ молодцы), мелочь (подростъ) ходитъ по своимъ бесѣдамъ, бабы съ мужьями (кои тоже прядутъ),—по своимъ.

---

[1]) Рукоп. доставлена въ Общество въ 1848 г. изъ Переяславля-Залѣсскаго отъ Н. Б.
[2]) Впрочемъ и въ Пересл. у. онѣ наз. бесѣдами въ Заозерьи.

Проводки.

Прежде молодцы просятся подъ окномъ охриплымъ голосомъ въ бесѣду, имъ отвѣчаютъ: приходите въ прошлую Субботу, такъ и дадимъ вамъ работы. Нѣсколько погодя, молодежь ввалитъ въ избу. Разсядутся, одинъ изъ молодцовъ подступаетъ къ дѣвушкѣ съ рѣчьми:

«Умница дорогая, пожалуйте веретенцо, посмотрѣть на ваше рукодѣльство».

— У насъ веретенцы кривеньки, а пряжица толстенька,—отвѣчаетъ ему дѣвушка.

«У насъ въ рукахъ побываетъ, завсегда тонка бываетъ».

— Дорожка водлѣ насъ, проходите мимо насъ.

«Всю бесѣду изошелъ, краше васъ не нашелъ, къ вашей милости пришелъ. Видите сами, стою передъ вами...

Дѣвушка—дѣлать нечего—отдаетъ неотвязному веретено, а сама идетъ за другимъ. Молодецъ тотчасъ садится на ея мѣсто. Дѣвица, возвратясь, говоритъ молодцу такія рѣчи:

— Тесовы́мъ поломъ шла, къ вашей милости пришла. Удалой молодчикъ! по какой это досадѣ гребешки наши въ засадѣ? Что они вамъ досадили, въ засаду посадили? (молодецъ все молчитъ). Кажется мы по садику не гуляли, травы шелко́вой не мя̀ли, и алыхъ цвѣтовъ не рывали. Удалой молодчикъ! чѣмъ же наши гребешки заростаютъ?—ни яблонкой кудреватой, ни рябиной сучковатой...

«Красна дѣвица, доброй молодецъ засѣдаетъ», отвѣчаетъ ей молодецъ.

— Удалой молодчикъ, на чемъ же поцѣлуй-отъ родится.

«Ни въ кустахъ, ни въ листахъ,—у красной у дѣвушки въ устахъ».

— Удалой молодчикъ, пожалуйте намъ гребешокъ? (онъ молчитъ). Что же, удалой молодчикъ,—при чемъ вы сидите?

«При лавочкѣ»!

— Чѣмъ вы торгуете?

«Ча́йными травами, ча̀стыми гребнями».

— Извольте лавочку открывать, гребешки выставлять и цѣну уставить.

«У насъ лавочка-то открыта, гребешки выставлены, имъ цѣна уставлена—бумажками 50, поцѣлуй разъ 60!»

— Удалой молодчикъ, 50-то сбавьте, а 7 разъ исправьте (цѣлуются). И извольте розстаться, въ правую сторону податься.

«Красная дѣвица, извольте нашей чести, во всѣ колѣни сѣсти!»

— Не годится—въ чужія колѣни садиться.

Другіе молодцы также проводничаютъ,—разумѣется, всякой молодецъ на свой образецъ. Затѣмъ начинаютъ пѣть проводочныя пѣсни.

Прово̀дочныя пѣсни.

1.

Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка,
Дощечка дубова. Дѣвка черноброва,
Дѣвка платье мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Какъ мой милой ѣдетъ на воро̀номъ конѣ—
На воро̀номъ конѣ, въ нѣмецкой одежѣ.
Не доѣхадчи взстаетъ, самъ Богъ-по̀мочь подаетъ:
«Богъ-по̀мочь, дѣвица, на бѣлы́мъ платьѣ!

Дѣвушка спѣсива, не скажешь: спасибо»!—
—Удалой молодчикъ, загану загадку:
Сшей ты мнѣ башмачки изъ желтà песочка!
«Красная дѣвица, напряди мнѣ дратвы,
Напряди мнѣ дратвы изъ дожжевой капли».
—Удалой молодчикъ! сшей ты мнѣ платье,
Сшей ты мнѣ платье изъ макова листу,
Простречи мнѣ строчку, непрорвя листочка.
«Красная дѣвица, напряди мнѣ шолку,
Напряди мнѣ шолку изъ бѣлова снѣгу».
—Удалой молодчикъ, купи мнѣ платочекъ,
Купи мнѣ платочекъ, аленькой цвѣточекъ.
«Красная дѣвица, сшей ты мнѣ жилетку
Сшей ты мнѣ жилетку изъ буйнова вѣтру».
—Удалой молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ,
Слей мнѣ перстенечекъ изъ солнечья лучья;
Вставь ты милъ глазочекъ—востошную звѣзду;
Дѣ буду ходити, тамъ буду сіяти.
«Красная дѣвица, напой мово кòня—
Напой мово коня, середь синя̀ моря,
Середь синя моря, на камешкѣ стоя,—
Чтобы конь напился, коверъ не мочился».
—Удалой молодчикъ! сострой ты мнѣ келью,
Къ Петрову говѣнью и то изъ леденьевъ.
«Красная дѣвица! припаси леденья, сострою и келью»!

2.

(на двѣ артели, какъ въ просо).

1. Какъ купечецка дѣвушка платье мыла,
 Ой ли, ой ли, ой лёшеньки! платье мыла,
2. А дворянской сынъ колотилъ;
 Ой ли, ой ли, ой лешеньки! колотилъ.
1. Загануть ли те, дѣвушка, семь загадокъ?
 Ой ли и пр.
2. Заганитко-те, сударь, хоть десятокъ.
 Ой ли . . .
1 Ужь какъ что это, дѣвица, выше лѣсу?
 Ой ли . . .
2. Выше лѣсу свѣтитъ мѣсяцъ.
 Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, чаще лѣсу.
 Ой ли . . .
2. Чаще лѣсу часты звѣзды.
 Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, водлѣ лѣсу?
 Ой ли . . .
2. Водлѣ лѣсу пала рòса.
 Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица краше свѣту?
 Ой ли . . .
2. Краше свѣту красно солнце.
 Ой ли . . .

1. Ужь какъ что это, дѣвица, безкрылешно [1])?
Ой ли . . .
2. Безкрылешны бѣлы снѣги.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безъ коренья?
Ой ли . . .
2. Безъ коренья горючь камень.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, не ударишь?
Ой ли . . .
2. Не ударишь буйны вѣтра.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безъ жалѣнья?
Ой ли . . .
2. Безъ жалѣнья мужь жону бьетъ.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, беззапряжно.
Ой ли . . .
2. Беззапряжна быстра рѣчка.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безсловесно?
Ой ли . . .
2. Безсловесна добра лошадь.
Ой ли . . .

3.

Изъ-за лѣсику—лѣсу темнаго,
Изъ-за садику саду зеленого,
Выходили тутъ два молодца,
Два молодца—оба холости,
Оба холости неженатые—
Неженатые—щеглеватые.
Они вмѣстѣ шли—становилися,
Понизёхоньку поклоннилися.
Они врозь пошли—разбранилися
Объ одной душѣ красной дѣвицѣ—
Красной дѣвушкѣ Аннушкѣ,
А Аннушка свѣтъ выходила къ нимъ,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
«Вы не ссорьтеся, не бранитеся;
Вы по честности разойдитеся.
Вы возьми-тко-те вы по ножичку,
Ужь вы срѣжько-те по прутику,
Ужь вы сдѣлайте по жеребью,
Ужь вы кинько-те про-межу себя:
Какъ кому я млада достануся?—
Либо черному чернобровому,
Либо бѣлому кудреватому»!
—Доставалася парню бѣлому...
Онъ и бралъ ее за праву рученьку,
Онъ повелъ ее вдоль бесѣдушки,
Вдоль бесѣдушки красныхъ дѣвушекъ.
Онъ и велъ ее, самъ разхвастался,
Онъ разхвастался—всѣхъ на свадьбу звалъ.

4.

Вдоль ли по рѣчкѣ вдоль по Казанкѣ
Сизый селезéнь плыветъ.
Вдоль ли по бѐрежку, вдоль ли по крȳтому
Добрый молодецъ идетъ.
Чешетъ онъ кудри, чешетъ онъ русы
Частымъ гребнемъ гребешкомъ.
Самъ онъ со кудрями, самъ онъ со русыми
Разговариваетъ:

[1]) Крылешенъ—крылесьнъ—указаніе на согласную основу (с) слова крыло, есе.
Ред.

Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся розчесать?
Доставались мои кудри, доставались мои русы
Старой бабушкѣ чесать.
То-то мнѣ не радость, то-то не веселье,
Нѣтъ успѣхи молодцу!
Какъ она ни чешетъ, какъ она ни гладитъ,
Только волосы деретъ.

*
* *

Вдоль ли по рѣчкѣ, вдоль ли по Казанкѣ—
Сизой селезень плыветъ.
Вдоль ли по бережку, вдоль ли и пр.
. . . .
Доставались мои кудри, доставались мои русы
Красной дѣвушкѣ чесать.
То-то мнѣ радость, то-то мнѣ веселье,
Есть успѣха молодцу!
Вотъ она чешетъ, вотъ она гладитъ—
Волосъ къ волосу кладетъ.

5.

Скачетъ, пляшетъ воробышекъ да вдоль по лужку.
Насъ на лужечкѣ не множко людей,
Всего 40 человѣкъ съ человѣкомъ.
Разудаленькой молодчикъ! догадайся.
Выбирай себѣ дѣвушку по мысли,
Что по нраву, по любови.
Красна дѣвушка вдоль садика прошла.
За собою холостого провела,
Холостого неженатаго—
Молодчика важеватаго.
На ней платьице бѣлѣется,
Шали алыя алѣются,
На головушкѣ изъ розона вѣнокъ,
Въ правой рукѣ нѣмецкой ливеркъ[2]).
Ливеркомъ дѣвка помахиваетъ,
На молодчика посматриваетъ:
Всё я, миленькой, гулянье изошла,
Лучше, краше я васъ не нашла.
Хоша лучше и краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ жалѣнья объ тѣхъ нѣтъ.

6.

(Капустку завивать)

Вейся ты, вейся капустка.
Вейся ты, вейся вилàя!
Какъ мнѣ капусткѣ не виться,
Какъ мнѣ вилою не ломиться.
Вечòрсь на капустку,
Вечòрсь на вилую
Выпалъ частой дожжикъ—
Частенекъ, мелѐнекъ
Съ росой холодненекъ—
Сливной поливаетъ,
Капустку ламаетъ.

*
* *

2) Вѣерокъ.

Сѣю, вѣю—въ капустеньку.
Розвивайся, мой вилой кочешокъ,—
Не женися, молодой паренёкъ!
Естьли женишься—спокаешься,
Со мной съ дѣвушкой разстанешься;
Одному млада достануся—
Либо первому, середнему—
Либо самому послѣднему.
Онъ которую получше искалъ,
Онъ съ той встрѣтился и здравствуй
не сказалъ.
Вѣрно, миленькой, сердитъ на меня,
Вѣрно, миленькой, есть иная у тебя,
Вѣрно, миленькой, получше меня.
Поглядите, добры люди, на меня.
Чѣмъ я млада уродилася дурна,
Изъ бѣла лица бѣлёшенька,
Съ очей ясныхъ веселёшенька,
Пойду къ милому скорёшенько,
Трону жизнь его легохонько,
Загану дружку загадочку:
Какъ не для чего огороды городить.
Какъ не для чего капустку садить.
Мы охочи въ лѣсъ по-ягоды ходить.
Въ темномъ лѣсѣ приаукнуться.
Никто въ лѣсѣ не аукнется,
Никто въ темномъ не откликнется:
Откликнулся одинъ миленькой дружокъ
Черезъ темненькой зелененькой садокъ.

7.

Ужь ты заинька, заинька, зайка бѣ-
ленька,
Зайка бѣленька, зайка сѣренька—
Ушки востреньки, ножки коротеньки,
Зайка въ сторону вскочила,
Много солоду ростила,
Во другую-то скочила—
Тамъ рѣка глубока,
Рѣка тйнова, рѣка рябинова.
Тамъ рябинушка часта,
Поцѣлуй дѣвку въ уста!
Какъ во старые во годы
Не бывало такой моды;
Нынче выслался указъ—
Цѣловать дѣвокъ 100 разъ;
Во сахарныя уста
Поцѣлуй четыре ста.
Ужь какъ мой-отъ мужь охотникъ,
Господинъ сударь, стрѣлецъ;
За охотою ходилъ,
Перепелочекъ ловилъ.
Изымалъ лунька, лунька сѣренькаго.
Посадилъ лунька на крутой на бере-
жокъ.
Вы раздайтесь, дѣвицы,
Разступитесь, молодцы,—
Ужь какъ дайте вы луньку
Погулять по лужку.
Какъ увидѣли лунька
Красны дѣвки изъ окна,—
Ты сюды, сюды лунёкъ,
Сюды миленькой дружокъ [3]).

Н. Б.

(Запис. въ 1848 г.).

О говорѣ жителей Каргопольскаго края (Олонецкой губерніи).

Каргопольскій край заключаетъ въ себѣ нынѣшній Каргопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи и прилегающія къ нему части Пудожскаго (южную) и Вытегорскаго (восточную), совершенно однородныя съ нимъ по этнографическому составу. Въ древнія времена онъ былъ заселенъ финскимъ племенемъ заволоцкой Чуди. Память о ней сохранилась въ преданіяхъ о «Чуди бѣлоглазой», которая представляется въ видѣ разбойничьей шайки, жившей около озера Лаче и оттуда дѣлавшей нападенія на окрестности. Таково, напримѣръ, преданіе жителей Ухотскаго прихода (50 в. отъ Каргополя, въ Вытегорскомъ уѣздѣ) о нападеніи чуди, поруганіи ею церкви и объ ея чудесномъ ослѣпленіи. Указываютъ даже дорожку въ болотѣ, по которой шла чудь, и ея общую могилу. Во многихъ мѣстностяхъ Каргопольскаго уѣзда (напримѣръ въ приходахъ Лимскомъ, Шалекушскомъ, Красновскомъ, Шожемскомъ и др.) до сихъ поръ указываютъ на чудскіе курганы. Вѣроятно эти первоначальные жители края были посте-

[3]) Эта пѣсня употребляется и въ Пересл. у., но въ караводахъ. Н. Б.

менно вытѣсняемы отсюда новгородскими насельниками и частію ушли на сѣверъ къ Бѣлому морю, частію смѣшались съ пришлымъ русскимъ населеніемъ. Насколько повліялъ чудской языкъ на русскій, по незнанію перваго, точно опредѣлить не могу. Большинство населенныхъ мѣстностей носятъ чудскія названія: Каргополь (каргу-пуоли, медвѣжья сторона), Челма (гора), мѣсто подвиговъ преп. Кирилла Челмогорскаго, просвѣтителя Чуди, Шалга, Ухта и т. п. Но во всякомъ случаѣ вліяніе финскаго элемента сказывается здѣсь не такъ сильно, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи. Русская рѣчь въ предѣлахъ Каргопольскаго края гораздо чище отъ заимствованій изъ финскихъ языковъ, чѣмъ напримѣръ въ западной части сосѣдняго Вытегорскаго уѣзда и особенно Петрозаводскомъ и Олонецкомъ [1]). И по физическимъ свойствамъ, Каргополы рѣзко отличаются отъ Кореляковъ, которыхъ мнѣ часто случалось видѣть въ базарные и праздничные дни на улицахъ губернскаго города. Росту они въ большинствѣ случаевъ выше средняго, сложенія крѣпкаго; замѣчается склонность къ дородству, полнотѣ. Цвѣтъ волосъ преобладаетъ русый и рыжій. Глаза свѣтлыхъ цвѣтовъ, особенно часто встрѣчаются сѣрые. Черты лица довольно правильныя и крупныя. Вообще типъ жителей чисто русскій. По характеру они добродушны и простоваты: «красна рожа, рвана одёжа, ротъ полъ—вѣрно Каргополъ». Эта простоватость объясняется тѣмъ, что Каргопольскій край лежитъ въ сторонѣ отъ Маріинской системы и самый хлѣбородный въ губерніи. Отсюда жители его—домосѣды, больше занимаются хлѣбопашествомъ и сравнительно гораздо меньше отхожими промыслами, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи.

Изъ звуковыхъ особенностей Каргопольскаго говора прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сильное оканье (остромить, копать, корманъ, конунъ, оконнной, зоря и т. п.). Надъ аканьемъ подсмѣиваются. Существуетъ особое, насмѣшливое слово б а з а н и т ь, говорить съ высока, на *а*.

Вторая особенность — перемѣна гласныхъ: *а* въ *е*: пецеть и пецель; *е* въ *и* (щиль, прищинить, двири, ободвирина); *и* въ *е* (престыдилъ, перогъ); *о* въ *у* (скуріе); *я* въ *е* (опеть, дедя, естрепъ) и, наконецъ, *ѣ* въ *и* (стрилить, рицька, вмистяхъ). Но въ падежныхъ окончаніяхъ *ѣ* произносится какъ *е*.

Въ произношеніи согласныхъ замѣчаются слѣдующія особенности [2]):

Сохранилась древняя особенность новгородскаго говора, взаимная перемѣна *ц* и *ч*.

Г, когда оно находится между двумя гласными, произносится какъ *х* (пошахалъ, тяхатце).

К предъ *р* звучитъ какъ *х* во многихъ словахъ (хресьенинъ, хрёсной, хрендель)[3]). Есть нѣсколько примѣровъ, когда *к* въ окончаніи *ка* переходитъ въ *ц*: брусниця, черниця, земленица, голубиця, кислиця.

Замѣчательны слѣдующіе переходы звуковъ: *л* въ *в* въ словахъ: шавить, пойво и въ *н* въ словахъ: тонь (столь), конь (сколь); сохраненіе *ц* и *т* въ словѣ витье (вицье, мн. ч. отъ вица, прутъ, розга, в ѣ т к а[4]); вм. *щ*, *сч* и *тч* въ словахъ: косивцятой, косетцятой, которыя употребляются въ каргопольскихъ пѣсняхъ и причетахъ вмѣсто слова косящатой.

Замѣчательны мягкія согласныя, каковы: *ц*—ć (тысяцькой, швець, колодець, овця, цяпка) и *ч* (чјиганъ, очапъ), *с* (ś) (Микифоровськи, письни) и *р* (ŕ) (горьниця) только въ немногихъ случаяхъ.

---

[1]) Когда я пріѣхалъ въ губернскій городъ учиться въ семинаріи, то не понималъ многихъ словъ, заимствованныхъ съ корельскаго языка, которыми была пересыпана рѣчь товарищей уроженцевъ упомянутыхъ мѣстностей.

[2]) Я опускаю всѣ тѣ особенности въ произношеніи согласныхъ, которыя совершенно сходны съ перечисленными у А. И. Соболевскаго въ его лекціяхъ по исторіи р. языка (стр. 80—81) и, кажется, общи всѣмъ великорусскимъ говорамъ.

[3]) Мнѣ случалось слышать Х а р л о п о л ь вмѣсто Каргополь. Измѣненіе *г* въ *л* не зависитъ-ли здѣсь отъ вліянія плавныхъ *р* и *л* (Соболевскій, л. по ист. р. яз. стр. 94)?

[4]) Ср. Собол. ibid. стр. 93.

Въ склоненіи именъ существительныхъ отмѣтимъ слѣдующіе случаи: дёнъ, козёнъ; любопытны и слѣдующіе примѣры: въ ротѣ (во рту), на каменю (на камнѣ). Есть особая группа уменьшительныхъ и ласкательныхъ образованныхъ чрезъ суффиксъ *ёлк*: братёлко, зятёлко, осохуцёлки (игра въ прятки). Своеобразны по производству слѣдующія имена существительныя: востанище (не пловетъ сѣрой камень поверхъ воды, не живётъ мёртву тѣлу востанище), вылюдье (платье, одёжа, въ которомъ не стыдно чужимъ людямъ показаться), желанна (любовь, жалость), засловье (заступа), ласкота (ласковый человѣкъ), надія (надежда), похинка (порицаніе), узороцьё (укоръ за дурное поведеніе).

Относительно прилагательныхъ нужно сказать, что въ обыкновенной рѣчи преобладаютъ усѣченныя окончанія, въ пѣсняхъ же и причетахъ полныя и, когда этого требуетъ ритмъ, растяженныя. Окончанія *ій* и *ый* слышатся какъ *ей* и *ой* (доброй, слатенькой) синей. Окончаніе родительнаго падежа *ого* никогда не произносится какъ *ово*.

Глагольныя окончанія *ться* и *тся* звучатъ какъ *тце*. Когда же возвратному мѣстоименію *ся* (себя) предшествуетъ не *т*, а другой согласный или гласный звукъ, то оно произносится какъ *се*: остатце, остаетце, осталсе, осталосе. Большинство глаголовъ оканчивающихся въ настоящемъ времени единственномъ числѣ первомъ лицѣ на *аю*, во второмъ и третьемъ лицахъ того-же времени и числа терпятъ сокращенія *аешь* въ *ашь* и *аетъ* въ *атъ*: падаю, падашь, падатъ; я баю, ты башь, онъ, она батъ. Глаголы оканчивающіеся въ наст. вр. ед. ч. 1-мъ лицѣ на *ку* не смягчаютъ *к* въ *ч* во второмъ и третьемъ лицѣ ед. и мн. числа: пеку, пекёшь, пекётъ, пекёмъ, пекёте; теку, текёшь, текётъ; неокончательное накл. будетъ на *кчи* (по каргоп. произношенію *кци*) пекци, волокци (тащить), высикци (высѣчь), оболокцись (одѣться) и т. п. Вмѣсто окончаній прош. времени *илъ*, *ила*, *или* въ нѣкоторыхъ немногихъ глаголахъ употребляются окончанія: *ѣлъ*, *ѣла*, *ѣли*; говорѣлъ, разсердѣлись. Замѣчателенъ случай употребленія средняго глагола: спѣшить въ возвратной формѣ: не спѣшись. Также не скуцайсе.

Замѣчаются особенности въ образованіи обстоятельственныхъ словъ времени и мѣста. Нѣкоторыя изъ первыхъ образованы изъ существительныхъ взятыхъ, въ винительномъ падежѣ чрезъ прибавку окончанія *съ*: вёснусь, лѣтось, осенёсь, зимусь. По этому образцу составились и другія: досенесь, досюлесь, лонись, вцирась, ономеднись. Въ сложныхъ обстоятельственныхъ словахъ мѣста куда и сюда вм. оконч. *да* любимо оконч. *ль*: покуль (покуда), докуль (докуда), откуль (откуда), досюль (досюда), отсюль (отсюда).

Обращаетъ на себя вниманіе смѣшеніе предлоговъ въ составныхъ словахъ. Прилика (улика); нетсточный (не*от*срочный) безсрочный отпускъ, прожитоцьной (зажиточный); засказывать (разсказывать), зацинитце (починиться), надиватце (одѣваться), напрокуцить[1]) (наскучить), обневолить (приневолить), привернуть (завернуть), пристигать (застигать), убратце (прибраться) и т. п.

Въ говорѣ Каргополовъ поражаетъ обиліе частицъ *те*, *ть*, *тко*, *ко*, *то*. У Соболевскаго въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка[2]) помѣщено склоненіе члена въ Шадринскомъ говорѣ Пермской губерніи. Нѣчто похожее на склоненіе члена замѣчается и въ Каргопольскомъ говорѣ. Только оно не такъ сложно. Мужескій родъ ед. ч. им. п. *о—тъ*, остальные падежи *то*; мн. ч. и. п. *тѣ*, прочіе п. *то*; женскій родъ ед. ч. и. п. *та*, вин. *ту*, остальные падежи *то*; мн. ч. сходно съ мужескимъ родомъ.

Относительно ударенія замѣчается наклонность ставить его дальше отъ конца словъ (дрòва, молòдой, òвецъ) и переносить на предлоги (дò дому, нà лѣто, пòдъ гору, нàстоять, настаивать). Но эта склонность не развита до такихъ крайностей какъ въ Заонежьи. Замѣчается выпаденіе неударяемыхъ гласныхъ и слоговъ: плящіе морозы; набъ (надобы), надъ (надо при надоть и надо бѣть), па (парень), хошь, вишь и т. п.

Въ заключеніе прилагаю похоронный причетъ и списокъ мѣстныхъ словъ. При составленіи послѣдняго я руководствовался отличіемъ мѣстныхъ словъ отъ употреб-

---

[1]) Очевидно буква *с* въ словѣ наскучить предлогъ *съ* и замѣнена другимъ пред. *про*.

[2]) Стр. 159.

яяемыхъ въ литературномъ русскомъ языкѣ, а потому въ немъ, по всей вѣроятности, окажется много такихъ, которыя употребляются и въ другихъ областяхъ Россіи.

Причетъ матери по умершемъ сынѣ:—«Послушай-ко сугрёвое милое бажоное дитетко, роженье мое сердешное, ты куды свиваешьсе и справлеешьсе, во какую путь-дорожку широкую? Ты свиваешьсе и справлеешьсе, ко обиднѣ ко заздравной, къ черкви пресвященной, ко молебну заздравному, просить Царя Небесного о своемъ здравіи великомъ, штобы далъ Христосъ здоровья великого, вику долгого для сиротъ да горегорькихъ малыхъ-то дитоцекъ. Ты свиваешьсе и справлеешьсе на площу-ярмонку, на веселое гуленьице со своими друзьеми со братьеми, съ перелетными, удалыми добрыми молодцями. Ужъ смахнуть мнѣ оци ясныя на тебя мое роженье сердешное: во што—да снаряжаешьсе, во што оболокаешьсе. Ужъ смахнула я, мати бѣдная, оци ясныя, поглядѣла на тебя, мое роженье сердешное, ужъ я глупая мать, неразумная, побѣдная, горегорькая: не такъ снаряжаютце, свиваютце на гуленьице веселое. Ужъ лежитъ тѣло мертвое, лице блёклое, и наряжено во платье бѣлое, платье бѣлое, мертвецькое. Ужъ послушай ты, сынъ бажоной, промовь со мной, маткой бѣдною, словцо тайное—непроносное. Ужъ пытаю тебя, мати бѣдная, бужать изо сну-да изо крѣпкого, изо сну-да забудущего. Ты скажи-ко мнѣ, матери бѣдной, про твоихъ про малыхъ дитушокъ: на кого оставлеешь малыхъ дитушокъ, на кого держишь надіюшку великую? кто станетъ кормить-поить твоихъ-то малыхъ дитушокъ? Они малымъ-то малешеньки и глупымъ-то глупешеньки, не въ полномъ умѣ-разумѣ, не въ большомъ-то и на возрастѣ. Будутъ безъ тебя, сердешной родитель, вольные да и самовольные, не уёмные, выйдутъ на улушкѣ дурливые, въ избѣ-то пакостливые, находятце по міру по хрещеному каликой перехожею, попрошайкой подоконною, много будетъ имъ горюшка великого, досадушки несносныя послѣ желанного родитель-батюшки. Подойдите-тко вы сироты горе-горькіе, малые бажоны дитушки, ко желанному родитель-батюшкѣ, вы просите-тко крѣпкого благословеньиця на вики нерушимого. Я пытала, бабка бѣдная, будить да и кликать вашего желанного родитель-батюшку изъ крѣпка сна забудущего, не могла разбудить да докликатце. На што осердилсе да пріогнѣвалсе желанной родитель-батюшко? Не бывать вѣрно по старому, не бывати по прежнему, не таптывать муравой травы шелковой, по бѣлу свиту не хаживать. Ты послушай-ко, роженье сердешное, о цемъ попрошу сирота горе-горькая со своими малыми бажоными дитушками. Ты когда посулишьсе къ намъ во цястое любимое госьбище, о котору пору-времяцьку? Посулишьсе ко цесному годовому праздницьку ко Михайлу ко Арханделу. Я поставлю, мати бѣдная, середи пути-дороженьки караульщицька, къ зеленымъ угламъ да бережатого, ко воротушкамъ стережатого, не прошелъ штобъ ты сироцькой нашей хижины. Мнѣ не надо мати бѣдноей караульщицька и бережатого, у тебя довольно осталось сиротъ горегорькихъ, они стерегутъ и берегутъ тебя во цястое любимое госьбище. Горегоркіе, побѣдные, нужные и маломожные, справимъ мы тебѣ госьбище великое. Нѣту золотой казны бесцетныя, не на што купить напитокъ медовыхъ, поставить на столы да на дубовые припасу-яству хресьенскую. Послушайте-тко сироты горегорькіе, хоть я плацю и выплакиваю и прицеты я выкладываю: не бывать по старому и по прежнему, ужъ не хорошее названьице, не веселое прикликаньице—звать сиротами горегорькими, не хотѣлосе таковаго слова мовити. Пришла та пора времецько, что сироты вы горегорькіе; не по думушкамъ ставаетце, не по мыслямъ совершаетце. Ужъ видно судилъ вамъ Христосъ истинной жить сиротами горегорькими. Не сплывать да сѣру камешку поверхъ ключевой воды холодныя, не вырости кустоцьку ракитову середи да моря синего, не дождатце, не доглядитце вамъ желанного родитель-батюшки».

Когда полагаютъ покойника въ гробъ:—«Вамъ спасибо удалые добры молодцы, сусиди порядовные, что сдѣлали домовище и займище на вики нерушимое. Только не спасибо вамъ, сугрёвы теплые, что не просикли вы косивцята окошецька моему сыну милому, не положили вы хрустального стеколышка: поглядѣлъ бы онъ на своихъ малыхъ дитушокъ, какъ пошли они по міру по крещеному».

Когда повозятъ покойника на погостъ:

«Прощайсе-ко, роженье сердешное, со своей-то свитлой свитлицей, со сироцькой

бѣдной хижиной. Послушай-ко, роженье сердешное, погляжу я, мати бѣдная, на сироцьку бѣдну хижину: всѣ то столбики испатилисе, ободвиринки искосилисе. Я поглядѣла на коня добра на ступцята: онъ понизилъ свою буйну голову ко мать да ко сырой землѣ, онъ ужъ бьетъ мать сыру землю своимъ копытомъ правымъ, ужъ и цюетъ серце ретивое, что не стало у него домохозеина».

Въ то время, когда везутъ покойника на погостъ:—

Ты прощайсе-тко, роженье сердешное, со своею со родимою сторонушкой, со сусѣдями порядовными, со своей да быстрой рицинькой, со полеми со цистыми, со полеми со зелеными.

Списокъ мѣстныхъ словъ.

Ажно,—даже; между тѣмъ.
Асетка,—откликъ: ась. чего, что.
Ато-тя,—ну тебя.
Бажать,—сильно желать (говорятъ о больныхъ и родильницахъ).
Бажоной,—желанный, ласкат. слово.
Базанить,—говорить свысока, на *а*.
Баситце,—наряжаться, украшать себя нарядами, заботиться о наружности; прибаситце—оправить платье, причесать волосы; баской, красивый; баско.
Басни,—разговоры; тѣ-басни да сѣ басни.
Бахилы,—крест. сапоги; худо, неуклюже сшитая обувь.
Баять,—говорить.
Беремя,—ноша; взеть въ беремя, взять въ охапку
Бѣстолоць,—безтолковый человѣкъ.
Бешлотъ,—придорожная канава.
Блажить, — чудить, дѣлать странности; блажной.
Божатой, божатка,—крестный отецъ, крестная мать.
Больно,—больно.
Большакъ, большуха, — старшій, старшая въ семьѣ; болшина, главенство въ семьѣ.
Бороздить,—препятствовать, противорѣчить.
Босовики,—обувь въ родѣ туфлей, одѣваемая на босу ногу.
Бранина, забраннна,—домашній узорчатый холстъ для скатертей и полотенецъ.
Братанъ,—двоюродный братъ.
Братыня,—мѣдный сосудъ съ рожкомъ; въ немъ подаютъ гостямъ квасъ.
Буракъ, бурацёкъ,—корзина изъ сосновой драни.
Бужать,—будить; побужать.
Бульмакъ,—водянистый пузырь.
Вагáль,—самая мелкая, худая рыбешка.
Валяница,—мѣсто подсѣки, порубки лѣса.
Валтажитце,—заниматься много чѣмъ-нибудь, ухаживать за кѣмъ-нибудь.
Варя,—тяжесть; всей варей навалилсе, со всей вари грѣхнулсе.
Вдозаболь, взаболь[1]), взабыль,—въ самомъ дѣлѣ, не шутя.
Вёснусь,—прошлой весной.
Вёснуть,—висѣть.
Верстина,—песокъ изъ разгорѣвшаго камня, которымъ трутъ полы.
Верви,—нитка для шитья обуви.
Верхонки,—насыпанное сверхъ мѣры, данное сверхъ должнаго.
Вехоть,—пучекъ мочалы, употр. для мытья половъ.
Вирáнда,—куча хворосту на подсѣкѣ.
Вирать,—плести (о лаптяхъ); въ пер. смыслѣ отвертываться, хитрить, дѣйствать или говорить уклончиво.
Виця,—розга, прутъ.
Вмистяхъ,—вмѣстѣ.
Волганцы, волнухи, подъелыши и др.—грибы въ отличіе отъ боровыхъ рыжиковъ.
Вологa,—всякая жидкая, вареная пища.
Волосъ те седь,—ругат. выраженіе.
Волоть,—стебель хлѣбнаго растенія.
Воркотунъ, унья,—ворчунъ, ворчунья.
Воронець, — полка отъ угла печи къ противоположной стѣнѣ, на высотѣ человѣческаго роста.
Впоровень,—поровну.
Всякой выжимой день, — каждый день, постоянно, безъ пропуску.
Втора,—бѣда.
Вылюдье,—одежда, обувь, въ которой не стыдно показаться чужимъ людямъ.
Вѣровать,—желать, хотѣть, надѣяться; она вѣруетъ за него взамужъ; у него есть вѣра ку цёбѣ; по своей вѣрѣ, сообразно своимъ понятіямъ.
Гаведъ,—лягушки, ящерицы и пр. гады.
Гарьяки,—угощеніе при покупкѣ и мѣнѣ лошадей.

---

[1]) Слово взабыль извѣстно у насъ на большомъ пространствѣ, срвн. серб. (о)збильски, (о)збильно—серьезный, серьезно, взаправду. Ред.

Ґайно,—пасть, ротъ.
Глодатце,—взаимно браниться.
Глупыши,—оладьи изъ гороховой муки.
Ґоношить,—скоплять, собирать въ одно мѣсто; гоношитце, ютиться.
Граять,—каркать; громко и долго смѣяться.
Давень,—давеча.
Даромъ,—ничего, не бѣда.
Дедина,—жена дяди.
Дельницы,—шерстяныя рукавицы.
Долонь,—ладонь; токъ на гумнѣ.
Домовище,—гробъ.
Дородной,—хорошій; дородно, хорошо, ладно.
Досемесь,—до сихъ поръ.
Доступить,—добыть, добиться.
Досюль, досюлесь,—давно, прежде; досюлешной, древній, старый.
Досужой,—искусный, умѣлый.
Дотовошней,—спрежній, старинный.
Дроцить,—ласкать; дроцёной; дроки; дроцёна, кушанье, лепешка изъ сдобнаго тѣста или тертаго картофеля, испеченная на сковородѣ въ запаханной печи.
Дубець,—тонкая палка, хлыстъ изъ тонкаго деревца.
Дымоволокъ—труба въ курной избѣ.
Е,—есть.
Ели,—если
Ересливой,—раздражительный.
Еретикъ,—бранное слово.
Еретина,—первая шерсть съ молодой овцы или барана.
Есть у тя волось } Ничего у тебя нѣтъ,
Есть у тя нырки } ничего ты не знаешь.
Жаба,—бранное слово.
Жалобитце,—жаловаться.
Жаровиця,—клюква.
Желанна,—любовь, жалость.
Жемокъ,—круглый пряникъ, сплюснутый съ двухъ краевъ, безъ узоровъ.
Жижлуха,—ящерица.
Жира,—хозяйство; жира у нихъ хорошая; живутъ на двѣ жиры; двужирный домъ.
Жировикъ,—бранное слово.
Жито,—ячмень; житникъ, небольшой хлѣбецъ изъ ячменной муки, незыв. еще двинянка.
Жолви, жолватой,—бранныя слова; собственно жолвями называютъ золотушныя железы на шеѣ.
Заблюдникъ,—нѣсколько полокъ, соединенныхъ вмѣстѣ, для храненія блюдъ, тарелокъ, вообще разной посуды.
Загоска,—кукушка.
Загуста,—каша изъ ржаной или житной муки.
Заимка,—вѣстовой, курьеръ.
Заклекнутце, — захлебнуться, подавиться (пищей).
Залукайтесь,—приходите, заѣзжайте; такъ приглашаютъ крестьяне въ гости.
Заложить,—запереть на замокъ.
Замашка,—привычка.
Засловье,—заступа на словахъ за когонибудь.
Заспа,—ячменная или овсяная крупа.
Зашаятце,—затлѣться.
Зимўсь,—прошлой зимой.
Зобать,—ѣсть муку, зерна въ ихъ естественномъ видѣ.
Зобенка, зобниця, — корзинка для муки плетеная изъ бересты.
Зой,—ссора, драка.
Изгилятце,—издѣваться, насмѣхаться.
Издержатце,—пропасть, околѣть (о дом. скотѣ).
Изнимай-тя, штобы тя изнело,—бранныя выраженія. Тутъ разумѣется лихоманка, трясовица. Изнимальникъ, изнимокъ. Вишь какъ его изнимаетъ-то, говорятъ про человѣка, громко и продолжительно смѣющагося или выкидывающаго какія-нибудь странности для потѣхи окружающихъ.
Имоцьки,—жмурки.
Исполохатце,—испугаться.
Кабуша,—конусообразный кусокъ сыру.
Казакъ, циха,—наемный работникъ, ница.
Калитка,—сочень изъ житной муки, политый сверху мукой, разведенной въ сметанѣ или молокѣ и испеченный въ запаханной печи.
Кальгà,—карманъ, какъ мѣсто храненія денегъ; при игрѣ въ бабки означаетъ количество бабокъ у играющаго.
Калужина,—коряга.
Какъ быть,—какъ бы не такъ.
Капшать,—брести потихоньку.
Кежъ,—холодная вода съ примѣсью овсяной муки, употребляется для питья.
Керстà,—могила. Срвн. др. ц. слав. кръста-τύμβος.
Кляпцы,—капканъ для медвѣдей, волковъ, лисицъ и т. п.
Козни,—бабки.
Кои жолви, кои усови, — что за штука, чего еще надобно (при ссорѣ).
Колобъ,—лепешка изъ толокна или житной муки на сметанѣ или коровьемъ

маслѣ, завернутая съ низу въ сочень изъ ржаной муки, испеч. въ запах. печи.
Коловоротъ,—сверло.
Колотитце,—стучаться.
Колотырить,—говорить пустяки; колотырникъ.
Колотуха и колетуха,—высокая колючая трава на поляхъ.
Конь,—сколь.
Конобоитце,—биться долго и безъ толку съ упрямымъ или пьянымъ человѣкомъ.
Корбуса,—уклейка.
Корзать,—рубить (хвою отъ ели для подстилки скоту),
Косарь,—большой ножъ съ загнутымъ концемъ; употребляется для очищенія пожень отъ порослей.
Копеляетце,—тихо исправляетъ дѣло.
Круги кованы,—колеса окованныя.
Крупихонной,—крошечный.
Крутитце,—одѣваться.
Крынка,—горшокъ для молока.
Крыльця,—плечи.
Крятать,—трогать, двигать съ мѣста.
Кунимъ,—нѣмой, косноязычный.
Кукры, кукорки,—плечи.
Кулюха,—это слово употребляется лишь вопросительно. Напр.: что у тебя тутъ закрыто, или завязано? говорятъ: какая у тя тутъ кулюха? Если ребенокъ проситъ чего-нибудь, не объясняя, что ему собственно надо, говорятъ: какая тѣ кулюха надобна?
Курева,—вьюга, снѣгъ съ вѣтромъ; закуревило—началась вьюга.
Кутышкать,—щекотать.
Ладить,—думать, предполагать, намѣреваться.
Лагунъ,—стоячій боченокъ, употребляемый для приготовленія и храненія кваса.
Ласкота,—ласковый человѣкъ.
Латка,—широкая и низкая глиняная посуда; кушанье изъ рыбы приготовленное въ такой посудинѣ.
Латуга,—кубарь съ широкимъ верхомъ для игры на льду.
Левашъ,—тонкій сочень изъ растертыхъ ягодъ, высушенный на солнцѣ или въ печи.
Либайдать, — трястись во время ѣзды.
Лизунъ,—быстрый ударъ.
Ложецьникъ,—особой формы коробка изъ сосновой драни для храненія ложекъ.
Лони, лонись,—въ прошломъ году; лоньской.
Лошить,—стеречь, выбирать удобную минуту; излошилсе, улошилъ, изловчился.
Лукно,—лукошко, свернутая изъ осиновой драни круглая коробка съ крышкой для храненія муки.
Макса,—рыбьи молоки, особенно у налима.
Малёгъ, малёжокъ,—чистый сосновый или еловый лѣсокъ.
Медуникъ, ница,—дикая пчела.
Межень,—жаркое время въ серединѣ лѣта.
Меледа,—суетливый человѣкъ; меледить, частить ногами.
Мелузъ,—овсянная мякина.
Моль, молёкъ, молчё,—мелкая рыбешка.
Мотоузъ,—плетешекъ (снуръ) изъ крашеныхъ шерстяныхъ и льняныхъ ниток для привязыванія къ прялкѣ льна.
Мякушка,—каравай.
Набъ,—надо бы.
Надія,—надежда.
Надиватце,—одѣваться.
Надъ, надобѣть, надоть,—надобно.
Наголо, — безъ исключенія; всѣ наголо пьеницы.
Нáзвище,—названіе.
Накурить,—напроказить.
Наконъ,—разъ, пріемъ; не одинъ наконъ кликалъ.
Наливка,—лепешка изъ ржаной муки, политая сверху житной мукой, разведенна сметанѣ.
Напредки,—впередъ, на будущее время.
Напрокуцить,—наскучить, надоѣсть.
Наредихи,—ряженые.
Нáстоять,—настаивать.
Настрѣту, насустрѣту,—навстрѣчу.
Натужно,—тяжело.
Нашавить,—налгать; нашавѣлось, — говорится о нежданномъ-негаданномъ, но пріятномъ.
Непорнящой,—слабый, худенькій.
Обабки,—грибы масляки.
Облицье,—обликъ, черты лица.
Обманить,—обмануть.
Обневолить,—приневолить.
Оболокатце, оболокцись, — одѣваться, одѣться.
Оботуръ,—упрямый, своенравный.
Оброснуть,—сдернуть вдругъ, заразъ, напримѣръ листы съ вѣтки или сѣмя съ конопли.
Обутка,—обувь.
Обыреть,—очувствоваться.
Одгонуть,—отгадать.

Одгладыватце,—отвѣчать на брань бранью.
Однакой,—одинаковый; все однако, все равно.
Одноушокъ, буцекъ, полубурацье,—высокая корзина изъ сосновой драни.
Одоли берутъ,—изумленіе овладѣваетъ.
Окоёмной, окоёмъ,—непослушный, упрямый.
Ококовѣть,—иззябнуть до оцѣпенѣнія.
Околѣть,—озябнуть.
Окрутники,—ряженые.
Окуржевѣть, — объиндевѣть, покрыться инеемъ.
Оногдысь, ономедни, нись,—не такъ давно, нѣсколько дней тому назадъ.
Опознать,—не узнать кого-либо знакомаго.
Опознатце,—принять одно лицо за другое.
Опорки,—худая обувь.
Опризорить,—сглазить.
Опристать,—устать.
Осенесь,—прошлой осенью.
Ослеги,—слеги, толстые колья.
Осохутить, охутить,—спрятать.
Осохупёлки,—игра въ прятки.
Откуль,—откуда; откулешной.
Отсюль,—отсюда; отсюлешной.
Охаратки,—объѣдки.
Охти-мнѣценьки, охти-мнѣ-тошнешенько, тошнехонько,—восклицанія горя, унынія.
Очапить,—перевѣсить, перетянуть.
Очапъ,—шестъ, на которомъ виситъ зыбка.
Пабѣдъ,—время ѣды между завтракомъ и обѣдомъ; пабѣдовать, пабѣдать.
Павокъ,—паукъ.
Падёра,—вихорь, порывистый вѣтеръ.
Палъ прятать,—собирать въ шатры (конусообразныя кучи) обгорѣвшій на подсѣкѣ лѣсъ.
Паморocéльной,—пасмурный.
Перелѣтней,—прошлаго лѣта.
Перепастце, переполохатце,—испугаться.
Пикша,—рыба въ родѣ трески.
Платъ,—большой женскій платокъ.
Платнò—платье, одежда.
Плошка,—огниво.
Побоцины,—бока у саней.
Повора,—конская болѣзнь; оповоритце.
Подаця,—уступка; податце, уступить.
Подсебритце,—поддѣлаться; себры, владѣющіе чѣмъ-либо вмѣстѣ.
Поёмъ, поймы, — разъ, пріемъ; въ три поймы сробилъ.
Поладливой,—сговорчивый, уступчивый.
Показатце, — приглянуться понравиться, прилюбиться.
Покуль,—покуда, пока.
Полохало,—пугало; полохать, пугать.
По-нàсёркѣ,—по злобѣ.
Понитокъ,—рабочій кафтанъ.
Порато,,—очень, сильно.
Порной порнящой,—сильный, здоровый.
Пороцька,—сосудъ изъ бересты въ видѣ цилиндра съ крышечкой; хранятъ молоко, сметану и т. п.
Пòртно,—холстъ.
Поскотина,—выгонъ для скота.
Посидни,—на дняхъ.
Послухмянной,—послушный.
Потеменки, сутеменки,—сумерки.
Похмылой,—покатый.
Праведникъ,—лѣшій.
Прехехенька, хениха,—любимая дѣвушка.
Пригонощить,—прикопить въ запасъ.
Пригунуть,—притихнуть.
Притужить,—стянуть покрѣпче.
Приузъ,—цѣпъ.
Пропадущина,—падаль; бранное слово.
Прошоркать, тце,—протереть,—ться.
Прòхолодь,—прохлада.
Ражой,—хорошій, сильный, трудный; ражо.
Разатце,—бросаться изъ стороны въ сторону.
Разсусорить,—разсорить, раздавать.
Свицинька моя теплая,—ласкат. слово.
Сгибень,—пирогъ безъ начинки.
Середа,—полъ.
Сестрея,—двоюродная сестра.
Скиляжить,—выплакивать, со слезами просить.
Скуда,—нужда.
Славутниця, — почетная, выдающаяся дѣвушка.
Слитье,—хлѣбъ на корню.
Снафида,—безтолково, безъ вкуса одѣтая.
Собина,—своя особенная часть.
Собинка,—ласкат. слово.
Сорога,—плотица.
Соцень, сканець,—очень тонко накатанное тѣсто.
Спрындѣвать,—покрыться прыщами, красными пятнами.
Стронуть,—сколотить (о полахъ и потолкахъ).
Сугрѣва моя теплая,—ласкат. слово.
Сукманина,—дом. сукно, затканное льняной ниткой.
Сỳкрестъ-нàкрестъ,—крестъ-накрестъ.
Сулить,—обѣщать.
Ставець,—деревянная чашка,
Столопъ,—столбъ.

Стопка,—деревянная точеная вѣшалка для платья.
Стягъ,—колъ, жердь.
Ступни,—башмаки, съ большими каблуками.
Тамо-тка,—тамъ.
Тата, татка, татенька,—отецъ.
Таракъ, отаратокъ, тарацёкъ,—кусокъ, обломокъ, обрывокъ.
Теплина,—зажженая лучина.
Тертюшки,—поплавки изъ бересты у сѣтей.
Товосе, тоговосе, товосетка, — это какъ оно, какъ бишь.
Толокно,—мука, смолотая изъ запаренаго и высушеннаго овса, употребляется въ пищу съ водой, квасомъ (тяпушка), постнымъ масломъ (соломата) и вареными ягодами. Толокненка, толокненница, загустая каша изъ толокна; ѣдятъ её съ хлѣбомъ. Каргополы—толокнянники.
Тонь,—столь.
Тоснуть,—тосковать.
Треста̀,—полотнище.
Угланъ, угланцикъ,—подъязокъ, небольшой (ф.или $1^1/_2$) язь.
Уёмъ,—уговоръ, увѣщаніе; уйму на него нѣту.
Утамжить,—спрятать.
Утрось,—утромъ.
Ухватка,—привычка,
Хайло,—пустой горланъ.
Хаять, хинить,—порицать; похинка,
Ходить подъ-ȯконье,—ходить по міру, по милостыню.
Хрядѣть,—худѣть.
Худоба,—порокъ.
Целобитье, тьице,—поклонъ черезъ письмо.
Целнȯ, (ср. рода)—челнокъ.
Циги-циги,—овечья кличка.
Цюнки,—салазки.
Цюра,—крупный песокъ.
Цямженой,—о лошади, которая тихо, не р ѣ з к о ѣстъ.
Шавера,—остатки, обрубки, сучья послѣ рубки лѣса.
Шадровитой,—корявый, съ знаками отъ оспы на лицѣ.
Шалги,—1) два колышка, употр. вмѣсто веревокъ на качеляхъ; 2) рыбьи жабры.
Шаль,—глупый, ая; пришалимокъ.
Шаньга́, шянёшка,—заспа или пшено, размоченныя въ молокѣ, налитыя на сочень и испеченныя въ запаханной печи.
Шарки, шарканцы,—башмаки съ тонкими подошвами, безъ каблуковъ.
Шайма,—низкое, болотистое мѣсто.
Шибать, тце,—бросать, тьсе.
Широкой праздникъ, — большой годовой праздникъ.
Шоболтать, тце, болтать, ся.
Шоркать,—тереть.
Шӯшера-я̀шера,—сбродь, голь; ругат. слово.
Щелкуша,—женщина, говорящая рѣзко и громко, безъ умолку.
Щемица,—снарядъ для ловли медвѣдей.
Щуры,—дождевые черви.
Эка-па,—восклицаніе удивленія или презрѣнія, судя по тону, какимъ произносится.
Элкасикъ,—стариннаго покроя фуражка.
Ягодка,—ласкат. слово.
Язвецъ,—барсукъ.
Ярыга,—промотавшійся, зазорнаго поведенія человѣкъ.

Студентъ СПБ. Дух. Акад. II курса *Яковъ Свѣтловъ.*

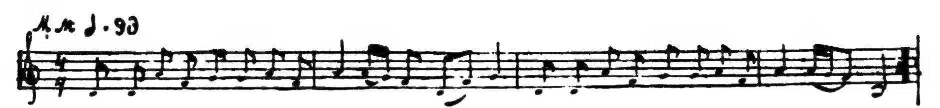
ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Игра въ Тура.

Дѣвушки берутся за руки и образуютъ большой кругъ, который называется «городомъ». Двѣ дѣвушки становятся внутри круга, двѣ снаружи. Та и другая пара обнимаются за талью, какъ въ полькѣ и начинаютъ ходить вдоль круга въ противоположныя стороны, причемъ поочередно поютъ слѣдующую пѣсню.

А Варіантъ изъ деревни Малая Дубровица

А туръ свои, а туръ свои жо-ноч-ки лычыть А туръ свои а туръ сво-и мо-ло-дэнь... [1])

Весь хоръ: 1) А туръ свои (:) жоночки лычыть [2])
2) А туръ свои (:) молодэньки
3) На що туру (:) жоночки лычишъ?
4) На що туру (:) молодэньки?
Пара внутри круга: 5) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ черешнёго саду
6) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ зэлэнэнького
Пара внѣ круга: 7) Чого мыла (:) до саду ходыла?
8) Черешнёвы (:) квиты ломала.
9) На що мыла (:) квиты ломала?
10) Поповычу-дяковычу за шапоньку клала
11) Поповычу-дяковычу молодэньку.
12) На що мыла (:) за шапоньку клала?
13) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ черешнёго саду
14) Кобъ м'пя вывювъ (:) зъ зэлэнэнького

---

[1]) О принятой у всѣхъ бѣлорусовъ, полѣшуковъ и малороссовъ, манерѣ не допѣвать въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ послѣдняго слога я писалъ въ журналѣ «Баянъ» 1890 г. №№ 4 и 5.
[2]) Считаетъ.

15) А дэ мыла (:) коня поділа?
16) Ой отдала (:) поповычу
17) Поповычу-дяковычу молодэньку
18) На що мыла (:) поповычу дала?
19) Кобъ м'ня вывюв (:) зъ черешнёго саду
20) Кобъ м'ня вывюв (:) зъ зэлэнэнького

Пѣсня повторяется съ 15 по 20 куплетъ включительно съ замѣной слова «коня» словами «уздэчку, сядло, шапку, сюрдукъ, поясъ и чобуты», а потомъ поется:

21) А дэ мыла (:) кашу поділа?
22) Выкидала (:) подъ прыпічокъ.
23) На що мыла (:) кашу выкідала?
24) Жебъ не було (:) мылому істы.

Дальнѣйшія слова поютъ уже на другой напѣвъ:

Пара внѣ круга: 25) А я пер-стэнь по-ко - чу, такъ и жо - ну и - зы - щу

Пара въ кругѣ: 26) А мы перстэнь зловымо, такъ и жоны нэ дамо.
27) А я мыстъ пзмощу, такъ и жону изыщу.
28) А мы мыстъ зломымо, такъ и жоны нэ дамо.
29) А мы хліба напекимъ, такъ и жону отберимъ.
30) А мы хлібъ изъімо, такъ и жоны нэ дамо.
31) Мы горілки наженимъ, такъ и жону отберимъ.
32) Мы горілку выпьемо, такъ и жоны нэ дамо.
33 А мы пыва наженимъ, такъ и жону отберимъ.
34) А мы пыво выпьемо, такъ и жоны нэ дамо.
35) А мы мэду наженимъ, такъ и жону отберимъ.
36) А мы мэдъ выпьемо, такъ и жоны нэ дамо.
37) А мы выно наженимъ, такъ и жону отберимъ.
38) А мы выно выпьемо, такъ и жоны нэ дамо.
39) А мы дюггю (дёгтю) наженимъ, такъ и жону отберимъ.
40) А мы дюготь выльемо, такъ и жоны нэ дамо.
Весь хоръ: 41) А туръ жону спуймывъ [1]), зъ ею шкуру здонівъ [2]).

При послѣднемъ куплетѣ дѣвушки, ходившія внутри круга, выбѣгаютъ оттуда, а ходившія снаружи ихъ ловятъ. Этимъ игра кончается.

Варіантъ *В*.

Записанъ въ с. Хорощинкѣ свящ. от. Михаиломъ Ваховичемъ.

1В—1А; 2В—3А; 3В—5А Щобъ мя вывелъ...; 4В—6А Щобъ мя вывелъ... 5В—15А Агдя...; 6В—16А; 7В—17А; 8В — 18А; 9В—19А Щобъ мя вывелъ...; 10В—20А Щобъ мя вывелъ... Пѣсня поется какъ и въ вар. А съ замѣной слова «коня» словами: «уздэчку, сѣдло и быча» 23В—7А; 24В—8А... цвіты...; 25Б—9А... цвіты...; 26В—10А; 27В—12А; 28В—5А Щобъ мя вывелъ...; 29В—6А Щобъ мя вывелъ...; 30В—29В; 31В Поповычу, дяковычу молодэнькому.

---

[1]) Поймалъ; [2]). Содралъ.

Вар. *C*

Запис. мною въ посадѣ Пищацъ.

1) Ой пойду я коло города, гукаю (:)
2) Свэі милэі, жоны хорошэі шукаю (:)
3) А витэ, браття, чи не бачилы
4) Нашэі милэі, жоны хорошэі въ городі (:) [1])?
5) Ой хочъ бачилы, а хочъ нэ бачилы нэ скажимъ (:)
6) Есть ваша милая, жона хорошая въ городі (:)
7) А мы хліба напечимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (:)[2])
8) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
9) А мы хлібъ вашъ изъімо (:)
10) Вашэі милэі, жоны хорошэі нэ дамо (:)
11) А мы пыва наточимъ (1) васъ, браття, запрошимъ (:)
12) И свою милую, жону хорошую отберимъ (.)
13) А мы пыво выпьемо (:)
14) Вашэі милэі, жоны хорошэі нэ дамо (:)
15) А мы вина наточимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (:)
16) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
17) А мы вино выпьемо (:)
18) Вашэі милэі, жоны хорошэі не дамо (:)
19) Мы яблички поточимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (:)
20) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
21) Мы яблички изымо (:)
21) Вашэі милэі, жоны хорошэі не дамо (:)
23) А мы замки замкнэмо (:)
24) Вашэі милэі, жоны хорошэі не дамо (:)
25) А мы замки побьемо (:)
26) И свою милую, жону хорошую, возьмемо (:)

Игра ведется такъ же, какъ и въ д. Малая Дубровица.

Мѣстечко или посадъ Пищацъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ станціи Хотыловъ Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги. Деревня Мал. Дубровица—Пищацкаго прихода въ 4-хъ верстахъ отъ этого посада на югъ. Село Хорощинка въ 9 верстахъ отъ посада Пищацъ на юго-юго-востокъ.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ играютъ «въ тура», можно сказать слѣдующее:

Шейнъ въ своемъ сборникѣ Бѣлорусскихъ пѣсенъ (1887 г. т. I, ч. I, стр. 133) указываетъ на особый разрядъ пѣсенъ «вялиходныхъ» или «великодныхъ», которыя въ Бѣлоруссіи и Литвѣ поются народомъ въ продолженіи Святой недѣли. Онъ раздѣ-

---

[1]) Въ 3 и 4-омъ куплетахъ тактъ 1-й повторяется 4 раза.
[2]) Въ куплетахъ 7, 9, 11, 13, 15, и 17 т. д. тактъ 1-ый поется одинъ разъ и затѣмъ прямо переходятъ ко второму.

ляетъ эти пѣсни на 1) волочобныя—поздравительныя, распѣваемыя въ первые три дня Пасхи подъ окнами зажиточныхъ сельскихъ обывателей съ цѣлью полученія «волочобнаго», т. е. подачки въ видѣ съѣстныхъ припасовъ или денегъ, и 2) собственно вялікодныя, переходящія въ весеннія, троицкія и семейныя. Въ той части Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., въ которой я собиралъ свои этнографическіе матерьялы, т. е. въ Пищацѣ и его окрестностяхъ, въ Пасхальную недѣлю вовсе не поется «волочобныхъ» пѣсенъ, но слово «волочобное»—извѣстно; имъ называется плата духовенству за освященіе пасхальныхъ яствъ въ видѣ яицъ, хлѣба, ржи и т. под. Пѣсни же собственно великодныя или по мѣстному выговору «велыкодныя» поются здѣсь дѣвушками съ перваго дня Пасхи до Ѳоминой недѣли и соединяются съ хороводными играми. Ни въ пѣсняхъ этихъ, ни въ играхъ молодежь мужскаго пола вовсе не участвуетъ. Исполняются онѣ только въ хорошую погоду, на улицѣ, посреди села, причемъ дѣвушки въ большихъ селахъ разбиваются на хоры по улицамъ, а въ деревняхъ собираются въ одинъ хоръ. Дѣвочки и подростки составляютъ отдѣльные хоры, причемъ въ пѣсняхъ и играхъ строго подражаютъ взрослымъ. Если «велыкодная» пѣсня не соединена съ игрой, то поютъ ее или сидя около дому на какихъ либо бревнахъ, доскахъ, или дровахъ, или берутся за руки, становятся поперегъ улицы и проходятъ ее всю отъ одного конца деревни до другого. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскимъ Забужьемъ, въ селѣ Страдечъ (Грод. губ. Брестск. уѣз.) тоже самое дѣлаютъ нѣсколько иначе: дѣвушки берутся за руки, одна изъ нихъ идетъ вдоль улицы и дѣлаетъ зигзаги то вправо, то влѣво, а остальныя, держась за руки, слѣдуютъ за нею, причемъ весь рядъ извивается въ видѣ змѣйки. Это называется тамъ «вордàрку водыть», вѣроятно отъ слова «володаръ» или «воротаръ», которымъ въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской называется особая хороводная игра (см. Чубин., III стр. 38). Отсюда происходитъ наименованіе великодныхъ пѣсенъ «вордарными», примѣняющееся ко всѣмъ пѣснямъ, поющимся въ Пасхальную недѣлю въ с. Коднѣ (надъ Бугомъ). Въ этомъ селѣ названіе «велыкодныя» неизвѣстно. Имѣя большую коллекцію «велыкодныхъ» или «вордарныхъ» пѣсенъ и игръ изъ селъ Пищаца и Кодня и ихъ окрестностей, я сравнивалъ ихъ съ великодными бѣлорусскими (у Шейна), съ весенними малороссійскими (у Чужбинскаго) и троицкими полѣсскими (у Булгаковскаго, Пинчуки) и нашелъ варіанты только для двухъ изъ моихъ пѣсенъ, а именно: черезъ наше сэло везено дэрэво (Чуб. III, стр. 130) и «не росты вкропе» (Чуб. III, с. 141; Булгак. стр. 53). Что касается игръ, то изъ нихъ у Чубинскаго оказались слѣдующія:

1) Проданное дитя (Чуб. III с. 93)—здѣсь называется «золото зэрнэтко» (Мал. Дубр.) [1]; 2) Хрещикъ (Чуб. III с. 82)—подъ тѣмъ же названіемъ; 3) Пужмірки (Чуб. III с. 101)—«слѣпая баба» (Мал. Дубр.) [2]; 4 Царенко—«къяинька» (Мал. Дубр. 3); 5) Воронъ (Чуб. III с. 73)—«вовкъ» (Мал. Дубр.) 4); 6) Крывый танецъ (Чуб. III с. 32)—«города» (Пищацъ).

Такимъ образомъ «велыкодныя» или «вордарныя» пѣсни и игры болѣе подходятъ къ малороссійскимъ весеннимъ, чѣмъ къ бѣлорусскимъ «вялікоднымъ». Къ этимъ же играмъ принадлежитъ и «игра въ Тура», которую мы здѣсь сообщаемъ. Варіантъ ея мы находимъ у Чубинскаго (III с. 69) подъ именемъ «жены и мужа». Игра эта въ Волынской и Подольской губ. производится слѣдующимъ образомъ: «внѣ круга ходитъ дѣвушка, представляющая собою мужа, съ кнутомъ въ рукѣ. Представляющая собою жену находится среди круга. Въ концѣ пѣнія мужъ врывается въ кругъ, а жена должна уходить, иначе онъ будетъ ее бить кнутомъ».

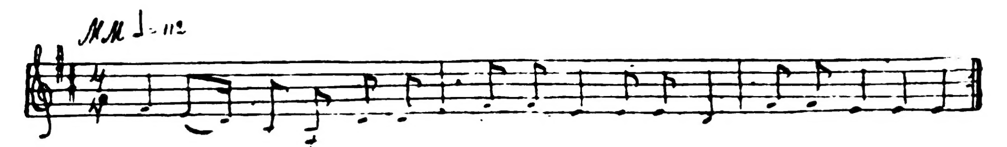
Игра въ «жену и мужа», какъ надо думать, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ; въ Россіи она сохранилась не только у малороссовъ, но и у великороссовъ. Думаю, что не безъинтересно будетъ привести здѣсь одинъ изъ великороссійскихъ варіан-

---

[1]) У Терещенко (IV с. 42—43) эта игра называется «колышки» и «кумки».

[2]) У Терещенко—жмурки (IV с. 30); [3]) У Терещ. IV с. 147—выборъ невѣсты. 4) — У Терещ. IV с. 15 и 94; игра въ «гусей и волка» (Тер. IV с. 15 сѣрый волкъ) — называется Gęś и играется по польски (Мал. Дубр. и Пищацъ).

товъ этой игры, записанной мною у бывшихъ Прусскихъ старообрядцевъ, а нынѣ единовѣрцевъ, переселившихся лѣтъ 18 тому назадъ изъ Пруссіи въ Царство Польское и образовавшихъ село Благодатное (Бискупицы тожь) въ Троицкомъ уѣздѣ Варшавской губ. Вотъ этотъ варіантъ:

Ахъ 'щель я до стар-ца на-ска-чусь на-пля-шусь на-гу-ля-ю-ся.
Ахъ 'щель я до старца
Наскачусь, напляшусь,
Нагуляюся?
Ахъ старецъ ты мой,
Лихо матери твоёй.
Не велѣлъ бѣло бѣлиться,
Ни румяниться,
Велѣлъ въ кельи сидѣть
Богу молиться.
А мнѣ да молодёшенькѣ
Не хочется.
Захотѣлось молодёшенькѣ
Попѣть, погулять,
Попраздноватн.

Игра происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Парни и дѣвушки становятся въ кругъ (хороводомъ). Одну дѣвушку выбираютъ за жену, а одного парня за мужа. Жена стоитъ въ кругу, а мужъ за кругомъ. Когда пропоютъ вышеприведенныя слова пѣсни, то дѣвушка, изображающая жену, обращается ко всѣмъ парнямъ, стоящимъ въ кругу, поочередно, и спрашиваетъ:

Дѣв. Здраствуйте, господинъ. Имѣю васъ честь спросить: скудова вы родомъ?
Парень. Я съ Москвы.
Дѣв. А не видали вы моево старца?
Пар. Видѣлъ: Шатается—болтается,
Васъ бить собирается.

Потомъ дѣвушка обращается къ другому парню; повторяется тотъ же разговоръ, но второй парень отвѣчаетъ: «я съ Петербурга», третій изъ Бреста, четвертый изъ Варшавы, пятый изъ Варки (городокъ ближайшій къ с. Благодатному въ 7 верстахъ отъ него), наконецъ послѣдній отвѣчаетъ: «я здѣшній». Тогда парень, изображающій мужа-старца, входитъ въ кругъ, и начинается разговоръ:

Мужъ: Здраствуй ты, моя душечка.
Жена: Здраствуй старичокъ.
Мужъ: А гдѣ же ты прогуливалась? Я тебѣ сказалъ, штобы ты въ кельи сидѣла, Богу молилась.
Ж. Я сидѣла въ кельи, Богу молилась, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ.
М. Ты отмолодѣла, а я постарѣлъ. Я тебя оставилъ бѣдною, а гдѣ ты такое платье достала? кто тебѣ это купилъ?

Дѣвушка указываетъ на одного изъ парней: «этотъ баринъ». Мужъ перебираетъ разныя части одежды: платокъ, чулки, башмаки и пр. и спрашиваетъ: кто тебѣ это купилъ? Жена указываетъ такъ же, какъ и прежде на другихъ парней по очереди, говоря: «этотъ баринъ, этотъ баринъ» и т. д. Когда очередь дойдетъ до послѣдняго, жена бѣжитъ, а мужъ—за ней и, если догонитъ, то «бьетъ канчукóмъ».

Если мы обратимся къ вышеприведенному варіанту *А* «игры въ тура», то замѣтимъ во первыхъ, что пѣсня состоитъ изъ двухъ частей, исполняющихся на разные напѣвы и различнаго склада. Во вторыхъ находимъ, что части эти соединяются только въ дер. Малая Дубровица, въ сосѣднихъ же селахъ они раздѣлены: въ Хорощенкѣ поется первая часть, въ Пищацѣ—вторая. Это заставляетъ насъ предполагать, что быть можетъ игры «въ тура», и «въ жену и мужа» были первоначально отдѣльныя, но сходныя между собой, почему онѣ и слились въ одну.

Что касается первой части пѣсни, то она представляется малопонятною и даже безсмысленною, вѣроятно потому, что въ ней много пропусковъ. Желая замѣстить эти пропуски, я искалъ той-же пѣсни въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Мал. Дубровицѣ, гдѣ я встрѣтилъ сказанную пѣсню въ первый разъ, но, какъ видно изъ вар. *В*, въ с. Хорощенкѣ пропуски въ пѣснѣ тѣ же самые, а въ болѣе дальнихъ окрестностяхъ въ Пищацѣ и въ Коднѣ она уже неизвѣстна.

Что такое значитъ туръ, о которомъ говорится въ пѣснѣ, крестьяне д. Мал. Дубровицы и с. Хорощинки не могли объяснить. Никакихъ легендъ о турѣ у нихъ не сохранилось.

У Кольберга въ его Chelmskie т. I я нашелъ замѣтку (стр. 6), имѣющую соотношеніе съ туромъ. «Подъ Хотыловымъ близь Пищаца, говорится въ этой замѣткѣ, есть лѣсъ называющійся «Туровымъ лѣсомъ» или гаемъ, въ которомъ находится камень, видомъ напоминающій какъ бы всадника на конѣ. Это былъ какой то важный и жестокій панъ, одна изъ жертвъ котораго закляла его словами: Бодаесь скаменялъ! (т. е. дай Богъ, чтобы ты окаменѣлъ)».

Пѣсня наша представляетъ тура въ человѣческомъ образѣ, считающимъ своихъ, должно быть многочисленныхъ, женъ. Надо думать, судя по словамъ пѣсни, что одной изъ женъ онъ не досчитался, а когда нашелъ ее, то догналъ и содралъ съ нея шкуру. Въ Пищацѣ подтверждали замѣтку Оск. Кольберга о туровомъ лѣсѣ и о камнѣ и даже указывали самый лѣсъ, но мнѣ еще не удалось до сихъ поръ въ немъ побывать.

Сопоставляя слова пѣсни о турѣ съ легендой объ окаменѣломъ всадникѣ въ «туровомъ лѣсѣ», невольно уносишься фантазіей въ тѣ отдаленныя, дохристіанскія времена, когда «туровъ лѣсъ» быть можетъ считался священной рощей, въ которой покланялись и приносили жертвы жестокому божеству «туру», камень былъ его идоломъ или олицетвореніемъ, а наша пѣсня о турѣ священнымъ гимномъ. Но прошли вѣка, и идолъ грознаго божества обратился въ простой камень страннаго вида, гимнъ, ему посвященный, въ хороводную игру, а само божество въ окаменѣлаго жестокаго пана.

Если мнѣ удастся побывать снова въ Пищацѣ и видѣть странный камень, а также услышать еще что-либо о турѣ въ окрестныхъ деревняхъ и селахъ, то я не замедлю сообщить въ Живую старину въ дополненіе къ настоящей замѣткѣ.

В. Мошковъ.

Отъ Редакціи. Въ IV кн. Жив. Стар., имѣющей выйти въ непродолжительномъ времени, будутъ между прочимъ помѣщены статьи г. Довнара-Запольскаго.—О бѣлорусскихъ говорахъ,—г. Гальперина (о книгѣ Ковалевскаго—Обычай на Кавказѣ), г. Яроцкаго,—Русинка Холмскаго края по пѣснямъ. По недостатку мѣста, статьи эти не могли, вопреки первоначальному намѣренію редакціи, войти въ настоящую книжку.

Цѣна 1 р. 50 к.